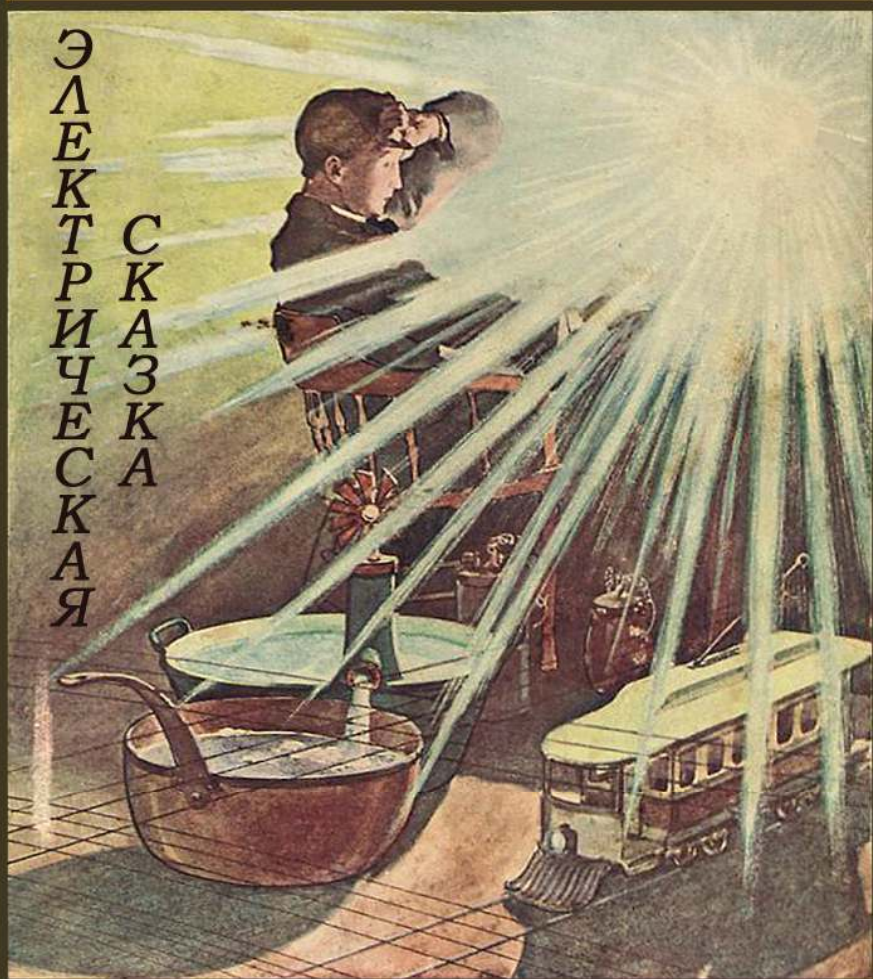

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ
СКАЗКА

Л. ФРЭНК БАУМ

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

электрическая сказка

ОСНОВАНА НА ТАЙНАХ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА И
ОПТИМИЗМЕ ЕГО ПРИВЕРЖЕНЦЕВ. ОНА БЫЛА
НАПИСАНА ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ, НО ПРОЧЕСТЬ ЕЁ
МОГУТ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.

Л. ФРЭНК БАУМ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ф. Я. КОРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОУЭН-МЕРРИЛЛ КОМПАНИ»
ИНДИАНАПОЛИС

АВТОРСКОЕ ПРАВО С 1901 ГОДА
ПРИНАДЛЕЖИТ
«БОУЭН-МЭРРИЛЛ КОМПАНИ»

ОТПЕЧАТАНА И ПЕРЕПЛЕТЕНА
В ТИПОГРАФИИ
«БРАУНВОРЗ ЭНД КОМПАНИ»
БРУКЛИН, НЬЮ-ЙОРК

Моему сыну

РОБЕРТУ СТЭНТОНУ БАУМУ

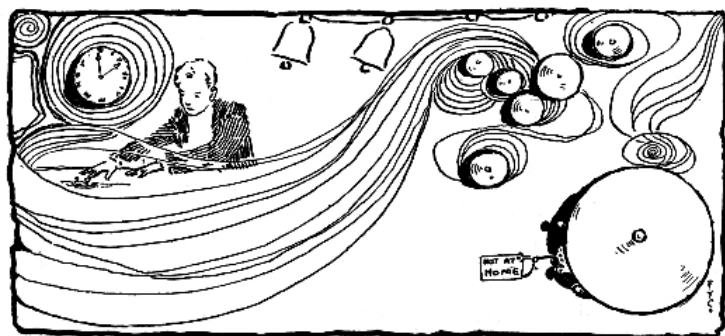

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава</i>	<i>Стр</i>
I Роб и его мастерская	14
II Электрический Джинн	22
III Три дара	30
IV Испытание даров	40
V Людоедский остров	52
VI Флибустьеры	67
VII Джинн гневается	84
XIII Могущество Роба возрастает	93
IX Второе путешествие	102

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	Стр
X Как Роб услужил великому государю	108
XI Учёный муж	129
XII Роб спасает Французскую Республику	140
XIII Роб теряет свои сокровища	150
XIV Татары и турки	165
XV Битва со страшилищами	186
XVI Потерпевшие корабльскрушение	195
XVII Орегонское побережье	208
XVIII От беды на волосок	215
XIX Мальчик принимает решение	225
XX Злосчастная участь Электрического Джинна	230

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	<i>Стр</i>
Из его мастерской потянулись по всему дому проволочные хитросплетения — <i>Начало главы</i>	14
Яркая вспышка света почти ослепила Роба	20
Небывалый Незнакомец взирал на него с величественным спокойствием — <i>Конец главы</i>	21
«Множество учёных полагают: марсиане уже много лет посылают нам сигналы» — <i>Начало главы</i>	22
«Я здесь по твоему приказу», — сказал Джинн — <i>Конец главы</i>	29
«Человечество не открыло того, что известно даже птицам» — <i>Начало главы</i>	30
«Забавляйся моими тремя дарами всю следующую неделю» — <i>Конец главы</i>	39

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Стр

Все были удивлены поведением Роба — <i>Начало главы</i>	40
«Свернёшь себе шею», — орал потрясённый отец	46
Рыжеусый страж порядка шлёпнулся поперёк бульдожьего тела — <i>Конец главы</i>	51
Людоеды подхватили конец верёвки и повели Роба прочь — <i>Начало главы</i>	52
Роба обступили устрашающе уродливые островитяне	57
«Не взыщи, приятель, но мне сегодня попадать к вам на обед не совсем с руки» — <i>Конец главы</i>	66
Роб воспарил ввысь, неся на левой лодыжке целую пиратскую гроздь — <i>Начало главы</i>	67
Пираты падали на палубные доски, где и застывали в неподвижности	74
Когда спустилась ночь, Роб уснул тревожным, прерывистым сном — <i>Конец главы</i>	83
После того, как мать расцеловала Роба, он рассказал о своих похождениях — <i>Начало главы</i>	84
Роб сел и нетерпеливо уставился на Джинна — <i>Конец главы</i>	92
Джинн вынул из внутреннего кармана плоскую металлическую коробку — <i>Начало главы</i>	93
«Эти очки определяют характер любого, кого ты встретишь» — <i>Конец главы</i>	101

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	<i>Стр</i>
Роб, в сущности, был обычным американским сорванцом — <i>Начало главы</i>	102
Роб перевёл указатель на восток-северо-восток и отправился в путь — <i>Конец главы</i>	107
Собралась толпа, все кричали и в изумлении показывали на него — <i>Начало главы</i>	108
Человек ринулся к трубке, но тотчас вскинул руки и рухнул навзничь	113
Роб достиг парадного входа во дворец и наткнулся на свежий отряд телохранителей	119
Роб лишь ухмыльнулся, поглубже затолкал руки в карманы и сбил соломенную шляпу на затылок — <i>Конец главы</i>	128
Ужасный шум и грохот почти оглушили его — <i>Начало главы</i>	129
Француз выпучил на пришельца глаза	132
С высоты пятидесяти футов Роб спокойно обозрел уютный сад — <i>Начало главы</i>	140
Роб принялся наблюдать за сменой выражений на лице великого человека	144
Смешавшись с весёлой толпой, Роб ощутил немалое облегчение — <i>Конец главы</i>	149
Под ним простиралась обширная песчаная равнина, летя над которой, Роб увидел роскошный, покрытый деревьями оазис — <i>Начало главы</i>	150

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	<i>Стр</i>
«Эти ребята, похоже, ищут приключений!»	154
С воплями ужаса и отчаяния трое турков бросились наутёк	163
Робу, жалкому и несчастному, только и оставалось горевать о своей жестокой судьбе — <i>Конец главы</i>	164
Татары приблизились быстро и бесшумно — <i>Начало главы</i>	165
Турок медленно поднялся в воздух, а Роб цеплялся за него с отчаянным упорством.	182
Без дальнейших проволочек он повернул указатель машинки и взмыл, оставив турка ошарашенно следить за отлётом чужеземца — <i>Конец главы</i>	185
К нему приближалась исполинская птица — <i>Начало главы</i>	186
Испустив последний вопль, чудовище рухнуло вниз и присоединилось к своему собрату — <i>Конец главы</i>	194
В продолжение следующих нескольких часов Роба одолевала невыносимая тоска по родному дому — <i>Начало главы</i>	195
На отчаяние моряков было больно смотреть	200
Высоко в небе маленький тощий матрос принялся верещать от страха — <i>Конец главы</i>	207
Роб взмыл в небо — к неопишуемому изумлению рыбаков, вытаращивших глаза — <i>Начало главы</i>	208

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Стр

Роб парил над огромной башней Ликковской
обсерватории, пока не увидел смятение
астрономов — *Конец главы* 214

Выйдя на Озёрный берег, Роб отыскал незанятую
скамейку и сел передохнуть — *Начало главы* 215

Болтаясь в воздухе головой книзу, Роб увидел прямо
под собою пожилого господина, смотрящего на него
с выражением суеверного ужаса — *Конец главы* 224

Ровно в десять часов утра Роб достиг родного дома
— *Начало главы* 225

Роб бодрым шагом поднялся по леснице, вошёл в
мастерскую, затворил и запер за собой дверь
— *Конец главы* 229

Джинн опустилсЯ в кресло, поникший и потрясённый,
глядя на мальчика с нескрываемым ужасом
— *Начало главы* 230

Сверкнула гневная вспышка, схожая с молнией,
наполовину ослепившая и начисто оглушившая
Роба. Когда он опомнился, Электрический
Джинн уже исчез — *Конец главы* 245

КТО ЗНАЕТ?

Разумеется, изложенное здесь — невероятно; а всё-таки — начисто ли невозможно?

Большая наша планета вращается так же исправно, как и встарь — и даже не скрипнет, намекая, что не грех бы и смазать её после стольких веков непрерывного кружения. А времена меняются, ибо меняется человек, ибо цивилизация, точно мельник из доброй старой песенки, «в движение жизнь ведёт, в движение».

Что было неимоверно ещё вчера, сегодня становится обычнейшим делом.

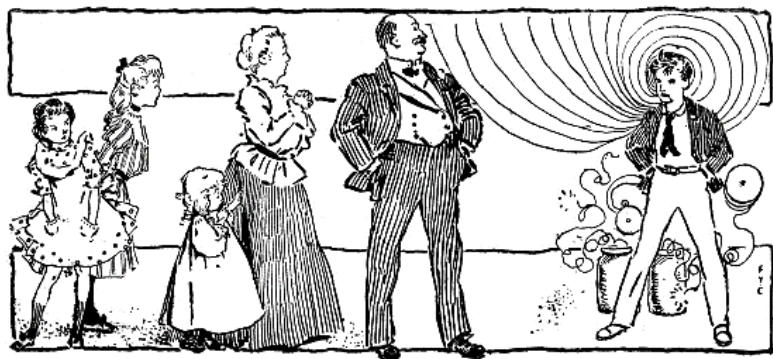
И вот вам сказка, повествующая о чудесах, творимых электричеством, и предназначенная нынешнему поколению детей. Правда, когда маленькие читатели вырастут во взрослых мужчин и женщин, их собственные дети едва ли назовут мою повесть волшебной.

Потому что либо одна, либо две — либо гораздо больше! — изобретённых Джинном шуток сделаются к тому времени обиходными.

Кто знает?

«Философия начинается с удивления, удивлением и заканчивается, а промежуток заполняет восхищение. Но первое удивление есть порождение невежества; последнее же порождает обожание».

КОЛЬРИДЖ

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОБ И ЕГО МАСТЕРСКАЯ

КОГДА Робу взбрело в голову экспериментировать с электричеством, его рассудительный отец усмотрел в этой забаве славное сочетание приятного с полезным и всячески поощрял ребёнка.

У Роба неизменно было вдоволь и батареек, и моторчиков, и всего прочего, что может пригодиться исследователю, ставящему научные опыты.

В укромной клетушке на чердаке Роб устроил себе мастерскую, и оттуда вскорости потянулись по всему дому провололочные хитросплетения. На

каждой входной двери появился электрический звонок; а помимо этого, на всяком окне завёлся, взломщикам на страх, электрический сигнал тревоги; а сверх того, если кто угодно переступал порог какой угодно комнаты, у Роба на чердаке исправно трезвонил особый звоночек.

Газовые рожки зажигались от электрических искр, а электрический гонг, соединённый с капризными, своевольными часами, стоявшими в мастерской, будил и подымал прислугу даже глухой ночью — покуда повар, в конце концов, не осерчал и не пригрозил уйти.

Особый звонок извещал о том, что почтальон бросает в ящик письмо.

Везде, всюду и повсеместно в доме дребезжали, заливались и надрывались электрические звонки, оживавшие вовремя, невовремя и в любое время суток. А в каждой комнате красовалось по телефону, позволявшему Робу тревожить любого из домочадцев именно тогда, когда потревоженному хотелось чуток тишины.

И мать, и сёстры вскоре объявили, что Роб свихнулся, и никому в семье не стало житья. Отец же, напротив, с удовольствием видел, каким искусным электриком становится мальчик, и требовал: дайте юному инженеру полнейшую волю!

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

— Электричество, — разумно замечал престарелый джентльмен, — однажды сделается силой, движущей мир. В будущем цивилизация зашагает вдоль электрических линий, от столба к столбу. А наш ребёнок, пожалуй, станет великим изобретателем и поразит человечество небывалыми творениями.

— Верно, — в отчаянии отвечала мать. — Но прежде всех нас током убьёт, или дом загорится от короткого замыкания — или, чего доброго, разлетится вдребезги, если взорвутся химикалии!

— Чепуха! — яростно возражал счастливый отец. — Батарейки у Роба чересчур слабы, чтоб человека убить или дом поджечь! Оставь парнишку в покое, Белинда!

— От его затей со стыда сгоришь! — не унималась мать. — Вчера, извольте видеть, является в гости приходской священник, звонит у парадного входа — и сверху валится картонка со словами «Я занят, вернитесь попозже».

— Что же, — сказал отец, — весьма разумно.

— Слава Богу, — не унималась г-жа Джослин, — малышка Эллен увидала гостя и отомкнула дверь. Напускаюсь на Роберта — а тот преспокойно заявляет, будто проверял, как работает новое приспособление!

— Вот именно! Мальчик уже изобретает. А я попрошу его приспособить — и поскорее — такой же картонкомёт на дверях моей конторы.

— О, Господи! — вздохнула г-жа Джослин.

— Повторяю, Белинда: в один прекрасный день этот ребёнок станет светилом науки, — молвил г-н Джослин, гордо прохаживаясь взад и вперёд. Он едва не лопался от гордости, думая, какие надежды подаёт Роб.

Г-жа Джослин лишь тяжело вздыхала, понимая: возражать бесполезно, муж потекает мальчишке, а стало быть, надлежит укрепиться духом, нести свой крест и не роптать.

В свой черёд, и Роб понимал: материнская воркотня ему не помеха, и без удержу измышлял всё новые и новые электрические затеи.

Дом превратился в настоящую лабораторию, где испытывались и проверялись качества и возможности всё новых и новых устройств.

Особенно Роб любил работать в чердачной комнатухе — «мастерской». Там находилось не просто средоточие бесчисленных «линий», протянутых по дому, — Роб учинил там себе на радость уйму любопытных устройств.

Крохотный троллейбус бегал по кругу, исправно тормозя у каждой остановки; электровозик и несколько вагонов рывками

подымались по крутому откосу, а потом ныряли в туннель; ветряная мельница усердно перекачивала воду из кастрюльки в медный котелок; лесопилка жужжала вовсю; бесчисленные механические кузнецы, точильщики, плотники, дровосеки, мельники, приводимые в действие мотором, трудились неуклюже, но усердно — каждый по-своему, не покладая жестяных рук.

Провода пересекали клетушку вдоль и поперёк. Они увивали стены, выстилали пол, сетью раскидывались по потолку и ловили бы неосторожного гостя за шею либо лодыжку в самый неожиданный миг — да только гостям доступ в мастерскую был настрого заказан.

Исключение делалось для отца — но и тот не решался шагнуть дальше порога.

Роб считал, будто ему самому известно об этом проволочном скопище всё возможное; однако и он временами попадал впросак, и в тупик заходил, гадая: как же разом использовать всё это добро?

Однажды, когда Роб затворился в мастерской, решив без помех оборудовать электрическим освещением роскошный дворец из папье-маше, он и впрямь запутался среди несчётных проводов. Конечно, у Роба имелся «коммутатор», позволявший соединять и разъединять любые устройства — но провода непостижимым образом

переплелись, и мальчик ума не мог приложить, какими выключателями щёлкать, чтобы в маленьком дворце загорелись лампочки.

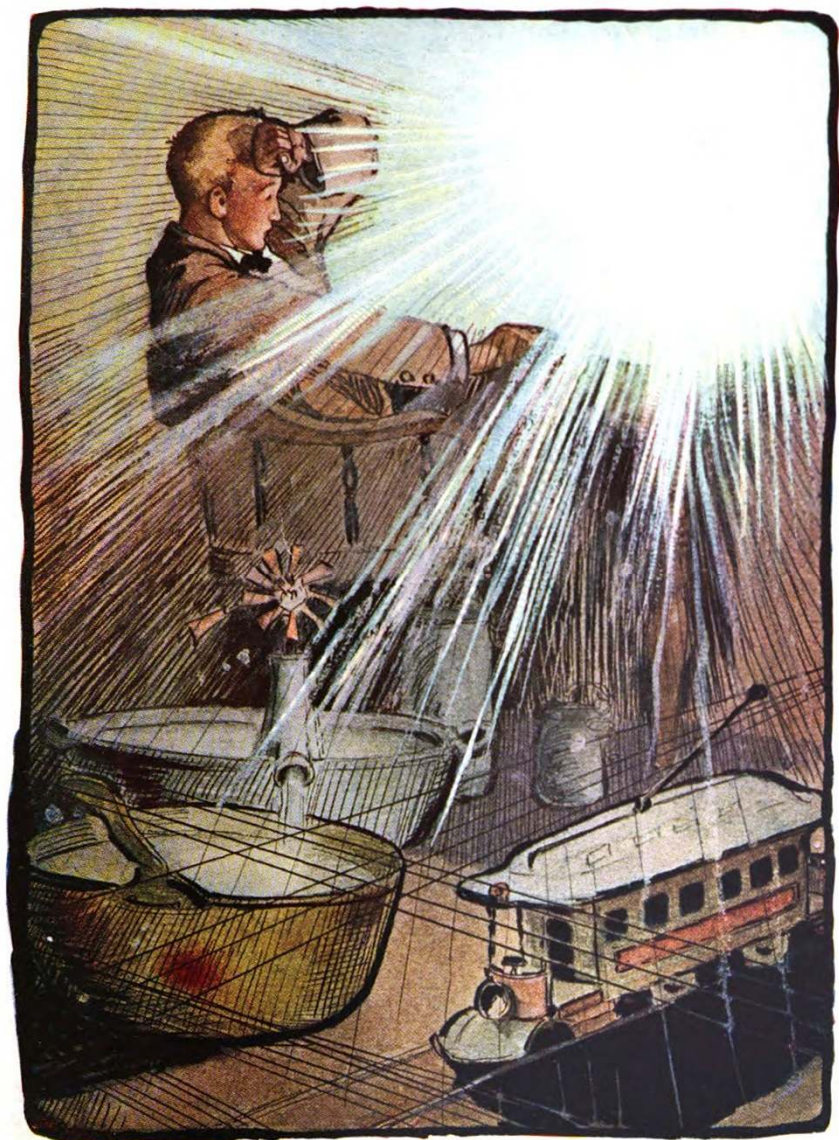
Роб орудовал почти наугад, подключая и отключая там и сям, надеясь наткнуться в итоге на верное сочетание проводов; решил, будто нашёл это сочетание — да не тут-то было: батарееке не достало мощности.

В дело пошли добавочные провода, и дополнительные, и вспомогательные — покуда чуть ли не всякая из несчётных проволок, тянувшихся через комнату, обрела применение.

Да только работать сия электрическая сеть никак не желала.

Роб раскинул мозгами, решил, что ошибка обнаружилась, принялся колдовать сызнова, там добавлять проводок, тут убирать проводок — покуда, в конце концов, не промелькнула ослепительная вспышка и коммутатор не затрещал по всем швам, точно пытаюсь выстоять под высочайшим напряжением.

Роб испуганно закрыл глаза ладонями, но, убедившись, что остался невредим, осторожно отвёл руки и, мигая, начал вглядываться в чудесное сияние, переполнявшее мастерскую, — сияние, бывшее много ярче полуденного.

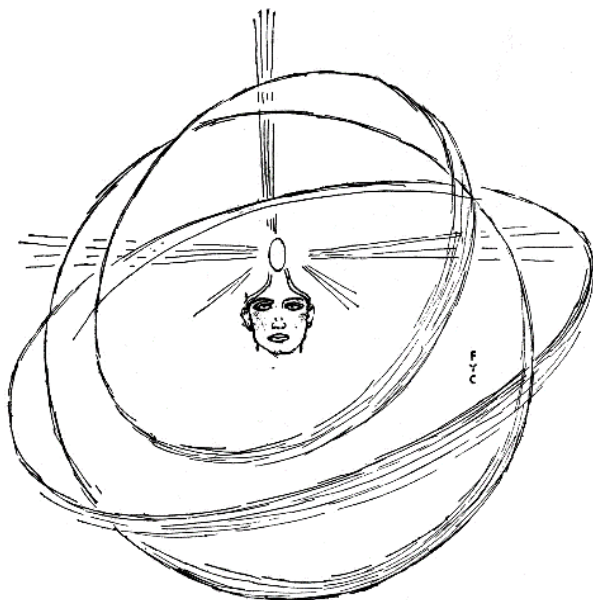

Яркая вспышка света почти ослепила Роба.

Мало-помалу первоначальное ослепление миновало, и Роб увидел: свет излучается из одного-единственного места — сверкающий, искристый свет.

Роб сизнова зажмурился, дал глазам чуток передохнуть.

Затем опять раскрыл веки, поднял обе ладони «козырьком» и различил очертания небывалого Незнакомца, стоявшего с величественным спокойствием, источавшего невероятное свечение и свысока взиравшего на мальчика!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ДЖИНН

ХРАБРЫМ ребёнком был Роб, но, как ни старался мальчик сохранить спокойствие, а холодок пробежал у него по спине при взгляде на возникшее напротив чудесное видение.

Несколько секунд юный инженер сидел не шевелясь, точно каменный, и глаз не мог отвести от Незнакомца, поражённый его обликом.

Ох, и странным же казался этот облик!

Плащом гостю служили волнистые потоки снежно-белого света с оторочкой из алого пламени, которое так и стреляло язычками во все стороны. Пуговицы сверкали золотым огнём. От синих брюк летели голубые искры, а плетёные багровые

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ДЖИНН

лампасы так и пылали. Пиджак переливался всеми цветами радуги, блиставшими наперебой.

Черты Незнакомца были царственными, а мягкий, пронизательный взор горел поистине электрическим накалом.

Выдержать сей испытующий взор было нелегко, и всё же Роб выдержал — и Незнакомец с поклоном промолвил низким звучным голосом:

— Я пришёл.

— В-вижу, — дрожащим голосом ответил мальчик, — но *зачем* ты пришёл?

— Не зачем, а почему. Потому, что ты прикоснулся к Волшебному Электрическому Выключателю, и я обязан подчиниться законам природы, повелевающим являться на зов.

— Я... К какому выключателю? Я не нарочно, — промямлил Роб.

— Разумеется. Ты сделал это нечаянно. Ещё никому не удавалось дотронуться до Волшебного Выключателя: Природа заботливо берегла его от непрошенных рук. До нынешнего дня.

Роб умолк, осмысливая услышанное.

— И кто же ты? — любопытствовал он минуту спустя.

— Электрический Джинн! — торжественно провозгласил Незнакомец.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

— Господи помилуй! — воскликнул Роб: — Всамделишный джинн?

— Взаправдашний, и сознаюсь: я слуга Волшебного Выключателя, а потому вынужден подчиняться приказам любого и всякого, кто окажется достаточно мудр и отважен — а в данном случае достаточно упрям и удачлив, чтобы дотронуться до него.

— Я... Да я ни о каком Выключателе понятия не имел... и об электрических джиннах не слыхал, и... и простите, пожалуйста, очень прошу, простите, если потревожил Вас! — выдавил мальчик, оробевший в присутствии столь необычайного посетителя.

Джинн ухмыльнулся, услышав такую речь, и ухмылка получилась почти дружелюбной.

— Не за что прощать, — объявил он потеплевшим голосом. — Подумай сам, приятно ли коротать век за веком, впустую ожидая, покуда кто-нибудь попросит явиться и службу сослужить. Думал, напрасно живу и зря существую: земные людишки до того глупый и невежественный народ, что вряд ли вообще овладеют секретом электричества.

— Что-о? — вскричал уязвлённый Роб. — У нас полным-полно великих учёных! Возьмите, например, Эдисона...

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ДЖИНН

— Эдисона! — осклабился Джинн. — А многое ли ему известно, твоему Эдисону?

— Очень многое! — воскликнул мальчик. — Он придумал уйму замечательных электрических устройств!

— Ошибаешься, — небрежно бросил Джинн. — В сущности, о законах, управляющих электричеством, Эдисону известно лишь на самую малость больше, чем тебе. Изобретения Эдисона — пустяки по сравнению с истинными чудесами, которые совершит человек, научившийся управлять электрическими силами, а не пытающийся вслепую достичь ничтожных итогов. Да я же месяцы напролёт ошивался бок о бок с Эдисоном — надеялся, уповал: вдруг да коснётся Великого Выключателя! И теперь вижу отчётливо: где уж ему!

— А Никола Тесла? — не сдавался Роб.

Джинн расхохотался.

— Никола Тесла, — повторил Джинн, — в самом деле... Ну, и чем же он знаменит?

— Он изобрёл могучий источник света...

Джинн хихикнул.

— ...И держит связь с людьми на Марсе!

— С какими такими людьми?

— С теми, кто на Марсе живёт! С марсианами!

— На Марсе никто не живёт.

Услыхав сие ошеломляющее утверждение, Роб онемел и уставился на гостя в упор.

— Общепризнано, — сказал он с раздражением, — что Марс обитаем, и марсианская цивилизация намного опережает нашу. Множество учёных полагают: марсиане уже много лет шлют нам сигналы, да только мы этих сигналов не понимаем. И великие писатели рассказывают о марсианах, об их замечательных достижениях, и...

— И все они знают о Марсе не больше твоего, — нетерпеливо перебил Джинн. — Беда с вами, землянами: любите гадать о том, чего не можете ведать. А я о Марсе ведаю, ибо путешествую в космосе, а досуга — хоть отбавляй, и можно исследовать любые небесные тела. Марс вообще необитаем, как и остальные знакомые вам планеты. На некоторых, правда, водятся низшие животные, но разумные, рассуждающие, мыслящие существа населяют одну лишь Землю.

Джинн помолчал.

— Куда лучше было бы вашим учёным и писателям побольше узнать о собственной планете, — сказал он потом, — а не растекаться мыслью по космосу, пытаясь разгадывать тайны безжизненных и никчёмных мирков.

Роб выслушал эту речь удивлённо и разочарованно.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ДЖИНН

Впрочем, подумал он, Джинну о подобных вещах лучше судить, а значит, и прекословить гостю не стоит.

— Диву даюсь, — продолжал собеседник, — насколько мало людям известно об электричестве. Это же земная стихия, существующая столько же, сколько и сама Земля! И если бы вы уяснили себе, как правильно пользоваться электричеством, человечество изумительно выиграло бы во всех отношениях!

— Уже выиграло, — возразил Роб: — Открытия по электрической части позволяют нам жить гораздо удобнее.

— Вот и представь, какие новые удобства появились бы у человека, умей он полностью подчинить себе столь великую стихию, — серьезно сказал Джинн. — Человеческая немощь и нищета превратились бы в могущество и роскошь.

— Верно, господин... господин Электрический... Простите, я правильно расслышал? Вы назвались Электрическим Джинном?

— Так точно.

— Понимаете... электричество — хорошая вещь, а... а...

— Что — а?

— А мне всегда казалось, что джинны — злые существа, — храбро выпалил мальчик.

— Отнюдь не обязательно и непременно! — возмутился Джинн. — Потрудись-ка, справишься в своём словаре.

— У меня всё больше технические книги водятся, — смущённо признался Роб.

— Оно и видно, — сухо заметил Джинн. — Запомни: у каждого уважающего себя человека должен иметься под рукой хороший, надёжный словарь. Желательно многотомный. И по возможности, не один.

Роб удручённо вздохнул.

— Поясняю, — сказал чудесный гость. — Джинны, как и все остальные создания, бывают и добрыми, и злыми. Первоначально, кстати, все джинны были добрыми, а впоследствии люди стали считать их поголовно злыми. Не представляю, с чего бы. Гесиода прочти, древнегреческого поэта, у него говорится:

Вскорости создал Зевес и несчётное множество добрых Демонов — то есть небесных духов, и велено было Им охранять и беречь на земле племена человечьи...

— Но Зевса не было, — поспешил возразить Роб, изучавший античную мифологию в школе (правда, из-под палки: мифы нагоняли на юного изобретателя непроходимую скуку). — Его древние греки придумали.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ДЖИНН

Джинн пожал плечами:

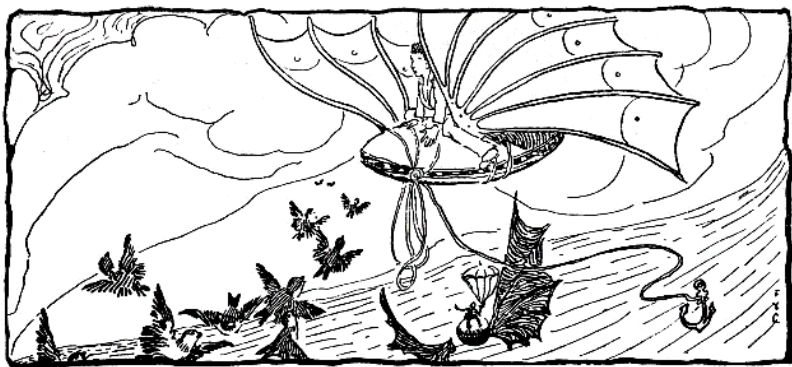
— Значит, перечитай господина Шекспира: уж ему-то никто возразить не осмелится. Помнишь это место?

Твой демон — дух, тебя хранящий, тож —
Высок, отважен, благороден, славен...

— Если так у Шекспира сказано, то всё правильно, — сказал мальчик. — Да только Вы не демон, Вы джинн. Вы предстаёте человеку, тронувшему Великий Выключатель, в точности как служивший Аладдину джинн представал человеку, потёршему волшебную лампу.

— Разумеется. Да только демон — это джинн, а джинн — это демон, — промолвил гость. — Всё равно что бегемот и гиппопотам. Зови как угодно, я здесь, и обязан подчиняться любым твоим велениям.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТРИ ДАРА

ПРИ близком знакомстве с великими всякое почтение к ним исчезает.

Великого генерала страшится лишь неприятель; великого поэта зачастую бранит жена; дети великого государственного мужа доверчиво и невозбранно карабкаются к нему на колени; великого актёра, которому рукоплещут восхищённые зрители, то и дело поджидают за кулисами сердитые заимодавцы.

И Роб, немного побеседовав с великим Электрическим Джинном, начал смотреть на него куда спокойнее и безбоязненнее — да и глаза попривыкли к сиянию, поначалу едва не ослепившему Роба.

Услыхав обещание Джинна подчиняться любым велениям, Роб честно сознался:

— Сам знаешь, электрик из меня не ахти какой. Что же я могу повелеть, и о чём попросить?

— Твоё невежество не отменяет моих обязанностей, — ответил Джинн. — А кроме того, хочется использовать подвернувшийся случай, показать миру, какая сила таится в электричестве. Посему разреши уведомить: дотронувшись до Волшебного Выключателя, ты волен три недели кряду требовать от меня три чудесных дара еженедельно.

— Вот здорово! — заорал Роб.

— И я вручу тебе эти дары, — ответил Джинн, — при условии, что просимое относится к области электрических явлений.

Роб сокрушённо покачал головой:

— Был бы я великим электриком, знал бы, чего попросить. Но я почти полный невежда и понятия не имею, как твоим любезным предложением воспользоваться.

— Ну что же, — ответил Джинн, — я сам начну предлагать дары — такие, чтобы, глядячи на них, жители Земли узнали об открывающихся возможностях, пожелали работать с толком и проком, начали постигать и осваивать естественные и простые законы, коим подчиняется электричество.

Он глубоко засунул блистающие руки в светящиеся карманы и прошёлся по мастерской.

— Одно из досаднейших нынешних заблуждений сводится к тому, что электричество считают почти недоступным настоящему пониманию. А в сущности, электричество — самая простая земная стихия, или стихийная сила: любому из людей достаточно только не полениться, протянуть руку — и подчинить эту силу себе.

Роб зевнул: речи Джинна становились весьма утомительными. Невежливый зевок не остался незамеченным, и Джинн вздохнул:

— Увы и ах! Ты не взрослый инженер, а мальчишка, и друзьям твоим покажется невероятным, что безмозглый сопливец овладел секретами, ставившими в тупик светлейшие учёные умы. Но этой беде ничем не пособишь, и доведётся тебе в скором времени стать под моим руководством наипервейшей мировой знаменитостью.

— Спасибо, — отозвался присмиривший Роб.
— Ох и позабавимся!

— Позабавимся! — фыркнул Джинн. — И послала же судьба помощничка! Ладно, выбирать не приходится...

— А с какого дара начнём? — не выдержал Роб.

— Дай поразмыслить, — сказал Джинн и смолк на несколько минут. А Роб жадно разглядывал

разноцветные лучи, вспыхивавшие, дрожавшие и окутывавшие гостя преряким сиянием.

Наконец, Электрический Джинн поднял голову и произнёс:

— Больше всего человеку нужна пища, чтобы с голоду не пропасть, и ох какую значительную часть своей жизни люди тратят на приобретение корма, его надлежащее приготовление — и поглощение. Это никуда не годится. Велик ли тебе прок от собственного тела, если оно всё время еды просит, а с едою заодно пожирает и львиную долю твоего времени?

Мальчик пожал плечами:

— Я о таком не задумывался.

— Где уж тебе! — улыбнулся Джинн. — Впрочем, об этих вещах и взрослые почти никогда не задумываются. Взрослые, мой милый, во многих отношениях — сушие дети. Даже ещё хуже...

Он развёл руками, поднял брови, глубоко вздохнул:

— Получи в качестве первого дара коробочку таблеток. Каждая из них содержит электрические элементы питания, способные кормить человеческое тело целые сутки. Проснулся поутру, проглотил таблетку, запил водой — а можно и всухомятку — и готово.

— Мама, — прервал его Роб, — велит запивать любые таблетки водой, и делать не меньше трёх глотков. Иначе таблетка может застрять в пищеводе.

Электрический Джинн улыбнулся.

— Наверное, мама права. Лучше запивай. Но на худой конец можно глотать и всухомятку — ничего тебе не сделается. Таблетка насыщает, наделяет здоровьем и силой; а вдобавок, если обычная людская пища так или иначе вредит организму, то мои таблетки всецело благотворны. Кстати, запас их, достаточный, чтобы кормиться несколько месяцев, можно унести в кармане.

И Джинн вручил мальчику серебряную коробочку с таблетками. Роб, не без некоторого беспокойства, осмотрел её и поблагодарил гостя.

— Следующая жизненная потребность человека, — продолжил гость, — защита от врагов. С огорчением замечая: люди часто затевают войны и отправляют друг друга на тот свет. В самом цивилизованном обществе людям угрожают грабители, сумасшедшие и полицейские. Для защиты человек пользуется огнестрельным и холодным оружием — это и неудобно, и для врага смертоносно. А убивать негоже. Нет у человека прав отнимать жизнь, которую он даровать сызнова не властен, и нельзя уничтожать то, чего не способен

воссоздать. Убивать себе подобных — ужасное преступление...

— А при самозащите? — перебил Роб.

Джинн замялся.

— М-м-м... — протянул он. — При самозащите... Разве что в крайнем случае — в самом крайнем, если тебя твёрдо и бесповоротно убить намерены... Впрочем, нет, — спохватился Электрический Джинн, — о подобных вещах детям рассуждать и не годится, и незачем. Запомни: убийство — один из тягчайших грехов, а посему прими второй дар, вот эту маленькую трубку. Она тоже в кармане умещается, и если тебе угрожает враг — человек или зверь, — наведи на него трубочку и надави кнопку на рукояти. Противника немедля треснет электрическим разрядом такой мощности, что обморок продлится ровно час...

— Ух ты! — сказал Роб.

— ...А в течение часа можно за тридевять земель удрать. Неприятель очнётся, образумится и никакого ущерба не потерпит, помимо лёгкой головной боли.

— Потрясающе! — завопил Роб, ухвативши трубку. Длины в ней было дюймов шесть, а на одном торце имелась воронкообразная выемка.

— Людям свойственно, — сказал Джинн, — передвигаться и путешествовать — бывает, и за

тридевять земель. А ездят люди на машинах неуклюжих и несуразных: трамваях, поездах, автомобилях, которые медленно ползают по неровной почве, да ещё и ломаются некстати. Грустно, голубчик, ибо человечество не открыло того, что известно даже птицам: воздух позволяет перемещаться на любые расстояния быстро и легко.

— Но люди пытаются строить воздушные корабли! — заметил Роб.

— Согласен: огромные неповоротливые машины, встречающие в полёте такое сопротивление воздуха, что жуть берёт. Летать надобно вовсе без машин. Просто использовать некие существующие в природе силы. Скажи-ка, что заставляет брошенный камень падать наземь, а тебе не даёт подпрыгнуть до небес?

— Гравитация, — без раздумий выпалил Роб.
— Земное притяжение.

— Именно. Одна из названных природных сил — земное притяжение. А сила отталкивания, малоизвестная, но столь же могучая, тоже способна служить человеку. Есть ещё полярные электрические силы, ими предметы влекаются к Северному и Южному полюсам. Ты это знаешь, компасом не однажды пользовался.

Роб согласно кивнул.

— Полярным электрическим силам противостоят центробежные, увлекающие предметы с востока на запад, и наоборот. Эти силы возникают благодаря вращению Земли вокруг её оси. Применение им найти нетрудно, хотя ваши учёные до сих пор ни о чём подобном почти не думают.

Джинн развёл руками.

— Эти силы, — продолжил он, — действующие во всех направлениях, силы вечные и неизменные, могут носить человека в атмосфере куда и когда угодно. Разумеется, если умеешь ими управлять. На то имеется усовершенствованное мною самим устройство.

Джинн извлёк из кармана что-то смахивавшее на маленькие часы с узким ремешком:

— Если пожелаешь путешествовать, пристегни это приспособление к левому запястью. Штуковина очень легка, не обременит. На циферблате найдёшь обозначения «подъём» и «спуск», а заодно и отличный компас. Хочется взлететь — передвинь указатель пальцем правой руки в положение «подъём». Достиг желаемой высоты — поверни стрелку в сторону требуемого компасного румба: электрические силы понесут тебя в нужном направлении. Чтобы снизиться и приземлиться, поставь указатель в положение «спуск». Понимаешь?

— Конечно! — воскликнул Роб, выхватывая у Джинна волшебную машинку и приплясывая от радости. — Какая прелесть! Огромное спасибо!

— Не стоит благодарности, — сухо молвил гость. — Забавляйся моими тремя дарами всю следующую неделю. Не стоило бы вручать величайшие научные открытия неразумному юнцу, но дары вполне безобидны и, при некоторой осторожности, в беду ты не угодишь... А кто знает — вдруг и впрямь облагодетельствуем человечество?..

И Джинн вздохнул.

— Ровно через неделю я предстану перед тобой снова и одарю ещё тремя электрическими штуковинами.

— Вряд ли, — сказал Роб, — я сумею снова наткнуться на Волшебный Выключатель.

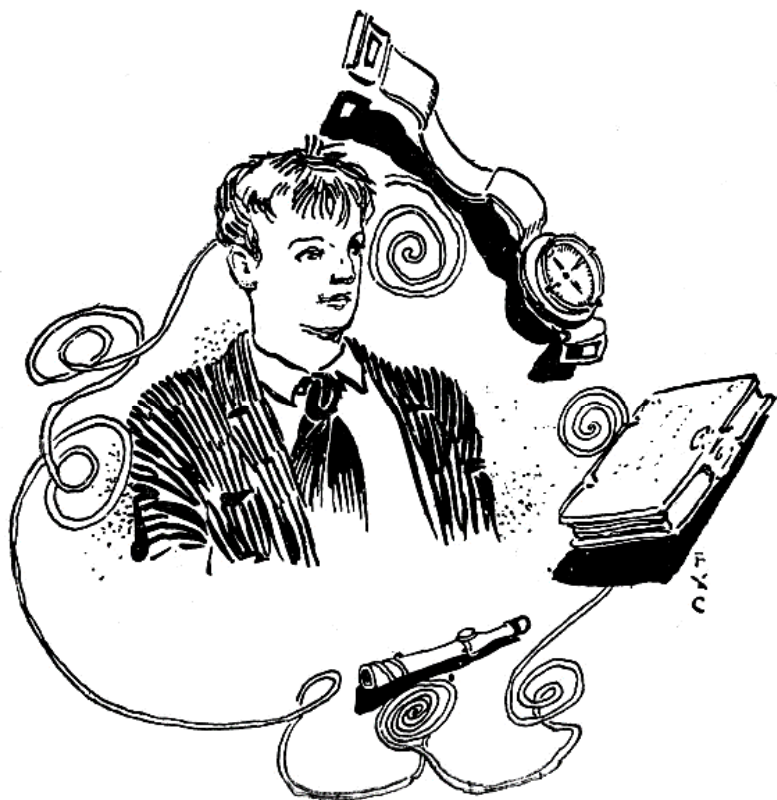
— Скорее всего, не сумеешь, — ответил Джинн. — И тем лучше, ибо иначе ты смог бы требовать моих услуг до скончания века. Бр-р-рр!.. Но и единожды преуспев, получаешь право на девять волшебных даров, по три дара в неделю, три недели кряду. Никаких дополнительных вызовов не понадобится, мой служебный долг велит явиться ещё дважды.

— Спасибо, — пробормотал мальчик.

ТРИ ДАРА

Джинн поклонился и развёл руки полукругом. Мгновением позже яркая вспышка понудила Роба зажмуриться. Когда мальчик раскрыл глаза, Электрический Джинн уже исчез.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ИСПЫТАНИЕ ДАРОВ

НЕ сомневайтесь: приключись эдакое со взрослым, тот затрясся бы, как осиновый лист, заметался от беспокойства — или просто спятил со страху при мысли, что столкнулся с могучим Электрическим Джинном, что ненароком наткнулся на Волшебный Выключатель и открыл доступ к неведомым силам природы, что получил три поразительных, чудесных дара.

Мальчики же глядят на вещи куда проще и легче. С годами, когда в человеке возрастает на почве Житейского Опыта раскидистое Древо Премудрости, способность радоваться, а не ужасаться небывалому притупляется. Но мальчика нелегко испугать необычайным явлением — ох и нелегко!

Роб визжал от восторга, видя свалившееся ему в руки чудесное богатство, и ни на мгновение не подумал, будто дары достались ему непостижимым или пугающим образом.

Напротив, юный инженер так и пыжился от гордости.

Уж теперь он поразит всех, кто насмехался над его «электрическим сумасшествием», вынудит их уважать чудесную силу электричества!

О Джинне и Волшебном Выключателе Роб решил не говорить ни слова. Тем забавнее будет показать друзьям и знакомым полученные от гостя электрические устройства, насладиться изумлением приятелей, заставить их гадать: как же он, Роб, исхитрился эдакое сотворить?

Мальчик поглубже засунул свои сокровища в карман, замкнул мастерскую и спустился по чердачной лестнице, чтобы до обеда успеть привести себя в порядок.

Роб уже изрядно проголодался, ибо аппетит у мальчиков поистине волчий, и, расчёсывая волосы, внезапно вспомнил: поглощать обычную пищу больше незачем.

Он извлёк серебряную коробочку, проглотил таблетку — и разом почувствовал себя так, словно уписал обед из трёх блюд и в придачу выпил бутылку лимонада. Чудесное тепло растеклось по

всему телу, в голове необычайно прояснилось, а настроение улучшилось донельзя.

Тем не менее, когда прозвенел обеденный гонг, Роб вошёл в столовую, где уже собрались его отец, мать и сёстры.

— И где ты пропадал целый день, Роберт? — осведомилась мать.

— Что за вопрос! — засмеялся г-н Джослин. — Бьюсь об заклад, с электричеством возился!

— Скорей бы, — вздохнула мать, — миновало это безумие! Ведь ничего другого не изучает, ни к чему иному не пригоден!

— Соглашаюсь, не изучает ничего другого, — ответил отец, орудуя половником. — Роб целеустремлённо готовит себя к великому поприщу, на котором прославится, когда вырастет. Отчего бы ему и не истратить летние каникулы на получение полезных познаний? Обычные мальчишки летом дурака валяют — и оттого зачастую дураками растут...

— Спасибо, мне супу не надо! — вмешался Роб.

— Что? — переспросил удивлённый отец. — Это же твой любимый суп.

— Любимый, — подтвердил Роб. — Только есть совсем не хочется.

— Ты часом не приболел, Роберт? — встрепелась мать.

ИСПЫТАНИЕ ДАРОВ

— Отродясь не чувствовал себя лучше, — искренне сообщил Роб.

Но г-жа Джослин забеспокоилась, а когда сын отказался и от жаркого, по-настоящему всполошилась.

— О, боже! Бедный мальчик! Ну-ка, пощупаем пульс!

Пульс у Роба оказался великолепным.

Покуда обед не кончился, Роб невозмутимо восседал за столом, ничего не ел, однако, всем на удивление, выглядел бодро и весело. Сестры начали перешёптываться.

— Должно быть, работал чересчур много, — предположил г-н Джослин.

— Не-а! — возразил Роб. — Но я решил больше не есть. Ужасно вредная привычка, и времени отнимает уйму.

— Подождём до ужина! — рассмеялась Эллен, одна из сестёр. — То-то проголодается!

Но и вечером Роб не изъявил ни малейшего желания поесть, ибо таблетка действовала целые сутки. На следующее утро мальчик и за стол не захотел садиться, чем встревожил семью не на шутку.

— Если это будет продолжаться, — заявила г-жа Джослин, — отправишься куда-нибудь отдыхать и лечиться. Со здоровьем не шутят!

— А я, — беззаботно бросил Роб, — именно сегодня и хочу отправиться. В путешествие.

— Куда же?

— Да в Бостон, пожалуй. Или на Кубу. Или на Ямайку. Ещё не выбрал.

— В эдакую даль ездят со взрослыми, — сказал отец. — А мы с тобой поехать не сможем — по крайности, сейчас. И денег у нас не хватит.

— Но я бесплатно полечу, — засмеялся Роб.

Г-н Джослин испуганно уставился на него. Г-жа Джослин со слезами на глазах ринулась к сыну и запричитала:

— Бедная моя детка, у тебя же бред! Доигрался-таки с окаянным электричеством! Ни шагу больше в эту мастерскую, слышишь?

— Целую неделю и близко к ней не подойду, — пообещал Роб. — Не волнуйтесь, я не зря столько с электричеством провозился, честное слово! А здоровье моё в полнейшем порядке, и с головой ничего не приключилось. Обыватели, — сказал он с важным видом, — всегда считают великих людей чокнутыми, но Томасу Альве Эдисону, Николе Тесле и мне самому это совершенно безразлично. Мы слишком увлечены исследованиями и открытиями.

Г-н Джослин от души рассмеялся.

ИСПЫТАНИЕ ДАРОВ

— Во имя науки, — с жаром продолжил Роб, — я намерен отправиться в недолгое странствие. Быть может, вернусь вечером, быть может, через несколько дней. Во всяком случае, не позже, чем через неделю — и глядите, не вздумайте волноваться.

— И... как же ты уедешь? — спросил отец. — Чем?

— Сказал ведь, полечу. По воздуху, — отвечал Роб.

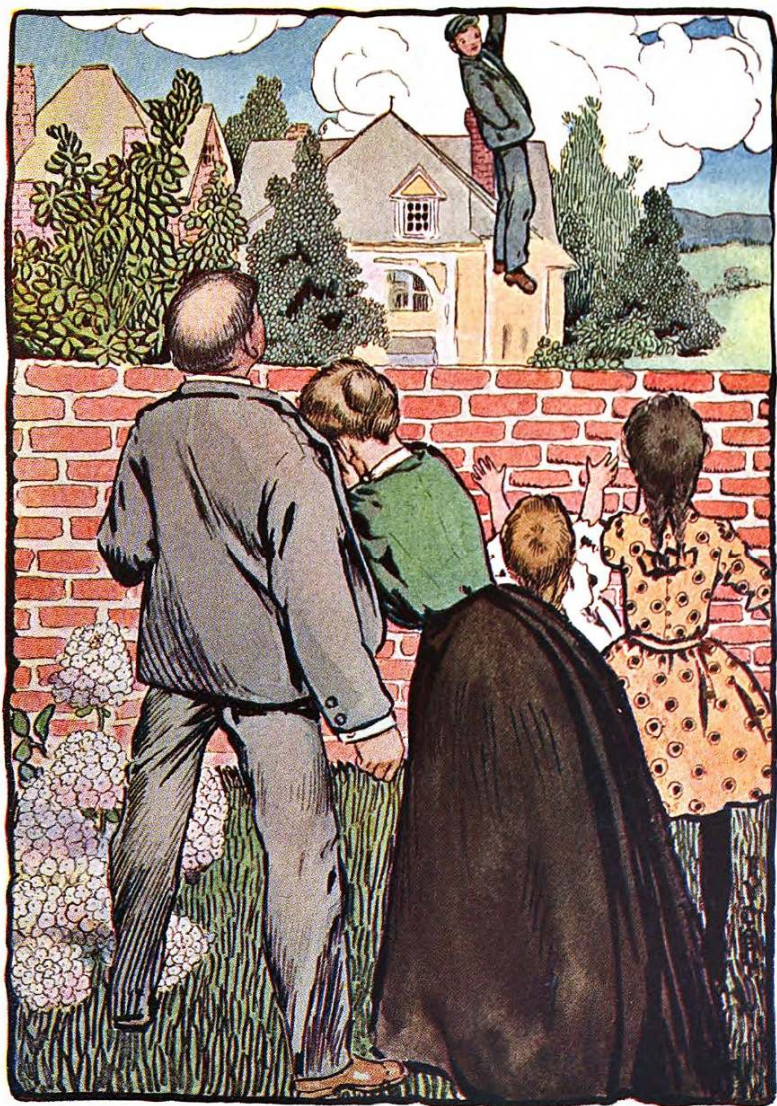
— И где твой аэростат? — ехидно осведомилась Мабель, другая сестра.

— Никаких аэростатов, — отчеканил Роб. — Такое средство передвижения по меньшей мере неуклюже. Меня понесут электрические поля.

— Боже праведный! — возопил г-н Джослин, а г-жа Джослин всхлипнула: «Бедный мальчик! Бедный мальчик!»

— Поскольку вы — мои ближайшие родственники, — сказал Роб, притворяясь, будто не замечает всеобщего смятения, — вам дозволяется проследовать на задний двор и наблюдать за взлётом. Тогда чуток уразумеете, насколько я разбираюсь в электричестве. Милости прошу!

Домочадцы, качая головами, двинулись вослед Робу, незаметно пристегнувшему подаренные Джинном «часы» к левому запястью.

– Свернёшь себе шею! – орал потрясённый отец.

На лужайке за домом Роб со всеми расцеловался, помахал правой рукой — чем изрядно развеселил обеих сестриц — и перевёл указатель на отметку «подъём».

И немедленно взмыл в воздух.

— Не волнуйтесь! — крикнул он сверху. — До свидания!

С воплем ужаса г-жа Джослин спрятала лицо в ладонях.

— Шею свернёшь! Свернёшь себе шею! — орал потрясённый отец, задирая голову и глядя вослед улетающему сыну.

— Вернись! Вернись! — голосили сестры.

— Скоро вернусь! — откликнулся возносившийся в поднебесье искатель приключений.

Поднявшись выше столетних тополей и церковных колоколен, Роб отметил на компасе восточное направление и сразу же понёсся в избранную сторону.

Ощущение было упоительным. Летел Роб легко, точно пёрышко, без малейших усилий — он быстро догнал и обогнал пыхтевший вниз и спешивший туда же, к востоку, поезд.

«Вот замечательно!» — подумалось Робу. «Летишь себе в своё удовольствие, и летишь, и ни гроша никому за это не должен. А в кармане — коробочка, и в коробочке — еды на месяц вперёд.

Отличная штука электричество! А Джинн-то какой молодчина! У-у-у-ухх! Люди внизу — словно букашки, дома — точно мыльницы, а деревья — будто травинки. Кажется, городок минуем? Надо бы снизиться и хорошенько всё разглядеть».

Он перевёл указатель на слово «спуск» и сразу же начал падать. Робу казалось, будто он угодил в скоростной лифт, и с последнего этажа ухнул прямым к первому.

Над самыми городскими крышами он вернул указатель на знак нуля и повис неподвижно. Впрочем, улицы и площади города не заинтересовали Роба, и вскоре он возобновил воздушное странствие к востоку.

Около двух часов пополудни он достиг Бостона и, незаметно приземлившись на тихой улочке, побродил по городу, любовался видами, погадал: а что сказали бы здешние обитатели, проведая они об из ряда вон выходящих способностях Роба Джослина? Впрочем, внешностью Роб Джослин от остальных мальчишек не отличался, и никто не обратил на залётного сорванца ни малейшего внимания.

Смеркалось. Роб дошагал до морских пристаней, намереваясь полюбоваться на корабли — да не тут-то было. Откуда ни возьмись, объявился

мерзейший бульдог и ринулся к мальчику с бешеным лаем.

— Пшёл вон! — беззаботно бросил Роб и хорошенько пнул бульдога.

Злобно зарывчав, пёс напал на Роба по-настоящему.

При виде горящих глаз и оскаленных клыков мальчик выхватил из кармана электрическую трубку, прицелился в бульдога и надавил на кнопку. В то же мгновение раздался визг, разъярённый пёс упал, покатился по земле, неподвижно замер.

— Так тебе и надо, — засмеялся Роб, — утихомирься чуток...

Но сзади раздался гневный крик. Роб оглянулся: к нему со всех ног спешил полицейский.

— Псину мою пристукнул?! — вопил полицейский во всю глотку. — Я тебе, паршивец, покажу! Упрячу в тюрьму до утра!

В одной руке у полицейского была дубинка, в другой — устрашающий револьвер.

— Сперва поймай! — захохотал Роб, и ошарашенный «фараон» увидел, как возмутитель спокойствия взлетает над мостовой.

— Спускайся! — взревел полицейский, размахивая револьвером. — Вниз, не то стрелять буду!

«И ведь выстрелит, — с ужасом подумал Роб. — Ну тебя к лешему!»

Он поднял трубку и сызнаова нажал на кнопку.

Рыжеусый страж порядка завертелся, точно балетный танцор, и шлёпнулся поперёк бульдозьего тела. А Роб решил подниматься до тех пор, пока не сделается неразличим для пешеходов.

«Еле ноги унёс, — подумал он и перевёл дух. — Жаль было глушить полицейского, но пулю схлопотать ещё хуже. А через час он очнётся жив-здоров, так что и волноваться ни к чему».

Делалось по-настоящему темно, и Роб задумался о дальнейших своих действиях. Имея деньги, он опять приземлился бы и переночевал в гостинице, но мальчик улетел из дому без единого гроша. По счастью, ночи в это время года стояли тёплые, и Роб почёл за благо продолжить полёт до самого утра. Авось, решил он, доберусь до мест, в которых ещё никогда не бывал.

Мальчику давно хотелось повидать Кубу. По расчётам Роба, остров лежал на юго-восток от Бостона и, переместив компасный указатель, Роб устремился в избранном направлении.

Двадцать четыре часа миновало с тех пор, как воздушный странник проглотил первую из подаренных Джинном таблеток. Прямо на лету Роб достал другую. Голод немедленно отступил, мальчик

ИСПЫТАНИЕ ДАРОВ

ощутил тот же прилив свежих сил, что и в прошлый раз.

Скоро взошла луна, и в небе, на радость Робу, зажглись несчётные звезды. Любопытно, подумал Роб, а верно ли Джинн сказал, будто наша планета — наиважнейшая?

Но тут мальчика одолела дремота и, сам того не заметив, он мирно и крепко уснул. А летательная машинка, подчиняясь указателю, по-прежнему смотревшему на юго-восток, стремительно увлекала Роба сквозь тёплый ночной воздух.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЛЮДОЕДСКИЙ ОСТРОВ

МОЖНО не сомневаться, что дневные приключения утомили Роба: мальчик проспал до утра, безмятежно и крепко, точно в собственной постели. Когда, наконец, он открыл глаза и сонно огляделся, внизу расстиралось огромное водное пространство.

«Конечно, — подумал Роб, — это океан. До Кубы я ещё не добрался».

Остаётся лишь пожалеть о том, что в географии Роб разбирался поверхностно. Собираясь достичь Кубы, он должен был бы править полёт не на юго-восток, а почти прямо на юго-запад от Бостона. О прискорбных итогах такого невежества мы узнаем чуток попозже, ибо целый Божий день Роб летел над

безбрежной океанской пустыней и даже малого островка не обнаружил. Мальчику становилось невесело.

Солнце жгло немилосердно, Роб горько сожалел, что не догадался прихватить с собой зонтик. Но широкополая соломенная шляпа художнически хранила мальчика от палящего зноя, а затем обнаружилось: ежели взлететь повыше, то и отражённые водой лучи не страшны, и ветер свежеет.

Нечего было и мечтать об отдыхе: ни единого клочка суши в виду не замечалось. Поневоле наберёшься терпения и самообладания!

«Должно быть, я промахнулся, промчал мимо Кубы, — решил Роб. — Но теперь уж курс менять поздно: чего доброго, совсем заплутаешь в небе и нескоро доберёшься до земли. Нужно лететь по-прежнему — авось, где-нибудь и приземлюсь. А нет — переставлю указатель на северо-запад и напрямик возвращусь в Бостон».

Рассуждал-то он верно, да на беду не учёл, что уже почти пересёк Атлантический океан и вскорости очутится на дикарском острове Брава, недалеко от африканского побережья. Но так оно и вышло.

Когда солнце уже погружалось в океанские волны, Роб, к огромному своему облегчению, различил прямо впереди внушительный остров.

Мальчик снизился, достиг примерно середины острова, переставил указатель на нуль и недвижно повис в воздухе.

Незнакомый край был отменно лесист; весёлые ручейки сверкали там и сям сквозь пышную зелёную листву. От кромки прибоя островная почва повсеместно подымалась вверх, образуя посередине холм, почти настоящую гору. По двум противоположным берегам виднелись обширные вырубки, усеянные странными хижинами, плетёными из хвороста и крытыми листвой.

Остров был обитаем — но Роб, понятия не имея, куда именно угодил, почёл за благо не сталкиваться с туземцами, покуда не разузнает, каковы их нравы. Наткнуться на свирепых, плотоядных и татуированных дикарей, подобных тем, которые полутора веками раньше с аппетитом съели капитана Джеймса Кука, мальчику хотелось не шибко.

Роб витал над холмом, вернее, над покрытым травой плоскогорьем, имевшим в поперечнике футов пятьдесят. Убедившись, что взобраться туда по крутым склонам ох как непросто, и удостоверившись, что ни людей, ни зверей на плато не водится, юный путешественник приземлился. Впервые за двадцать четыре часа он ощутил под ногами надёжную твёрдую почву.

Полёт нисколько не утомил Роба; напротив — мальчик чувствовал себя столь бодро и свежо, как будто целые сутки только и делал, что отдыхал. Он радостно шагал по мягким травам и воображал себя великим исследователем — чуть ли не завоевателем, ибо, по всей видимости, цивилизация в эти чудные места ещё не забредала.

В тропиках не бывает привычных нам сумерек, темнота наступает мгновенно — или почти мгновенно. Через несколько минут весь остров, кроме поднятого над морем плоскогорья, стал исчезать во мраке.

Роб исправно проглотил свою насущную таблетку, а когда багровое солнце окончательно исчезло за горизонтом и наступила тьма, поудобнее устроился в травах и уснул.

Должно быть, основательно уснул, потому что глаза раскрыл навстречу высоко стоявшему солнцу. Приближался полдень. Роб поднялся, протёр глаза и понял, что не грех бы и воды напиться.

У подошвы плоскогорья бежали по извилистым лесным руслам несколько ручейков, и Роб, хорошенько прикинув, до которого из них всего дальше от плетёных туземных хижин, повернул указатель машинки и слетел на укромную прогалину вблизи журчащего потока.

Став на колени, мальчик долго и с удовольствием пил освежающую, прохладную воду.

Потом поднялся — и тут его руки охватила и накрепко прижала к бокам затянувшаяся петля брошенного аркана.

Одновременно Роба приветствовала дикая болтовня и трескотня на неизвестном наречии. Мальчика обступили устрашающе уродливые островитяне. Одеждой им служили только набедренные повязки, а оружием — длинные копья и узловатые дубины. Длинные вьющиеся волосы туземцев были гуще густого, а в носах и ушах у дикарей красовались акульи зубы и тому подобные, не менее очаровательные безделушки.

Это сборище подкралось к мальчику без единого звука, но теперь дикари тараторили наперебой — видать, изрядно волновались.

Наконец толстый, довольно пожилой туземец, казавшийся вождём, приблизился к Робу и произнёс на ломаном английском:

— Как был сюда попадать?

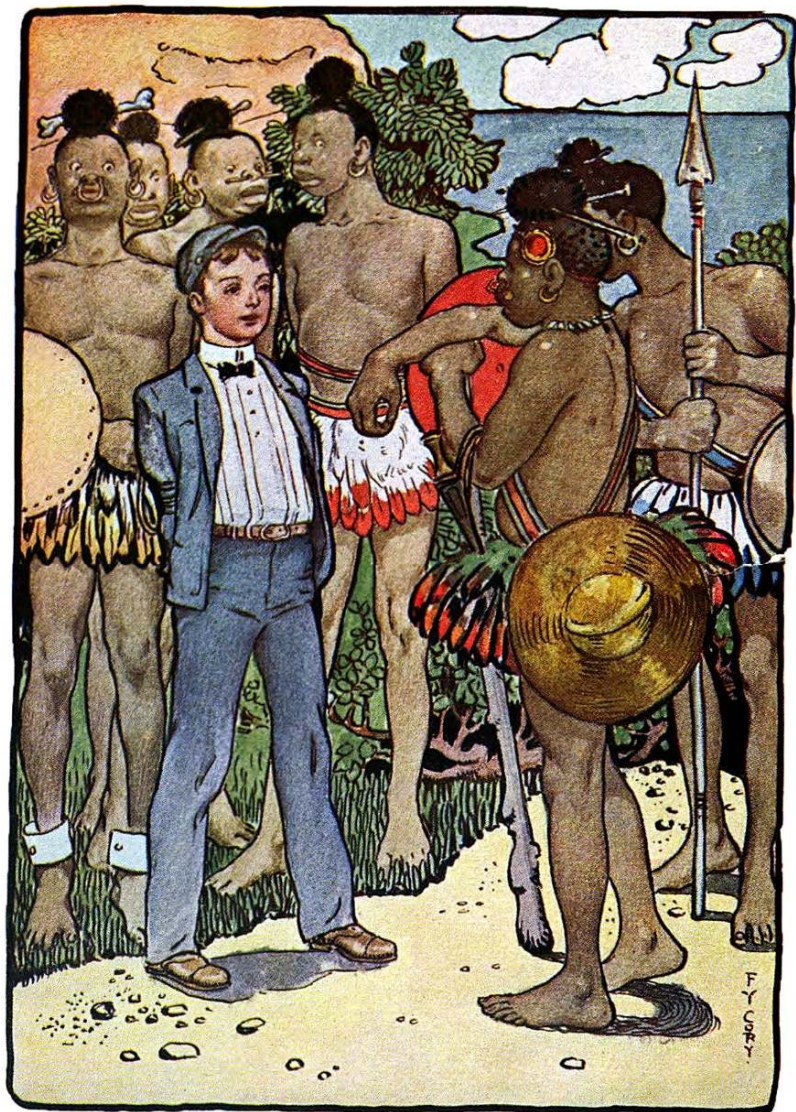
— Прилетать, — с ухмылкой ответил Роб.

Вождь покачал головой и сказал:

— Корабля не приплывать. Как приходить белая мужчина?

— По воздуху, — ответил Роб, весьма польщённый тем, что его назвали мужчиной, пускай даже «белой».

Озадаченно воззрившись на небо, вождь опять затряс головой:

Роба обступили устрашающе уродливые островитяне.

— Белая мужчина лгать, — возразил он спокойным голосом.

Вождь возобновил разговор со своими соплеменниками, а потом повернулся к Робу и молвил:

— Мы видеть белая люди много раз. Они приходить в больших кораблях. Белая люди все плохо-плохо. Убивать чёрная люди из гром-палки. Мы убивать белая люди из дубинки. После это мы ням-ням белая люди. Дохлая белая люди вкусно-вкусно. Живая белая люди плохо-плохо.

Это Робу отнюдь не понравилось. Окончить жизнь в дикарских желудках! Славное завершение путешествия, ничего не скажешь!

Мальчик весьма встревоженно обратился к вождю:

— Послушай, приятель, тебе ведь не хочется стать дохлым самому?

— Моя дохлая не стать. Твоя, однако, стать дохлая, — раздалось в ответ.

— И ты стать дохлая, — заявил Роб, — если меня будешь ням-ням. Я очень ядовит.

— Яда? Моя не знать про яда, — отпарировал озадаченный вождь. — Какая там яда?

— От этого яда болят, — пояснил Роб. — Очень болеть, потом очень-очень дохлая быть. Понятно? Я очень ядовитая белая мужчина, каждый

ЛЮДОЕДСКИЙ ОСТРОВ

день я ням-ням яд на завтрак. Белая мужчина от яда не страдать, а чёрную мужчину этот яд убивать быстреей гром-палки!

Вождь внимательно выслушал устрашающую повесть Роба, но уразумел её лишь отчасти. Поразмыслив с минуту, он провозгласил:

— Белая мужчина лгать. Как сивая мерин. Мы много-много ням-ням белая люди. Ни разу не болеть, ни разу не делаться дохлая.

И прибавил, обретая прежнюю уверенность:

— И тебя ням-ням!

Прежде, нежели Роб измыслил новую хитрость, людоеды ухватили мальчика и поволокли вон из лесу. Аркан оказался крепче некуда, Роба опутали на славу; один верёвочный виток улёгся аккурат на летательную машинку и до боли вдавил её в запястье. Впрочем, Роб решил сохранять мужество любой ценой и без единой жалобы ковылял меж двумя дюжими туземцами.

— Сперва зажигать огонь, — велел вождь. — Потом убивать белая мужчина. Потом ням-ням.

Отдав сие кулинарное распоряжение, вождь удалился, велев до поры до времени бросить Роба в пустой хижине. Мальчику привелось крепко задуматься.

«Влип! — с ужасом подумал воздушный странник. — Вот уж не думал не гадал, что

каннибалам на зуб ужожу! Очутиться бы дома, с мамой, с папой и с сестричками! Ну его к лешему, этого Электрического Джинна и все его подарки! До чего хорошо было, пока я не наткнулся на дурацкий Волшебный Выключатель... А теперь меня слопают — без перца и соли. А подливу подадут? А может быть, из меня сначала бульон сварят, как мама из цыплят? У-у-у-ухх! Ужас!»

Посреди этих неутешительных уморассуждений Роб охнул: что-то больно и уже давно давило ему в спину. Перекатившись на бок, мальчик увидел торчавший из земли острый камень.

Роб сощурился. Потом снова улёгся на камень и принялся перетирать о него крепкий людоедский аркан.

Поодаль уже трещал пылавший хворост, а посему лениться и медлить Робу не следовало. Он извивался, дёргался влево и вправо, вправо и влево, перепиливая канат, покуда пот изнеможения не выступил из каждой поры тела.

Наконец верёвка лопнула. Проворно высвободившись, Роб поднялся, растёр онемевшие мышцы и попытался отдышаться. Он управился чок-в-чок: позади послышался удивлённый возглас, и в дверях плетёной хижины возник дикарь.

Роб расхохотался: уж теперь-то чернокожие не пугали его!

ЛЮДОЕДСКИЙ ОСТРОВ

Разъярённый туземец ринулся вперёд, но мальчик выхватил из кармана электрическую трубку, прицелился в супостата и нажал на кнопку. Дикарь полетел кувырком, не успев даже вскрикнуть, и застыл недвижно.

Правда, следом объявился другой дикарь, по пятам которого шествовал жирный вождь. Когда оба они узрели развязавшегося Роба и бесчувственного — а то и «дохлого» — соплеменника, вождь заревел от злости, выкрикивая непонятные и, наверное, очень плохие слова на своём родном языке.

— Не взыщи, приятель, — хладнокровно промолвил Роб, — но мне сегодня попадать к вам на обед не совсем с руки. Можете испечь пирог вот из этого парня.

Он кивнул в сторону простёртого туземца.

— Нет, мы испечь тебя! — с яростью заорал вождь. — Ты разрезать верёвка, но не уходить: лодка нет!

— А лодка мне и ни к чему, — добродушно сказал Роб.

Воин, вошедший в хижину вместе с вождём, прыгнул вперёд, но мальчик навскидку выпустил по нему два электрических разряда и уложил дикаря бок-о-бок с незадачливым стражем.

Увидав такое, вождь опешил. Затем повернулся и опрометью ринулся прочь из хижины.

Засмеявшись от удовольствия при виде паники, объявшей толстяка, Роб кинулся вослед ему и очутился почти посередке туземной деревни. Костер пылал вовсю, а чернокожие сновали там и сям, готовясь на славу полакомиться.

Толпа островитян проворно окружила мальчика, вопя и потрясая кулаками. Но вождь выкрикнул непонятное предупреждение и туземцы шарахнулись прочь, дабы размахивать палицами и копьями уже на почтительном расстоянии от Роба.

— Кто приблизится — пожалеет, — возвестил Роб. — Уничтожу!

— Что твоя делать? — встревоженно полюбопытствовал вождь.

— Раскрой глаза — увидишь, — ответил Роб. Затем он шутовски поклонился дикарям и объявил: — Приятно было познакомиться, братцы! Чрезвычайно горжусь тем, что сочли меня достойным съедения. Да вот беда: недосуг! Нет у меня времени, чтобы перевариваться в ваших желудках как следует, а посему не взыщите.

Толпа изумлённо перешёптывалась, а Роб добавил:

— Всего наилучшего, черномазики мои бесценные!

ЛЮДОЕДСКИЙ ОСТРОВ

Мальчик быстро перевёл указатель машинки в положение «подъём».

Медленно поднявшись в воздух, путешественник помахал пятками над макушками дикарей и обмер от ужаса.

Взмыть выше не удавалось.

Указатель, убедился Роб, стоит в правильном положении. Значит, не в порядке тончайший механизм, сопряжённый с ним. Возможно, давление дикарского аркана, захлестнувшего циферблат, оказалось чрезмерным...

Как бы там ни было, Роб очутился в жалких семи футах над землёй — лишь немного выше хорошего человеческого роста — и ни дюймо́м выше подняться не мог!

Однако и этот жалкий взлёт изумил чернокожих свыше всякой меры. Увидав парящего Роба, дикари повалились наземь и принялись воздавать мальчику божеские почести.

В далёкой молодости жирный вождь вдоволь навидался и наелся белых людей. Доверия к этим коварным и вкусным чужеземцам он отнюдь не испытывал. Простираясь ниц, хитрый старец искоса подглядывал за летучим странником и вскорости понял: дерзкому юнцу отнюдь не по себе. Мальчишка явно волновался и боялся.

Вождь прошептал приказ, и лежавший рядом воин отполз в сторону. Полз он до тех пор, покуда не смог подняться во весь рост за спиной у Роба, а поднявшись, уцепил беспомощное «божество» остриём копья.

— Ой! — завизжал Роб. — О-о-ой!

Он обернулся, увидел, что чернокожий готовится орудовать палицей, и немедленно пустил в ход электрическую трубку. Дикарь покатился, точно сбитая кегля.

Племя, приободрившееся было при виде орущего от боли божка, снова дружно рухнуло наземь. Теперь туземцы принялись выбивать зубами барабанную дробь — от постыдного страха, а также в знак предельного почтения к невиданной мощи маленького пришельца.

Положение становилось и неловким, и дурацким.

Роб ума не мог приложить, на что решатся людоеды, когда опомнятся. Посему, рассудил мальчик, ежели не можешь устремиться ввысь, надобно удирать вдаль. И перевёл указатель на юг, туда, где меж деревьями виднелся немалый просвет.

Вместо юга машинка понесла Роба к северо-востоку — убедительное свидетельство того, что механизм испортился и стал ненадёжен, мало того: непредсказуем! А в довершение неприятностей,

прямо к северо-востоку обретался огромный костёр, приготовленный для Роба чуть пораньше. Пламя, правда, улеглось, но груды раскалённых углей так и трещала, источая непереносимый жар.

Перетрусивший Роб вертел указателем во все стороны, пытался изменить направление полёта — да не тут-то было.

В итоге всех предпринятых действий мальчик застыл в воздухе над самыми углями. Застыл — и не мог сдвинуться ни на дюйм.

— Караул! Горю-ю! — завопил Роб. Вopil он чистую правду: испечься над углями было можно в одну минуту. — Неужели всё-таки изжарюсь? На помощь! Эй, Жирняга, на помощь!

Во мгновение ока толстый вождь очутился на ногах и бросился на выручку со всевозможным проворством. Он подпрыгнул, ухватил Роба за пятки и увлёк было наземь, поодаль от пылавших углей. Но в следующий миг они оба — и мальчик, и повисший на его пятках упитанный островитянин — опять воспарили, хотя и в безопасном удалении от раскалённой угольной груды.

Обнаружив, что взлетел, чернокожий толстяк пронзительно завыл, отпустил Роба и кувырком покатился по траве.

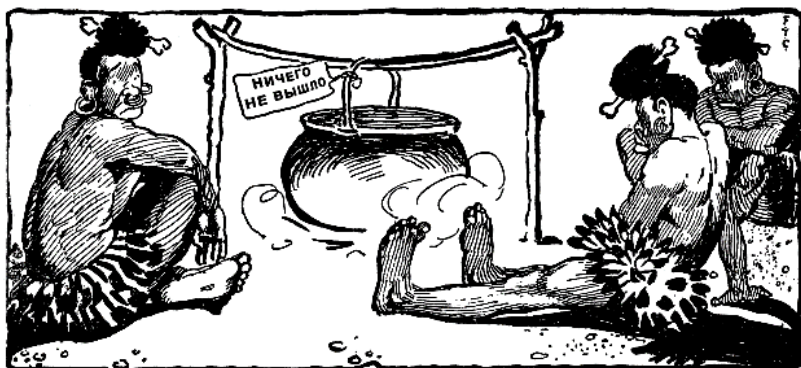
Остальные дикари вскочили, обступили вождя, успокоили его, утвердили стоймя.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

По-прежнему витавший над их макушками Роб отказался ото всяких расчётов на воздушное спасение. Летательная машинка явно вышла из строя. Мальчик решил приземлиться и бежать на своих двоих. Будь что будет, решил Роб и перевёл указатель в положение «спуск».

Машинка нехотя повиновалась. К невыразимому своему облегчению, Роб сызнаова ощутил под ногами твёрдую почву.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ФЛИГУСТЬЕРЫ

ЧЕРНОКОЖИЕ снова сгрудились вокруг нашего искателя приключений, который хладнокровно поднял трубку-выручалочку и обратился к вождю с такими словами:

— Скажи своим живоглотам, что я удаляюсь вон в ту рощу, а если кто-нибудь попырует вмешаться — уничтожу на месте!

Роб рассудил за благо не сообщать островитянам, что его оружие, по сути дела, вполне безвредно: вызовет обморок продолжительностью в час — и только.

Вождь понимал по-английски гораздо больше слов, нежели умел произнести. Он перевёл

соплеменникам сказанное Робом, а те, успев наглядеться на якобы убийственное действие трубки, благоразумно посторонились и разрешили чужестранцу пройти без помех.

С видом непревзойдённого достоинства мальчик прошагал меж рядами островитян, ежесекундно ожидая удара копьём в спину или дубиной по голове. Но туземцы вполне убедились в огромной силе пришельца и продолжали считать его божеством, а потому предпочли воздержаться от враждебных действий.

Очутившись за пределами деревни, Роб со всех ног ринулся к откосам высокого плоскогорья, располагавшегося посередине острова, чтобы взобраться наверх, отдышаться и собраться с мыслями, не опасаясь нападения. Однако склоны были настолько круты, что вскарабкаться по ним оказалось немыслимо!

До полусмерти перепуганный Роб перевёл указатель в положение «вверх» и обнаружил: машина сохраняет достаточно мощи, чтобы поддерживать его при восхождении, предельно облегчая телесный вес. Достигнув ровного, поросшего травами плато, мальчик рухнул ничком. Его одолевали весьма невесёлые мысли. Выхода из отчаянного положения не намечалось.

«Вот, — рассуждал Роб, — занесла нелёгкая на людоедский остров, за тысячу миль от цивилизации... Как же теперь домой-то вернуться? Родные, пожалуй, мечтают, места себе не находят — а потом подумают, будто я попросту голову сломал. А через неделю пожалуйет Джинн, и не застанет меня. Вот и не получу трёх новых подарков...»

Роб вздохнул и перевернулся на спину.

«Да Бог с ними, с подарками — того и гляди, завлекут в такую же передрагу, или ещё худшую... Но как же с этого острова проклятущего удрать? Ведь сожрут меня здесь рано или поздно — как пить дать, сожрут!»

В этом и подобном духе Роб рассуждал битый час — а приемлемого пути к спасению так и не отыскалось.

Часом позже мальчик посмотрел с обрыва вниз и увидел: плоскогорье окружено сотнями чернокожих, спокойно усевшихся у подошвы и наблюдавших за передвижениями чужестранца.

«Голодом, должно быть, хотят морить, — подумалось Робу. — Надеются, что спущусь к ним, если невмоготу станет. Правда, таблеток питательных у меня вдоволь — но... Таблетки-то кончатся однажды!.. Впрочем, если хорошенько изголодаться, то станешь худым, костлявым,

жёстким и невкусным — а тогда уж не съедят. По крайности, не сразу съедят — сперва откормят».

Мальчик опять улёгся и начал изучать электрическую летательную машинку. Разбирать её Роб не решался, опасаясь — и не без оснований, что собрать хитроумное устройство заново не сумеет. О конструкции машинки мальчик не имел ни малейшего понятия.

Но на ободке циферблата обнаружилось две изрядных вмятины, по одной с каждой стороны. Следовало предполагать, что они были оставлены людоедской верёвкой.

«Возможно, — предположил Роб, — устранив эти вмятины, я починю машинку!»

Для начала он попытался открыть корпус перочинным ножом, как открывают обыкновенные часы. Ничего не получилось. Тогда, поскольку, благодаря давлению верёвки, вызвавшему вмятины, корпус немного сплющился, мальчик положил машинку между двумя плоскими камнями и сжимал их до тех пор, покуда маленькое приспособление опять не приняло почти правильных, изначальных очертаний. Вмятины, конечно, же, не исчезли, но Роб надеялся, что машинка заработает хоть чуточку лучше.

Проверить, так ли это, можно было единственным способом.

Роб застегнул на запястье пряжку ремешка и перевёл указатель в положение «подъём».

И неспешно воспарил — уже повыше, футов на двадцать. Но здесь подъём замедлился и прекратился окончательно.

«Всё-таки чуток получше! — подумал Роб. — Поглядим, как обстоят дела с движением по горизонтали».

Переместив указатель на северо-запад — там, по расчётам Роба, находился дом, — путешественник увидел: машина повинуетя. Правда, повиновалась она очень лениво, но всё же унесла Роба с плоскогорья и дозволила пересечь воздушное пространство над островом на недоступной для туземных камней и копий высоте.

Последнее обстоятельство пришлось весьма кстати: увидав, что несостоявшийся обед ускользает, чернокожие с возмещённым улюлюканьем принялись швырять в Роба копья и булыжники. Но те не достигали цели, и Роб совершил перелёт безо всякого ущерба для себя.

Лишь однажды мальчик зацепился за выступавшую ветвь очень уж высокого дерева; но сумел избежать остальных ветвей и сучьев, поджав ноги. А потом внизу проплыла береговая линия, остров остался позади, а Роб опять поплыл по воздуху над океаном.

Мальчик распрощался с людоедским островом без малейших сожалений, и до сожалений ли было Робу, только и гадавшему: в какую минуту летательная машинка испортится напрочь и обрушит его в пенистые валы?

Со скоростью тоже было из рук вон плохо. Внизу простирался бескрайний океан, а Роб передвигался над ним с быстротой пешехода.

«Эдаким манером, — вздохнул Роб, — до дому года полтора добираться! Хотя, нужно Бога благодарить за то, что машинка вообще работает!»

Мальчик рассуждал совершенно верно.

Всю вторую половину дня и всю долгую тропическую ночь он медленно волокся по воздуху над необозримыми солёными водами. «Ползти черепашьими темпами», как в сердцах называл это Роб, — особенно после предыдущего перелёта со скоростью странствующего стрижа, — было неприятно. Да на беду, иного способа пересечь океан у Роба не предвиделось.

Занималась бледная заря, когда Роб различил вдалеке тёмные очертания корабля. Судно двигалось туда же, куда направлялся мальчик, но ещё медленнее: над морем царил почти полный штиль. Немного времени спустя Роб поравнялся с ним.

На палубе не замечалось ни души, а

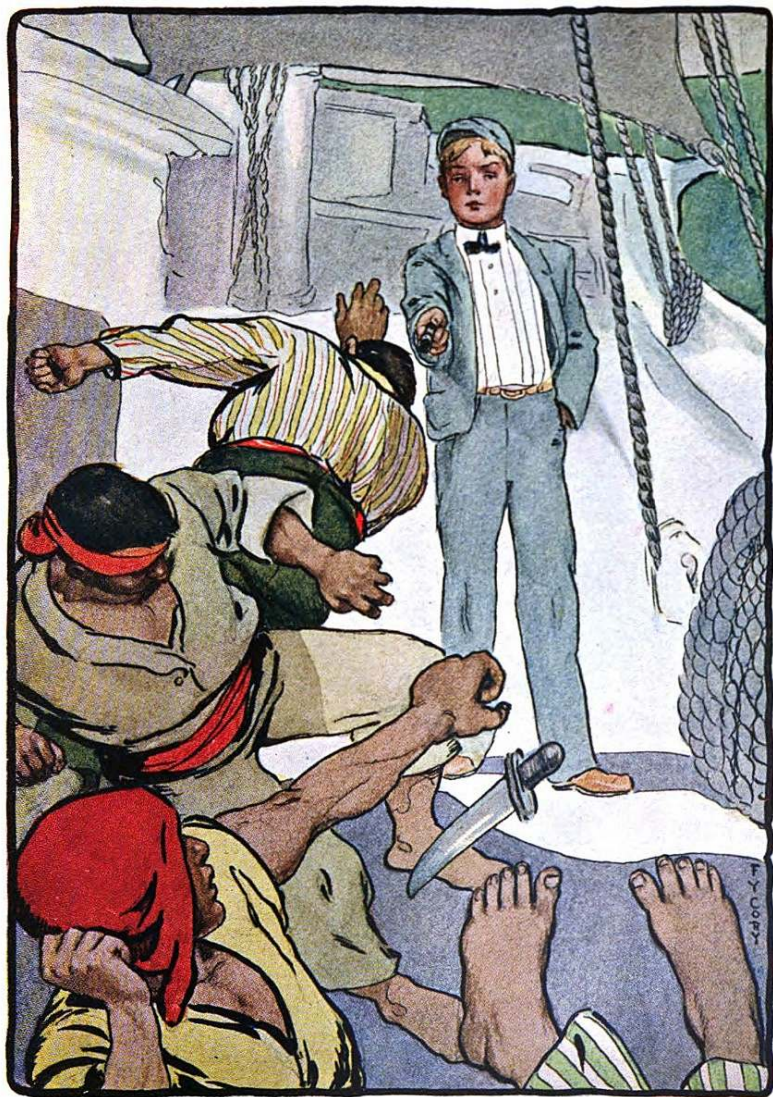
неухоженный, заброшенный вид скрипучей посуды не вселял ни малейшей уверенности в том, что на борту есть экипаж. Покружив над мачтами, Роб всё же решил спуститься на палубу и чутко передохнуть.

Мальчик очутился на баке — высокой носовой части судна, и собирался отправиться на разведку, но тут из люка высунулся человек и заметил незваного гостя.

Рожа у человека была архиразбойничья, смуглая, чернобородая. А одежда казалась отменно странной, пиратской. Увидав мальчика, моряк пронзительно свистнул, после этого оглушительно крикнул — и на палубу высыпали четверо других, ещё ужаснее первого.

С первого же мгновения Роб учуял неладное. Отпетый экипаж судна выхватил кинжалы и пистолеты, принялся горланить на тарабарском наречии. Глубоко вздохнув, Роб извлёк из кармана трубку-выручалочку.

Движения этого пираты не заметили. А потому ринулись на залётного посетителя столь проворно, что Роб едва успевал нажимать на кнопку. Разряжалась электрическая трубка бесшумно, и пираты, понятия не имея о том, что же именно происходит, падали на палубные доски, где и застывали в неподвижности.

Пираты падали на палубные доски, где и застывали в неподвижности.

Один из морских разбойников подскочил к Робу почти вплотную, получил электрический удар и, шлёпаясь головой вперёд, чуть не сшиб мальчика с ног.

Толчок пришёлся под ложечку, Роб согнулся пополам, задохнулся и треснулся о планшир.

К счастью, проворный флибустьер оказался последним по счёту.

Понемногу распрямившись и видя врагов поверженными, юный путешественник спустился в кубрик и обследовал его. Кубрик был загажен и вонял омерзительно, однако по углам и на койках валялись целые груды всякой всячины, отнятой пиратами у тех, кому не повезло наткнуться в открытом море на эту команду головорезов.

Роб поморщился и поскорее вернулся на палубу, где и уселся близ бушприта.

Главной бедою мальчика была неисправность летательной машинки. Хотя ветер посвежел и паруса туго надулись, Роб осознавал: пиратский корабль — отнюдь не быстреее средство передвижения, да и не безопаснейшее к тому же. Если ничего иного не подвернётся, достичь дома будет весьма нелегко.

Роб отстегнул машинку от запястья, дабы получше её осмотреть, неловко ухватил ободок циферблата и... Машинка выскользнула. Со звоном и лязгом шлёпнулась на палубные доски.

Покатилась. Миновала рулевую рубку и — пропала из виду!

Закричав от ужаса, мальчик вскочил и кинулся вослед исчезавшему подарку Электрического Джинна. После долгих и лихорадочных поисков машинка обнаружилась у самого шпигата — жёлоба, по которому стекает с палубы вода во время шторма, откуда при малейшем крене могла соскользнуть прямо в океанскую пучину. Роб жадно ухватил своё сокровище и обнаружил: при падении ободок повредился опять — но таким образом, что старые вмятины, по сути дела, исчезли.

Зато появились новые, и мальчик решил: уж теперь-то нежный механизм загублен окончательно!

Будь оно так, Роб остался бы в плену у пиратского экипажа, который всё ещё валялся без чувств, но менее чем через час должен был встать, как встрёпанный.

Роб восседал на баке, печально размышляя о своих бедах, и начинал серьёзно подумывать: а не взять ли в кубрике здоровенный тесак, и не срубить ли всем бравым флибустьерам буйные головы, пока морские разбойники не пришли в себя?

Но мальчик не позабыл сказанного добрым Джинном: «убивать себе подобных — ужасное преступление...» А убивать валяющихся без сознания, решил Роб, и вовсе было бы гадко.

Один из пиратов пошевелился. Последствия электрического шока начинали проходить. Флибустьер — это другое слово, которым зовут пиратов, — приподнялся, озадаченно потёр голову и осмотрелся. Увидав Роба, негодая испустил яростный вопль, выхватил нож и...

И, увидав поднятую трубку-выручалочку, замер неподвижно. Потом вскочил, ринулся в кубрик, захлопнул дверь и остался вне опасности.

Остальные четверо тоже приподнялись, охая и ругаясь на тарабарском наречии. Но, поскольку ни единому флибустьеру не улыбалось опять угодить под разряд из электрической трубки, четверо остальных по очереди бросились наутёк, юркнули в кубрик и присоединились к своему предводителю.

Роб оказался в одиночестве.

Корабль начинало неприятно раскачивать и подбрасывать: ветер крепчал и превращался в настоящий ураган. Обрасопить паруса было некому, судно, того и жди, могло и мачты потерять, и перевернуться вверх тормашками — по моряцкому выражению, опрокинуться оверкиль.

Волны вздымались, точно водяные горы, и мальчик забеспокоился.

Наконец флибустьерский предводитель высунул нос из кубрика, пробормотал несколько невразумительных слов и ткнул пальцем в сторону

мачт. Роб кивнул, понимая: пираты хотят заняться парусами.

С немалой опаской пираты выбрались на палубу и начали брасопить паруса, то есть собирать их у реев и подвязывать особыми верёвками, брасами; вскоре корабль уже мог немного бороться со штормовым ветром.

Дальнейшего внимания флибустьерам Роб не уделял. Он с немалым сомнением оглядел свою летательную машинку и погадал: можно ли довериться ей и возобновить прерванный полёт над океаном? Впрочем, что на корабле оставаться, что на машинку рассчитывать — особой разницы не замечалось: и в том, и в другом случае Роб рисковал с минуты на минуту окунуться в волны.

После недолгих колебаний мальчик пристегнул машинку к запястью и перегнулся через планшир, чтобы понаблюдать за штормом. Нужно, подумалось Робу, оставаться на корабле как можно дольше, а потом, если судно перевернётся, рискнуть и попробовать полететь. И Роб решил выждать, пока не грянет крайняя необходимость.

Крайняя необходимость грянула мгновение спустя. Покуда Роб наклонялся над морем и рассматривал волны, brave флибустьеры подкрались сзади и крепко схватили мальчика. Двое держали Роба за руки, а третий тщательно вывернул

его карманы. Трубка-выручалочка и коробка с таблетками перекочевали к пирату.

Флибустьеры оттащили и то, и другое в кубрик, метнули на грудь награбленного добра, закрыли свои сокровища на замок. А потом принялись насмехаться над Робом, который остался безоружным. Капитан выместил на мальчике накопившуюся злость, отвесив ему несколько здоровенных пинков.

Благо ещё, что пираты не обратили внимания на летательную машинку.

Хотя Робу отчаянно хотелось плакать, он вытерпел издевательства стойко и мужественно. Но когда один из пиратов приблизился к нему со снятым ремнём, дабы продолжить наказание, мальчик решил: если хорошего понемножку, то и плохого, наверное, тоже.

Передвинув указатель в положение «подъём», Роб с восторгом обнаружил, что машинка служит по-прежнему — как служила до несчастных событий на людоедском острове!

Увидав, что пленник поднимается в воздух, ближайший к Робу флибустьер крепко схватил его за лодыжку, а второй пират ринулся пособить приятелю. Но машинке, похоже, было безразлично, нести одного лишь лёгенького мальчика или целую гирлянду тяжеловесных морских разбойников впридачу. Когда ещё двое пиратов ухватились за

ноги товарищей, надеясь общими усилиями вернуть Роба на палубу, ничего у них не получилось. Пятый флибустьер бросился на подмогу, и минуту спустя Роб воспарил ввысь, неся на левой лодыжке целую пиратскую гроздь.

Поначалу пираты слишком ошалели, чтобы орать. Но, уразумев, что парусник их остался далеко внизу, а сами они улетают неведомо куда, разбойники разразились протяжными завываниями. Наконец, флибустьер, уцепившийся за лодыжку мальчика, разжал пальцы и все пятеро шлёпнулись в океан, подняв целую тучу брызг.

Летательная машинка работала как ни в чём не бывало. Роб покинул пиратов на произвол судьбы, предоставив им добираться до судна самостоятельно, а сам спикировал на палубу, отомкнул кубрик и вытащил оттуда коробочку электрических таблеток и трубку-выручалочку.

Флибустьеры ещё только пытались взобраться назад на борт, когда мальчик улизнул от них окончательно, пулей взлетев под низко нависавшие облака.

Ура! Гип-гип-ура! Летательная машинка слушалась указателя ничуть не хуже, чем раньше, до приземления на далёком острове!

Ветер отгонял Роба к югу, и путешественник стал подниматься до тех пор, пока не миновал горизонтальные воздушные токи и не оставил

шторм бушевать где-то под ногами. Затем Роб переместил указатель на северо-запад и, затаив дыхание, выждал, пока машинка послушалась. Урр-р-раа-а! Мальчик помчался прочь со вполне приличной скоростью.

Вся былая тревога исчезла, сменившись упоительной радостью.

Роб не уставал дивиться неожиданной удаче и пришёл к выводу, что сотрясение, вызванное ударом о палубу, помогло каким-то мелким внутренним деталям встать на положенные места, и действие электрических токов возобновилось.

Плавно и проворно двигаясь над океаном, Роб с интересом созерцал бушующий внизу шторм. А над головою мальчика мирно сияло солнце, и двойное впечатление было весьма необычным. Через час-другой шторм улёгся, или умчался дальше, или просто-напросто сам Роб улетел прочь от него. Глубокая синева океана снова ласкала взор.

Путешественник снизился до сотни футов над уровнем моря и продолжил свой путь на северо-запад.

Снизился — и немедля пожалел об этом. Полёт, бывший за миг до того быстрым и лёгким, словно птичий, опять сделался порывистым и медленным. Роб ругал себя на чём свет стоит: видать, механизм летательной машинки всё же был разболтан основательно. Следовало только надеяться, что

машинка не откажет вообще. Но пока Роб летел в требуемую сторону. А экспериментировать с машинкой он больше не будет.

Пускай, подумалось Робу, я странствую не столь уж быстро, зато в воздухе держусь и к воде не снижаюсь. А до земли рано или поздно доберёмся. Это — главное.

Спустилась ночь. Роб уснул тревожным, прерывистым сном: не раз, и не два ему чудилось, будто машинка сломалась начисто и он, Роб, неотвратимо падает в океанские волны. Временами полёт ускорялся, временами замедлялся донельзя. Тревогу Роба легко было понять!

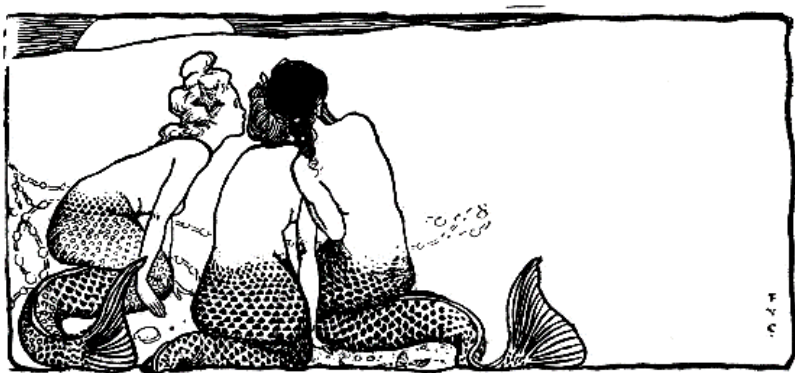
Следующий день принёс мальчику ещё больше забот. Роб начал сомневаться: а вообще-то, в нужном ли направлении он летит? Машинка уже подвела его, двинула вместо юга на северо-восток, прямоком на пылающие уголья... Всякое доверие к подарку Джинна у Роба исчезло.

Невзирая на одолевавшие сомнения, вторую ночь полёта Роб проспал как сурок, ибо изнемог от непрерывного беспокойства и усталости. Пробудившись на рассвете, мальчик с невыразимым облегчением увидел перед собой далёкую береговую кромку.

Солнечный восход застиг его над большим городом, который по ближайшем изучении оказался Бостоном.

Роб летел не останавливаясь. На машинку рассчитывать не стоило: она могла окончательно сломаться в любую минуту. Но всё же пришлось переменить направление полёта с северо-западного на западное. Итогом этой лёгкой перемены курса было такое падение скорости, что родную деревню Роб увидел под собою лишь к полудню.

Тщательно определив, где находится отцовский дом, Роб повис в воздухе прямо над ним, а несколько мгновений спустя приземлился на заднем дворе — точно в том же месте, откуда отправлялся в свой первый полёт, на который возлагал столь большие надежды.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДЖИНН ГНЕВАЕТСЯ

МАТЬ и сёстры целовали Роба так, что чуть не задушили мальчика. Даже г-н Джослин не удержался и крепко обнял сына, выслушав недолгий рассказ о его похождениях. Рассказу поначалу не шибко-то поверили, домочадцы качали головами и посмеивались — по иного при подобных обстоятельствах и ждать не следует.

— Надеюсь, мой дорогой, — промолвил, наконец, г-н Джослин, — что приключений тебе с избытком хватит до скончания дней. Впредь изволь оставаться дома.

— О, Роберт! — вскричала мать со слезами на глазах: — Ты понятия не имеешь, как мы все беспокоились целую неделю! Просто извелись!

— Неделю? — изумлённо переспросил мальчик.

— Да, ибо завтра исполнилась бы ровнёхонько неделя со дня, когда ты поднялся в воздух и исчез!

— Получается, — задумчиво произнёс Роб, — я добрался до дому аккурат вовремя.

— Вовремя? Но для чего же?

Этот вопрос юный изобретатель оставил без ответа. Роб думал об Электрическом Джинне: нынче, поближе к вечеру, мудрый и блистательный дух посетит своего подопечного вторично.

За обедом, хотя Роб и не проголодался, он сел к столу со всеми вместе и доставил матери неподдельное удовольствие, наевшись до отвала — совсем как в старые добрые дни. Мальчик удивился: до чего же хороша показалась ему домашняя пища! И каким же удовольствием было ублажать не только пищеварение, но и вкус! Электрические таблетки отлично годились для путешествий, но ежели питаться ими непрерывно, заскучаешь по простой человеческой еде: вкуса в таблетках не наблюдалось ни малейшего.

К четырём часам Роб отправился в чердачную лабораторию и отпёр дверь. Всё стояло и лежало на положенных местах — точно так, как и неделю назад. Роб оглядел свои простенькие электрические устройства не без некоторого презрения: чересчур

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

уж детскими и никчёмными казались они по сравнению с чудесными дарами Джинна.

Впрочем, спохватился мальчик, именно эти никчёмные провода и кнопки позволили ему наткнуться на Волшебный Выключатель. Не стоило презирать милые домашние поделки.

Немного погодя воздух в лаборатории сгустился, точно его внезапно насытили электрические токи. А мгновение спустя сверкнула ослепительная вспышка, и мальчику явился Джинн.

— Я прибыл! — объявил он.

— Я тоже! — откликнулся Роб. — Но, по чести сказать, уже не чаял увидеться с тобой. Понимаешь ли, я летал на...

— Побереги дыхание, — холодно сказал гость. — О твоих похождениях мне известно.

— Да ну! — воскликнул Роб. — Значит, известно и о...

— Обо всех дурацких выходках! — перебил его Джинн. — Я непрерывно был с тобою рядом — правда, незримо.

— Тогда тебе известно, как я развлёкся! — выпалил Роб. — Но почему непременно «дурацких выходках»?

— Виноват, не дурацких. Идиотских. А я-то вручил тебе редчайшие дары! — посетовал Джинн. — Какие научные ценности! Электрические

устройства, используя которые широко, человечество просто вступило бы в новую эру! И я сдуру надеялся, что твоё обращение с ними послужит подсказкой, шпаргалкой для инженеров-электриков, что они быстро поймут принцип действия этих механизмов и смогут производить подобное же в количествах, достаточных для целого мира! Но как же ты поступил с моими дарами?!

— Изумил и поразил островитян! — с ухмылкой ответил Роб.

— Осёл! — возмутился Джинн. — Ты заволок мои дары на дикий и тёмный остров, где даже ваша никчёмная цивилизация до сих пор не удосужилась побывать!

С воплем негодования Джинн топнул ногой — да так, что в воздухе брызнули тысячи электрических искр, погасших с шипящим треском.

— Да ты бы ничуть не меньше изумил и поразил этих злополучных дикарей, включив перед ними обыкновенный электрический фонарик! — бушевал Джинн. — А мощностью полученных тобою даров удалось бы куда больше удивить ваших якобы гениальных электротехников! Зачем ты истратил мои подарки на таких ничтожных, никчёмных, безмозглых живоготов, обитающих неведомо где?

— Но, — промямлил Роб, напуганный этим взрывом ярости, — я и не собирался на людоедский остров! Я хотел попасть на Кубу!

— Ещё одно великое средоточие передовой научной мысли! Куба! Какого лешего ты не отправился в Чикаго? Или же в Нью-Йорк? Отвечай! А ежели невтерпёж было пересечь океан, то почему не в Париж или Вену?

— Да я, — выдавил Роб, — я о таких городах и не думал! И, — ошетинился раздосадованный мальчик, — дикари сочли меня божеством! Лежали предо мной на брюхе, а это что-нибудь да значит!

— Получается, — устало вздохнул Джинн, — ты не простой дурак, а набитый.

— Почему? — яростно крикнул Роб.

— Наберись чуток терпения, хорошо? — предложил Электрический Джинн.

Голос гостя прозвучал неожиданно мягко, и юный изобретатель повиновался.

— Древние римляне, — молвил Электрический Джинн, — говаривали: гораздо лучше быть первым в деревне, чем последним в Риме. Отрицаю, отвергаю и отметаю это несуразное утверждение. Такое мог ляпнуть лишь человек, мелкий до ничтожества. Ибо...

Джинн поднял указательный палец и выждал мгновение-другое.

— ...Ибо, — продолжил он, — даже будучи последним в Риме, человек, наделённый умом и способностями — уж не говорю «талантами», — однажды мог сделаться гражданином не из последних и пользоваться совершенно заслуженным почётом. А иногда, глядишь, и в первых числиться! И благодарный Рим произносил его имя с почтением, и на форуме — это в Риме площадь такая была — воздвигали его изваяние, и на скрижалях истории вечно блистало его славное имя.

— Что такое скрижали? — прервал мальчик.

— Это... — Джинн замялся, прищурился, махнул рукой: — Долго пояснять. Ну, скажем... это вроде исторической доски почёта.

— Ага, — кивнул Роб.

— А человек тщеславный, но пустой, ленивый и никчёмный, отлично понимал: в Риме таких, как он — пруд пруди. Отправлялся такой человек в деревню, селился там и расхаживал гоголем перед глазевшими на него простодушными земледельцами — уж этих-то удивить нетрудно было, и крестьяне с почтением говорили по-латыни: «Во, даёт! Наверно, ума палата!» Тщеславный человек раздувался от гордости, самому себе чуть ли не Юлием Цезарем казался. Но забывали об этом человеке, лишь только он перебирался в другие края

или умирал. Потому что память у поселян была короткая, книг в деревнях не читали, записей не делали, ни о каких скрижалях истории слыхом не слыхивали, да и вообще ничем, помимо ежедневных забот, по-настоящему не интересовались...

Электрический Джинн выдержал небольшую паузу.

— Должно быть, — сказал он, — древнеримское выражение «сик тра́нзит глóриа му́нди» — «так проходит земная слава» — и возникло при виде таких «первых в деревне». Чванился человек, пыжился, раздувался от спеси — а глядишь, слизало его время, точно корова языком — и следа не осталось. Ни хорошего, ни плохого.

— Ага, — согласился Роб. — Только, всё-таки, почему я дурак набитый?

— Потому что, — загремел Джинн, — ты не понимаешь простой истины: меж образованных людей числиться просто выдающимся инженером гораздо, несравненно лучше, нежели считаться всемогущим богом среди поганых людоедов!

— Ну да, — ответил Роб, — это я понимаю. Надо, наверное, было в Европу слетать. Но и ты, между прочим, подкачал: с эдакой летательной машинкой бед не оберёшься!

— Признаю, — ответил Джинн. — Корпус нужно делать из металла попрочнее. Когда ободок

помялся, он сжал внутренние детали и круговращение токов нарушилось. А вот если бы, — загремел Джинн с новой силой, — если бы ты попал в цивилизованную страну, то никаких арканов бы на тебя не накидывали, и ничего бы с летательным устройством не случилось! Впрочем, в будущем такого уже не произойдёт: я создал новый инструмент, с надёжным корпусом, и заменю им тот, который вышел из строя.

— Спасибо, — сказал Роб, — ты весьма любезен.

Мальчик охотно вручил Джинну свою помятую машинку и получил взамен новёхонькую.

— Теперь не испортится? — поинтересовался он.

— Теперь даже ты не сумеешь её сломать! — буркнул Джинн.

— А как насчёт новых даров? Числом три?

— Получишь, но только если торжественно пообещаешь не соваться с ними ни в какую глухомань, — ответил Джинн, — и показывать полученное только умным и образованным людям.

— Торжественно обещаю, — сказал мальчик. — На остров меня и самого не больно тянет. Хватит с меня первобытных уголков.

— Тогда получай во владение три новых дара, ценнее и важнее трёх предыдущих, — с обречённым

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

видом промолвил Джинн, по-видимому, не принявший Робова обещания всерьёз.

Мальчик задрожал от нетерпения и жадно уставился на Джинна. Тот выпрямился, подтянулся, метнул целый сноп искр и засверкал ещё ярче прежнего.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОГУЩЕСТВО РОБА ВОЗРАСТАЕТ

- Я осознал это, и говорю: было чистым безумием вручать тебе наступательное оружие, а не снабжать средствами чистой самозащиты, — заявил Джинн. — Кажется, всего за неделю моя трубочка опрокинула добрую дюжину человек? Хорошо, пускай дюжину людоедов и головорезов. А также одного ни в чём не повинного полицейского... и его несчастную собаку, лаявшую да не кусавшую.

— Ага, — согласился Роб. — Только я не виноват. Вся моя защита была в твоей трубочке.

— Именно. А посему следующий мой дар — Защитное Одеяние. Будешь носить его под обычным костюмом. Защитное Одеяние накапливает и использует отталкивающие

электрические силы. Должно быть, ты ума не приложишь, что это значит. Поясняю. Когда любой снаряд — вообще, любое оружие: пуля, камень, меч или копье — приближается к твоему телу, то сопутствующее движению возмущение воздуха пробуждает защитные свойства Одеяния. Отталкивающие электрические силы, намного превосходя силы метательные, остановят снаряд и отбросят его вспять. Поэтому ничто, приближающееся со сколь-нибудь значительной мощностью или скоростью, не может коснуться твоего тела. Для обыкновенного оружия ты недосягаем.

Джинн перевёл дух.

— В Защитном Одеянии тебе не понадобится электрическая трубка... Или почти никогда не понадобится. Не допускай, чтобы жажда мести либо простая неприязнь влияли на твоё поведение. Люди могут угрожать — но повредить тебе они отныне уже не властны. А ты помни о своих огромных преимуществах и знай: существо поистине могучее не бывает ни задиристым, ни мстительным. Набирайся мудрого терпения.

Роб оглядел Одеяние с немалым любопытством. Оно так и отливало мерцающим серебром, но на ощупь было мягким и нежным, словно руно. Видимо, Джинн изготовил Одеяние специально для Роба — оно пришлось мальчику точнёхонько впору.

— А теперь, — серьёзно продолжил Джинн, — займёмся электрическим устройством столь чудесным, что даже я склоняю голову перед непостижимым совершенством природных законов, позволяющих этому приспособлению действовать. Ничего похожего человеку ещё и в голову не приходило. Чтобы просто-напросто уразуметь возможности этого прибора, надобно полностью постичь науку об электричестве.

Джинн помедлил и вынул из внутреннего кармана плоскую металлическую коробку. Размером она была приблизительно шесть дюймов на четыре, и в толщину имела около дюйма.

— Что это? — любопытствовал Роб.

— Автоматический Летописец, — ответил Джинн.

— А... что это такое? — после краткого колебания повторил мальчик.

— Я могу лишь объяснить тебе, как использовать Летописец, — вздохнул Джинн. — А вот об электрических силах, им управляющих, о вибрирующих токах, из коих и состоят его записи, поговорим, когда твои мозги вместят чуток побольше знаний об электричестве. Да и практическая сторона дела будет сейчас намного любопытнее, поверь. Отложим рассказ о научной стороне вопроса на будущее.

Роб слушал, затаив дыхание.

— Допустим, — продолжил Джинн, — тебе захотелось узнать о главных событиях, происходящих ныне в Германии. Вращай это маленькое боковое колёсико, покуда вот в этой прорези не возникнет слово «Германия». Затем откинь верхнюю крышку — она вращается на петлях — и твоему взору предстанут именно те события, которыми ты интересуешься.

Джинн не терял времени: каждое пояснение сопровождалось надлежащим действием.

Роб заглянул под откинутую крышку и, словно в маленьком зеркале, увидел перед собою движущуюся картинку. По берлинским улицам маршировал пехотный полк, предшествуемый эскадроном конницы. А конницу возглавлял сам немецкий император!

Толпившиеся по тротуарам люди приветствовали процессию, воодушевлённо размахивали шляпами и платками, а духовые оркестры играли торжественные марши, явственно внятные слуху мальчика.

Роб глазел, словно зачарованный, как в обширную гавань вплывал огромный линейный корабль, изукрашенный вымпелами. У бортовых поручней выстроились матросы и офицеры, впервые увидавшие берег любимого *Фатерлянда* —

так по-немецки зовётся Отечество — после долгого кругосветного плавания. Приветственный вопль из сотен моряцких глоток тоже достиг Роба.

И снова зрелище изменилось. В тёмном подвале, сыром, тускло освещённом керосиновыми лампами, бородатые люди со злыми, полубезумными глазами давали клятву свергнуть императора и перебить его семью.

— Анархисты? — с ужасом спросил Роб.

— Ага, — негодуяще фыркнул Джинн и внезапно захлопнул крышку чудесного прибора.

— Поразительно! — воскликнул Роб. Он вздохнул и слегка поёжился, припомнив анархистов.

— Летописец, — молвил Джинн, — одно из лучших доказательств того, сколь необъятны возможности электричества. Вы черпаете новости лишь из газет — по сути дела, все грамотные люди в той или иной степени зависят от произвола газетчиков. А газетчики, во-первых, пишут омерзительным суконным языком, во-вторых, лгут напропалую, а в-третьих, даже если изредка говорят правду, то излагают сведения об уже свершившихся событиях. А сколько важнейших вещей, по мнению газетных писак, вообще не стоят внимания! Сам видишь, насколько надёжнее и достовернее мой Автоматический Летописец. Уж он-то ничего не подделывает и не замалчивает. Вибрирующие токи

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

повествуют зрителю о самых что ни на есть доподлинных делах и происшествиях, за коими ты следишь в те самые мгновения, когда они свершаются.

— Но допустим, — возразил Роб, — что творится нечто важное, а я в это время сплю! Или просто не открываю Летописца...

— Лето-писец! — с расстановкой произнёс Джинн. — То есть писец, ведущий летопись, человек — а в нашем случае прибор, — записывающий события! Пока что, мой милый, ты следил за событиями, происходящими в данную, текущую минуту. А нажав эту вот пружинку, откинешь противоположную крышку и увидишь любые важные происшествия, приключившиеся в мире за истекшие двадцать четыре часа. Увидишь в той же последовательности, в которой они приключались... Можно также вызывать летопись всемирной истории — столько, сколько пожелаешь. Поупражняйся-ка на досуге. Заодно и знаний прибавится.

— Это же... это же всезнайкой стать! — выпалил Роб, потрясённый более, чем когда-либо прежде.

— Совершенно верно, — ответил Джинн. — *Всезнайкой*. И заметь: сей могущественный дар я вручаю тебе, а не кому-нибудь иному. Будь

осторожен, и с большим разбором позволяя окружающим наблюдать за текущими событиями: зачастую знание приносит человечеству немалые беды.

— Буду осторожен! — заверил Роб и с трепетом взял у Джинна волшебную коробку.

— Третий, и последний на сегодня дар, — объявил Джинн, — отнюдь не менее интересен, чем Летописец, хотя его назначение совсем иное. Это Определитель Характера.

— Что-что? — не понял Роб.

— Поясняю. Ты, наверное, знаешь: люди — существа довольно-таки лицемерные. Стараются казаться лучше, чем они есть, выглядеть умнее, чем на деле. Те, кто ненавидит тебя, клянутся в дружбе, а злодеи притворяются добряками. Это лицемерие — всеобщее человеческое свойство. Один из ваших писателей сказал: меж цивилизованных людей не верь глазам своим. Точно подмечено.

— Помню, — отозвался Роб.

— И напротив, — продолжил Джинн, — есть люди с очень суровыми лицами, однако добрые по природе. Они кажутся злыми, а в действительности честны и достойны всяческого доверия. Посему, дабы судить о ближних верно и знать, на кого полагаться, а на кого — нет, я вручаю тебе Определитель Характера. Это всего лишь очки.

Покуда ты их носишь, у каждого встречного будет видна посередине лба крупная буква, своеобразное клеймо, сообщающее, какой у этого человека нрав. У великодушных возникнет большое «В», а у злых, понятно, «З». Умных отметит буква «У», дураков — «Д». Хороших обозначит буква «Х», плохих — «П». И с первого взгляда станет ясно, с кем ты столкнулся. Ошибок не случается.

— И Определитель тоже электрический? — спросил мальчик, примеряя очки.

— Безусловно. Доброта и мудрость — природные силы, созидающие людской характер. Не стоит бранить людей за скверный нрав — они приобретают его бессознательно. Каждый характер испускает электрические вибрации, а очки улавливают их и определяют частоту. Обладателю же очков становится видно условное обозначение, присвоенное тем или иным электрическим частотам. Очень просто.

— Замечательно, — сказал Роб. — А кто это придумал?

— Никто. Частоты существуют в природе изначально. Я только использую их впервые в истории.

— Ого! — сказал Роб.

— С этими дарами, а также с подарками, полученными на минувшей неделе, ты готов к тому,

чтобы изумить мир и заставить человечество задуматься над чудесами, таящимися в природных силах. Смотри же, используй эти приборы мудро, в интересах науки. Не позабудь своего обещания: показывай работу моих изобретений лишь людям, способным по-настоящему их оценить.

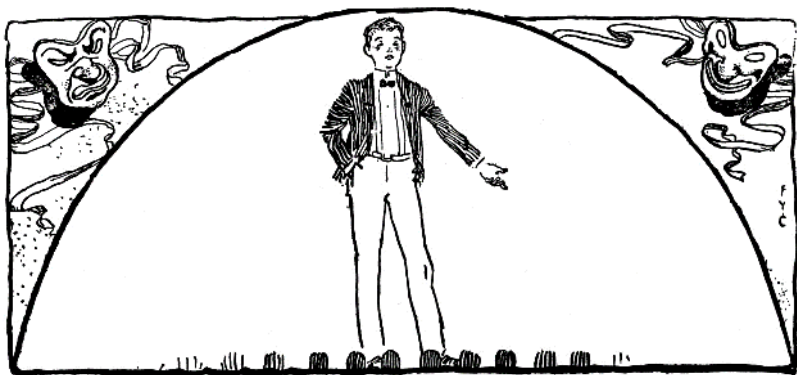
— Не позабуду! — воскликнул мальчик.

— Стало быть, до встречи ровно через неделю. В этой же мастерской, в это же время суток я вручу тебе последние три дара, на которые ты приобрёл право. Будь здоров!

— А я не чихал! — непроизвольно ответил Роб и, спохватившись, крикнул: — До свидания!

Джинн исчез, произведя новую ослепительную вспышку и оставив мальчика любоваться своими новоприобретёнными сокровищами наедине.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ВЫ, пожалуй, уже составили себе представление о характере самого Роба. Он, в сущности, был обыкновенным американским сорванцом, обладавшим заурядными умственными способностями — а опыта, которым хоть отчасти восполняется недостаток ума, приобрести ещё не успел.

Тайны и чудеса электричества так пленили жадного до новизны Роба, что он даже истратил немало времени, постигая азы учёной премудрости. Но мальчишеские эксперименты оказались игрушечными, поверхностными. Иначе и быть не могло: экспериментатор учился по знаменитому способу «тяп-ляп», интересуясь лишь теми крохами знаний, которые требовались ему сиюминутно.

Мало того: по природе Роб отличался исключительным легкомыслием. Ни малейшего чувства ответственности за что бы то ни было мальчик не испытывал. Доказать Робу, что людское существование — серьёзная вещь, а науки достойны всяческого уважения, возможным не представлялось. Роб смотрел на жизнь как на театральную пьесу, где сам он исполнял ведущую роль — ну, пускай не ведущую, зато самую интересную! — и, соответственно, прыгал по сцене весёлым козликом.

До памятного случая, завершившегося вторжением Электрического Джинна в мастерскую, Робба можно было числить одним из непримечательных малышей, из которых в зрелости либо выйдет немалый толк, либо вообще ничего не получится. Это уж как природа распорядится. Из такого, как наш юный знакомец, мог бы вырасти самый что ни на есть рядовой обыватель, не любопытный ни к чему, кроме тусклого ежедневного прозябания с никчёмными его радостями и огорчениями.

Роб жил текущей минутой, вдаль не заглядывал и никаких расчётов на будущее не строил. Но волшебные электрические дары, вручённые Джинном со столь строгими приказами касательно

разумного их использования, даже этого юного американца заставили призадуматься впервые в жизни.

За обеденным столом Роб восседал со столь отсутствующим видом, что и мать, и отец принялись обмениваться тревожными взглядами.

Конечно же, Робу не терпелось испытать свои новые возможности, и мальчик решил не тратить времени попусту. Пора было отправляться во второе странствие. Но семье он об этом ни словечка не сказал, опасаясь — и не без причины опасаясь — услышать шумные и дружные возражения.

Коротая вечер в гостиной, рядом с матерью, отцом и сёстрами, Роб умерил своё нетерпение до того, что даже согласился сыграть с Нелли в триктрак. Однако сдержанности хватило ненадолго. Роб начал раздражаться. Сестра лишь фыркнула, с негодованием оставила игру и выскочила из комнаты.

Роб начал подумывать: а не стоит ли надеть очки прямо здесь и сейчас? Проверить, что за нрав у каждого из членов семьи? Но тут мальчик испугался неожиданно для себя самого.

Родные были его лучшими, дражайшими друзьями на земле. Роб любил их всем мальчишеским сердцем и не сомневался в их искренности и дружелюбии. При одной мысли о

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

возможности обнаружить на лбу матери, отца или сестры нехорошую отметку Роб содрогнулся.

И раз и навсегда решил: никаких проверок в собственном доме!

Уверен: если бы мы с вами глядели в этот миг на Роба сквозь волшебные очки, то увидели бы на его собственном челе огромное блистательное «У», что значит «умён».

Когда же домочадцы, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по своим комнатам, Роб замкнулся в спальне и быстро облачился в Защитное Одеяние. Поверх серебристой электрической брони мальчик надел свой лучший летний костюм и убедился: Одеяние полностью скрыто от посторонних взоров.

Оставалось решить, что же взять с собою в странствие. Сперва Роб намеревался прихватить зонтик, плащ и книжку-другую — почитать во время полёта. И ещё две-три полезных вещицы...

Но, хорошенько подумав, Роб не взял ничего лишнего.

«Негоже обременять себя громоздким багажом! — решил мальчик. — Да и направляюсь я в цивилизованные края — уж там-то найдётся всё!»

Тем не менее, дабы предотвратить повторение прошлых ошибок, он вырвал из учебника географии две карты, мира и Европы, сложил их вчетверо и

засунул поглубже в карман. Прихватил он и крохотный компас-брелок. Не забыл и опустошить большую копилку, запиравшуюся на цифровой замок и содержавшую все Робовы сбережения, которые равнялись двум долларам семнадцати центам.

«Не ахти какое богатство, конечно, — думал Роб, рассматривая пригоршню медной и серебряной мелочи, — но в прошлом путешествии денег вообще не понадобилось, так что не беда. У папы-то не попросишь: примется расспрашивать — зачем да для чего... А там, глядишь, и улететь не разрешит».

Приближалась полночь.

Роб окончил наконец свои приготовления и надёжно упрятал все электрические приборы по разным карманам. Все в доме спали богатырским сном. Сняв башмаки, Роб неслышно прокрался по лестнице и бесшумно распахнул двери чёрного хода.

Стояла восхитительная июльская ночь, светила полная луна, а луне помогали светить мириады ярких звёзд, рассыпанных по небосводу.

Мальчик обулся, развернул карту, ясно видимую в лунном и звёздном свете, и определил курс, которым надлежало следовать через Атлантику в Лондон, где Роб намеревался совершить промежуточное приземление. Затем Роб справился с маленьким компасом, перевёл указатель

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

летательной машинки в положение «подъём» и взвился.

Достигнув достаточной высоты, он перевёл указатель на восток-северо-восток и отправился в путь, беззвучно и быстро скользя над уснувшей землёй.

«Ура! — ликовал он мысленно. — Ещё неделя замечательных приключений! Любопытно, что успеет случиться до следующей субботы?»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

КАК РОБ УСЛУЖИЛ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ

НОВАЯ летательная машинка выгодно отличалась от прежней: скорость, с которой мальчик пересёк широкий Атлантический океан, была почти невысказанной.

Вскоре после вылета Роб задремал и пробудился лишь когда солнце уже поднялось. Внизу расстилался спокойный, сверкавший зелёными отблесками водный простор. Конца и краю океану не виделось — по крайней мере, с той высоты, с которой смотрел на него летающий мальчик.

Роб странствовал вдоль оживлённых торговых путей, и вскоре обогнал роскошный пароход, чьи

палубы кишели пассажирами. Немного снизившись, Роб рассмотрел их получше. Паря над кораблём, он слышал взволнованные возгласы пассажиров и морщился, ибо от десятков направленных на невиданного летуна биноклей Робу в лицо прыгали яркие солнечные зайчики.

Такое бесцеремонное любопытство смутило Роба. Он прибавил скорости, набрал высоты и быстро отдалился от парохода.

Около полудня небесный свод затянулся тучами. Это Робу не понравилось: ливень был ему вовсе ни к чему. Пришлось подняться гораздо выше облаков, где воздух оказался хоть и разрежённым, но для дыхания приятным, а солнце раздражало куда меньше, чем в виду водной поверхности, от которой лучи отражаются нещадно.

Роб видел под собою тяжёлые тёмные тучи, похожие на густой дым, клубящийся из заводских труб, и понимал: на землю падает сейчас проливной дождь, и поздравлял себя: весьма разумно было оставить и плащ, и зонтик дома. Незачем обременяться поклажей, коль скоро можно просто-напросто взлететь над грозowymi облаками!

Но лететь на такой высоте оказалось довольно скучно. Смотреть было не на что: лишь ясное небо над головой да клубящиеся облака под ногами.

Роб затосковал, вынул из кармана Автоматический Летописец и принялся знакомиться с событиями, происходившими в разных частях земного шара. На Филиппинах по-прежнему продолжались ожесточённые бои — столь ожесточённые, что Роб, затаив дыхание, наблюдал их несколько часов кряду. Наконец геройские американцы загнали неприятеля в непроходимые леса, где филиппинцы и рассеялись, чтобы сызнова сосредоточиться на дне глубокой долины, окаймлённой зелёными холмами.

«Если бы я был там, — подумалось Робу, — то показал бы нашему командиру, где отыскать и захватить мятежников! Но до Филиппин, увы, неблизко, и американские солдаты не узнают, как мало им остаётся до полной и славной победы!»

Мальчик со смехом следил за ходом восстания в Венесуэле, где отлично вооружённые неприятельские армии предпочитали пыжиться и грозить супостату, а стрелять и сходиться в рукопашную не шибко-то спешили.

Вечером он узнал, что главным событием театральной жизни была новейшая пьеса, блистательно поставленная г-жой Бернгардт, и посмотрел представление от начала до конца, но чувствовал себя виноватым, ибо, разумеется, билета не купил.

«Но я же ничьего кресла не занял, — решил Роб, успокаивая себя. — И в театре был аншлаг, яблоку упасть негде — значит, и денежного ущерба никто не понёс. Чем же я провинился? Одна беда: если такие Летописцы сделаются доступны каждому, как желает Джинн, то все зрители засядут по домам, в театры ходить прекратят, и бедолаги актёры помрут с голоду!»

От этой мысли делалось неуютно, и Роб впервые усомнился в мудрости Электрического Джинна, стремившегося навязать человечеству эдакие штуковины.

Облака понемногу развеялись, возшла полная луна, и пенистые гребни волн стали отливать жемчугами.

Роб захлопнул крышку замечательного Летописца и вскоре погрузился в глубокий сон, походивший на обморок и длившийся много часов.

Пробудясь, мальчик вскрикнул от неожиданности: внизу тянулась суша. Сколь давно Роб пересёк береговую черту, можно было только догадываться, но первым делом мальчик перевёл указатель машинки в положение «нуль» и повис неподвижно, пытаясь определить, в какую же страну попал.

Это оказалось нелёгкой задачей. Роб видел зелёные поля, рощи, озёра, деревни — однако это же

самое он мог увидеть в любой стране. Мальчик постепенно снижался, пока не очутился футах в двадцати от земной поверхности, а затем остановил полёт и повис над околицей небольшой деревни.

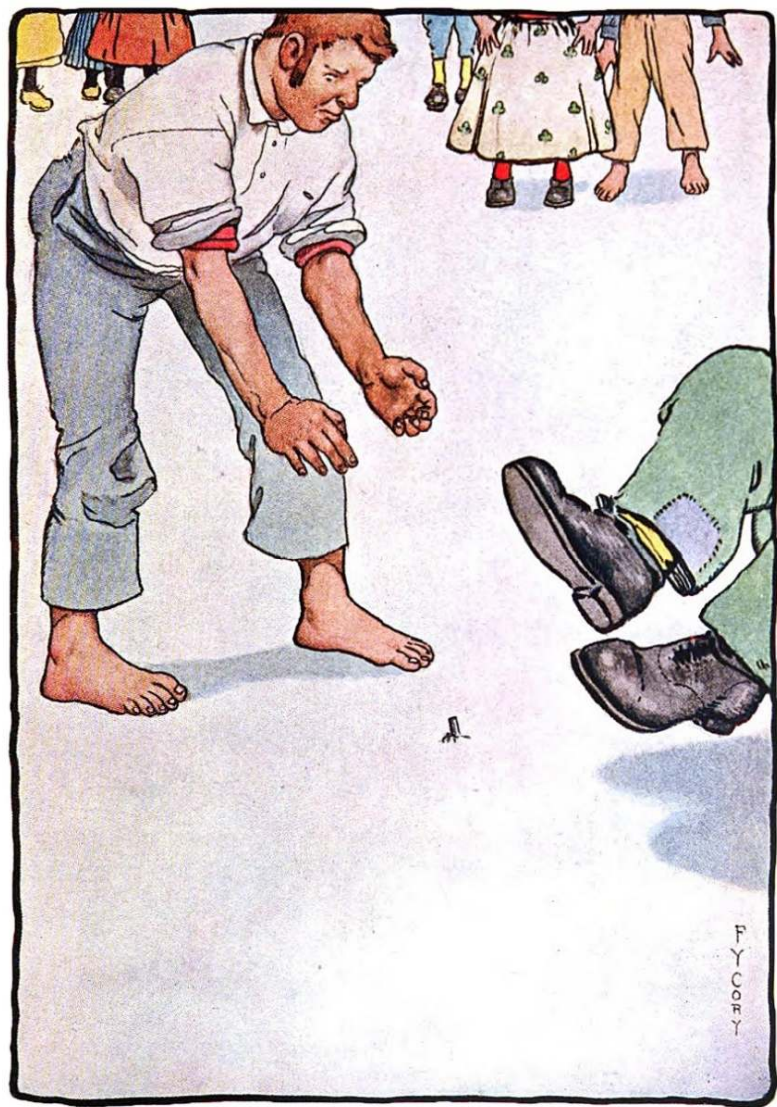
Во мгновение ока сбегалась толпа взволнованных крестьян, горланивших и тыкавших пальцами вверх. На всякий непредвиденный случай Роб достал из кармана электрическую трубку-выручалочку. Но увы! Покуда Роб с любопытством разглядывал одежду и лица собравшихся, трубка внезапно выскользнула у него из руки, упала и наискось вонзилась в мягкую почву.

Один из крестьян ринулся к трубке, но тотчас вскинул руки и рухнул навзничь. Другие, метнувшиеся на подмогу приятелю, разделили ту же участь.

Близ трубки возникла груда бесчувственных тел.

Роб сообразил: рукоять ушла в землю, боевая кнопка оказалась нажатой и прибор непрерывно испускал оглушающие разряды во всякого, кто приближался. Не желая попусту пугать сельчан, мальчик приземлился, высвободил завязшее оружие, и кнопка приняла обычное положение.

Но сельчане уже сочли мальчика своим врагом, и едва Роб коснулся земли, как на него градом посыпались камни и палки.

Один из крестьян ринулся к трубке, но тотчас вскинул руки и рухнул навзничь.

Впрочем, Защитное Одеяние, подаренное Джинном, работало на славу, останавливало все нехитрые снаряды и отбрасывало их вспять по точно той же траектории — так что и камни, и палки попадали в самих метателей.

«Почти как настоящие бумеранги!» — подумал Роб.

Простодушным крестьянам показалось настолько неестественным получать синяки и шишки от собственных снарядов, что они решили, будто с неба спустился волшебник. С воплями страха и боли сельчане разбежались кто куда.

«Здесь не задержишься, — с сожалением решил Роб. — Не пришёлся я им по вкусу, всё испортил, выронив трубочку! Судя по внешности и речи, эти люди — ирландцы. Получается, что я попал на Изумрудный Остров!»

Справившись со своей картой, Роб определил примерное направление дальнейшего полёта и взмыл в воздух. Спустя немного времени мальчик опять понёсся над морем, устремляясь к английским берегам.

Либо карта была неточной, либо компас привирал, а ещё вернее, сам Роб изрядно просчитался — но день уже клонился к закату, когда, переменяв курс не менее семи раз, мальчик достиг великого города Лондона. Робу немедленно стало

ясно: снижаться над запруженными народом улицами — неразумно. Привлечёшь всеобщее внимание, рассудил юный путешественник — иди знай, что потом стрясётся...

Мальчик завертел головой, ища укромное местечко, пригодное для приземления.

Неподалёку высился огромный собор, колокольня которого, чудилось, достигала облаков. Юный путешественник принялся витать вокруг шпиля и вдруг увидел в нём небольшую дверцу. За дверцей обнаружилась каморка звонаря. Протиснувшись в отверстие, Роб отыскал уводившую вниз приставную лесенку и начал спускаться.

Приставных лесенок на самом деле оказалось три, а за ними пришлось шагать по скрипучей винтовой лестнице, и лишь после этого Роб очутился внизу.

Боковая дверь, открывавшаяся на улицу, была заперта, как и главный вход, но Роб направил на замок трубку-выручалочку и одним нажатием кнопки вышиб его. И, как ни в чём не бывало, двинулся по лондонским улицам, точно прожил в столице Британского Королевства всю свою мальчишескую жизнь.

Будьте покойны: в Лондоне есть на что полюбоваться!

Роб слонялся по городу и вертел шеей до тех пор, покуда из сил не выбился. Мальчику захотелось передохнуть, и он облюбовал себе скамейку в прекрасном обширном парке. Здесь, полускрытый зеленью и ветвями, он решил развлечься ещё чуток и вынул из кармана Автоматический Летописец.

«Ничего не скажу, великий город! — подумал юный странник. — Но поглядим-ка, чем британцы нынче в Южной Африке промышляют!»

Роб завертел колёсиком, в окошке Летописца возникла надпись «Южная Африка», и, откинув крышку, мальчик широко распахнул глаза.

Колонна английской пехоты, ведомая столь же отважным, сколь и упрямым офицером, отбивалась от окруживших её превосходящих сил противника. Буры — так зовутся бледнолицые южноафриканские жители, давным-давно приплывшие в Африку из Голландии, высадившиеся на южной оконечности континента и оставшиеся, к великому огорчению тамошних чернокожих племён, жить неподалёку от Мыса Доброй Надежды, — эти самые буры наседали на британцев отовсюду.

Англичане стояли насмерть, но плен или погибель уже грозили им нешуточно.

«Вот на что было бы нужно посмотреть королю Эдуарду! — подумал Роб. — Надо выследить

короля и доложить ему о битве».

Неподалёку стоял полицейский. Приблизившись к стражу лондонского порядка, Роб осведомился:

— А где нынче короля отыскать можно?

Полицейский уставился на незнакомого и небывало нахального сорванца с нескрываемым раздражением.

— Нынче, — заметил он с расстановкой, — Его Королевское Величество изволят пребывать во Дворце Мальборо. А Ваша честь, — с высокомерной насмешкой добавил «фараон», — решили провести государя?

— Вот именно! — подтвердил мальчик. — Я, видите ли, американец, и решил: дай-ка, покуда в Лондоне ошиваюсь, заскочу к Его Величеству и поболтаю с королём чуток!

Полицейский усмехнулся, но тут же посерьёзnel опять:

— Американцы сплошь и рядом — невоспитанные невежи, шуты балаганные, а потому охотно верю: ты стопроцентный американец. Вон там стоит знаменитый Дворец Мальборо, а у Его Величества, кажется, намечен торжественный приём.

— Спасибо! Загляну к Эдуарду! — крикнул мальчик и помчался прочь.

Полицейский остался стоять, хохоча во всё горло.

И Роб очень быстро понял, *что* насмешило англичанина. Дворец окружали королевские телохранители, не пропускавшие никого, кроме посетителей, имевших надежнейшие документы.

«Остаётся только идти напролом, — решил Роб, поскольку друзей, способных за меня похлопотать, в Англии не сыщется».

Мальчик дерзко приблизился к воротам, и его немедленно остановили два скрещённых перед носом ружейных дула.

— Стой! — крикнули часовые.

— Простите, — сказал Роб, — но я ужасно тороплюсь.

Он оттолкнул ружейные дула и прошествовал в ворота. Солдаты пытались заколоть Роба штыками, офицер выхватил длиннейшую шпагу и сделал выпад, но Защитное Одеяние уберегло мальчика и от клинков, и от града посыпавшихся пуль.

Роб достиг парадного входа во дворец и наткнулся на свежий отряд телохранителей. Раздалось новое громогласное «стой», и, поскольку все новые солдаты были молодцы как на подбор, мальчик понял: без трубки-выручалочки тут не обойтись. Англичане выстроились плечом к плечу и пропускать наглого сорванца отнюдь не собирались.

Роб достиг парадного входа во дворец и наткнулся на свежий отряд телохранителей.

— Отступите-ка, парни! — распорядился Роб.

Ответа не было. Мальчик поднял трубку и, нажимая на кнопку, повёл вырубалочкой слева направо. Тот же час огромные королевские стражи попадали, словно кегли, а Роб отважно переступил через поверженных и проследовал в роскошный зал, где дожидались государя воспитанные и вежливые герцоги, графы, бароны, виконты и тому подобные родовитые посетители.

— Надеюсь, Его Величество не очень занят? — осведомился Роб у гофмейстера, приблизившегося к мальчику с торжественным выражением на лице. — Мне бы с ним потолковать немножко...

— П... п... простите? — выдавил потрясённый гофмейстер. — К... к... как Ваше имя?

— А, неважно!

Роб махнул рукой, оттолкнул седовласого джентльмена в сторону и вступил в приёмные покои великого британского короля.

Его Величество король Эдуард был занят весьма серьёзным разговором с одним из своих министров. Король недоумённо поднял голову и устремил взор на незваного гостя. Потом холодно поклонился Робу и возобновил беседу как ни в чём не бывало.

Но смутить Робу удавалось редко.

— Ваше Величество! — крикнул мальчик. — У

меня важнейшие новости! В Южной Африке идёт ужаснейшая битва. Из ваших солдат вот-вот рубленых котлет наделают!

Разгневанный министр поднялся с кресла и приблизился к Робу.

— Соболаговолите объяснить своё неслыханное вторжение! — потребовал он.

— Уже объяснил. Буры собираются искрошить ваших солдат. Вот, поглядите сами.

Роб извлёк из кармана Летописец, а министр шарахнулся в сторону, решив, будто незваный гость ухитрился протащить в королевский дворец адскую машину и готовится взорвать венценосца вместе с особами, приближёнными к престолу.

Король, напротив, не обнаружил ни малейшего страха, спокойно подошёл к мальчику и глянул в открывшееся окошко прибора.

Сообразив, какому чуду становится свидетелем, Эдуард негромко вскрикнул, но тут же умолк и долгим взглядом уставился на побоище, бушевавшее среди южноафриканских равнин — вельдов, или вельдтов. Будучи зорким человеком, король сразу же распознал полковые мундиры солдат и понял, в какой опасности очутились британские войска.

— Да их же в порошок сотрут! — выдохнул король. — Что предпримем?

— Сию минуту мы ничего предпринять не в силах, — ответил Роб. — Но до чего интересно смотреть, как отважные ребята втридорога продают свои шкуры! Правда?

Министр, отважившийся наконец поглядеть в Летописец, громко застонал. Все трое — министр, государь и Роб — умолкли, созерцая разворачивавшуюся перед ними трагедию.

Окружённые намного превосходящими неприятельскими силами, англичане спокойно и упорно отражали нападение за нападением, продавая свои жизни, как выразился Роб, втридорога. Офицер уже свалился, изрешечённый пулями, и король, знавший этого достойного командира ещё ребёнком, провёл по глазам тыльной стороной ладони, словно стараясь укрыться от ужасного зрелища. Потом, словно зачарованный, Эдуард опять склонился над окошком Летописца и вскричал:

— Смотрите! Смотрите!

Над гребнем ближайшего холма возникли шлемы английских пехотинцев, наступавших цепью!

Шеренга за шеренгой пехота переваливала через гребень, покуда не покрыла ближайший склон до самой подошвы. А затем со звонким кличем, прозвучавшим для трёх далёких наблюдателей

словно слабое эхо, англичане бросились на выручку погибавшим товарищам.

Буры смешались, подались назад и минуту спустя уже бежали во все лопатки. Обессиленные бойцы — все, кто уцелел в ужасной схватке, — упали в объятия своих спасителей.

Роб захлопнул крышку Летописца со стуком, выдавшим его переживания. Король сделал вид, будто закашлялся, вынул носовой платок и потихоньку смахнул слёзы.

— А славно всыпали этим олухам! — заметил быстро воспрянувший Роб. — Правда, и вашим досталось на орехи.

Эдуард Английский лукаво посмотрел на мальчика, но тут же посерьёзнел и вспомнил о Летописце:

— Как зовётся это устройство? — спросил король, указывая на прибор пальцем, слегка дрожавшим от пережитого волнения.

— Это новейшее электрическое изобретение, — ответил Роб, осторожно возвращая Летописец в карман. — Сконструировано так, что показывает происходящие события в тот же миг.

— Можно ли приобрести подобное, и где, если не секрет? — любопытствовал король. — Полезнейший прибор!

— Не продаётся, — отрезал Роб. — Это мой

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

собственный, первый и пока единственный на всей земле.

— Ого!

— Думается, — наставительным тоном промолвил мальчик, — что негоже раздавать приборы такого рода направо и налево. Их применение даст одним людям огромное преимущество перед другими.

— Безусловно.

— Я показал Вам эту битву лишь потому, что мне случилось оказаться в Лондоне проездом. Вот я и подумал: королю будет интересно.

— Благодарю, Вы чрезмерно любезны ко мне... Минутку, — спохватился Эдуард, — а как Вам, собственно, удалось во дворец проникнуть?

— Н-ну... Правду сказать, пришлось опрокинуть несколько верзил-телохранителей. Они Вас, кажется, весьма ценят, а потому и заботливо берегут. Как моя мама бережёт варенье в буфете.

Король улыбнулся.

— Надеюсь, Вы не убили моих доблестных солдат?

— Нет, они очнутся здоровее здоровых.

— Простите, — задумчиво произнёс король, — но государственных деятелей, и монархов, и демократов, необходимо беречь от непрощенных гостей. К Президенту Соединённых Штатов,

наверное, столь же трудно приблизиться, сколь и к британскому королю?

— Понятия не имею, — ответил Роб. — Не пробовал. А к Вам проникнуть оказалось проще простого.

— Но Вы так молоды, — сказал король, — и овладели такими секретами природы! Поразительно!

— Молодость — не помеха, — скромно ответил Роб. — А секреты природы, её силы, существуют от сотворения мира. Надо же было хоть кому-то их разгадать и приручить! Это было неизбежно!

Сам того не сознавая, Роб говорил веско и назидательно: подражал Джинну.

— Надо полагать, — вмешался министр, — Вы американец родом.

Он сделал шаг вперёд и уставился на мальчика в упор.

— Угадали с первого раза! — ухмыльнулся юный путешественник, вынул Определитель Характера, водрузил чудесные очки себе на нос и уставился на министра столь же пристально.

На министерском лбу возникла огромная буква «З».

— Ваше Величество! — сказал Роб. — У меня ещё одно изобретеньице имеется. Не соблаговолите ли на секунду-другую надеть вот эти очки?

Король кивнул и надел их без промедления.

— Называются Определителем Характера, — продолжил мальчик, — ибо линзы принимают и усиливают вибрации характерных токов, испускаемых любым человеческим существом, а на лбу этого существа появляется буква-отметка. Если возникнет буква «Х» — будьте уверены: перед Вами хороший человек. А возникнет буква «З» — берегитесь: перед вами человек недобрый, злой то есть, и нужно опасаться предательства.

На лбу своего любимого министра король явственно различил огромное «З». Но государь на то и был государем, чтобы произнести единственное слово «спасибо» и невозмутимо вернуть очки владельцу.

А вот министр, немедля заподозривший подвох, осерчал не на шутку.

— Не верьте ему, Ваше Величество! — крикнул он. — Это цирковой фокус, мальчишка дурачит Ваше Величество!

— Да Вас ведь никто ни в чём не винит! — сурово ответил король. И прибавил: — Оставьте нас наедине, сделайте милость.

Встревоженный министр покинул зал, повесив голову.

— А теперь, — предложил Роб, — изучим вчерашние записи и увидим, чем занимался этот Ваш придворный.

Он вызвал в окошке Летописца надпись «Англия» и медленно, одно за другим, воспроизвёл на зеркальной пластинке события истекших двадцати четырёх часов.

Мгновение спустя король охнул, ибо Летописец явил ему крохотную комнатку, где восседали трое джентльменов, увлечённых серьёзным разговором. Одним из троих был обвиняемый министр.

— Эти люди, — прошептал король, — мои заклятые враги! Теперь я удостоверился: Ваши чудесные очки, о юный друг, совершенно верно указали на истинный характер министра! Благодарю Вас. Отныне я стану стеречься, а до сих пор, увы, доверял этому лжецу всецело.

— Не стоит благодарности, — небрежно проронил Роб. — Рад был Вам услужить. Но пора и в путь отправляться.

— Надеюсь, мы встретимся ещё не раз, — молвил государь. — Уж очень Вы заинтересовали меня своими электрическими приборами. Страже будет велено впускать Вас в любое время суток безо всяких препятствий и препон. Чтобы, — прибавил король с улыбкой, — Вам не доводилось больше расчищать дорогу силой электричества.

— Ага, — ответил Роб. — А можно и не велеть ничего. У меня такая трубочка есть: бац! бац! И стража — брык! брык!

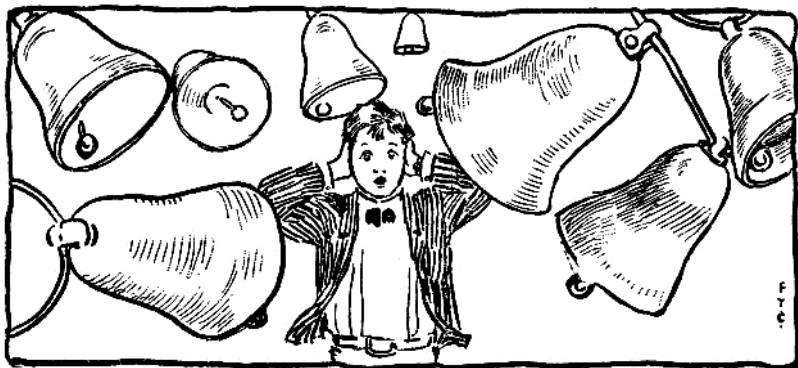
ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Но тут юный американец прикусил язык, припомнил простейшие законы вежливости, низко склонился перед государем, о котором впоследствии говорил: «хороший парень, и совсем не задаётся» — и вышел вон из приёмного покоя.

Герцоги, графы, бароны, виконты и тому подобные воспитанные люди посмотрели на Роба с немалым удивлением, а начальник королевского караула почтительно отсалютовал путешественнику шпагой. Роб лишь ухмыльнулся, поглубже затолкал руки в карманы и сбил соломенную шляпу на затылок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

УЧЁНЫЙ МУЖ

ОСТАТОК дня Роб слонялся по Лондону и диву давался, как странно живут англичане. А когда основательно смерклось и можно было уже не опасаться случайных наблюдателей, он взлетел к дверце в храмовом шпиле, забрался в каморку звонаря и улёгся на полу, под внушительными церковными колоколами, чтобы отдохнуть и выспаться.

Он едва успел задремать, как раздался оглушительный грохот и рёв, от которых колокольня задрожала до основания. Роб в испуге подскочил.

Но это просто звонили к полночной службе.

Роб зажал уши ладонями, а когда гулкие вибрации смолкли, спустился по приставной лесенке на следующий ярус. Но часом позже новый перезвон колоколов испугал его ничуть не меньше, ибо прозвучал отнюдь не тише. Роб перекочевал ярусом ниже, и так спускался с яруса на ярус, пока не провёл остаток бессонной ночи у самого основания колокольни.

При дневном свете Роб уселся, зевнул, протёр глаза и устало произнёс:

— Церкви — отличные строения, да вот гостиницы из них не очень-то удобные. Надо было к старине Эду во дворец на ночлег попроситься.

По лестницам и лесенкам Роб снова добрался до слухового окошка и выглянул наружу. Затем изучил карту Европы.

«Сдаётся мне, не грех бы и в Париж слетать! — подумал Роб. — Домой-то надобно поспеть к субботе, чтобы не разминуться с Джинном! Каждый день теперь на счету».

Не думая о завтраке, ибо предыдущим вечером он проглотил электрическую таблетку, Роб выбрался из окна и взмыл в свежий утренний воздух. Поднимался мальчик до тех пор, пока и огромный город, и протекавшая по нему великая река Темза не остались далеко внизу.

После этого Роб устремился на юго-восток, пересёк пролив Ла-Манш, пролетел между Амьеном и Руаном и достиг Парижа к десяти часам утра.

Витая над предместьями, Роб увидел высокую башенку, на чьей плоской крыше возился с телескопом какой-то человек. Увидав парящего над ним Роба — расстояние было совсем небольшим, — человек закричал:

— *Апроше! Вэнэ иси!*

Что по-английски значило: «Сюда! Летите ко мне!»

Человек отчаянно замахал руками, буквально приплясывая от нетерпения. Роб засмеялся и спустился на крышу, где хладнокровно спросил француза:

— Ну, и чего надобно?

Француз выпучил на пришельца глаза. Несколько мгновений царило безмолвие.

Хозяин башни оказался высоким тощим субъектом, лысым, но с густой серо-стальной бородой. Выпученные чёрные глаза сверкали за линзами очков в золотой оправе. Изучив мальчика хорошенько, незнакомец спросил на ломаном английском языке:

— Но, месье, как ви умеете летать без одна машина? Я сам извёл один эксперимент с один воздушный корабль, но ви... Как у вас получается летать без ничего?

Француз выпучил на пришельца глаза.

Роб рассудил, что настало самое время оказать Джинну услугу и растолковать назначение чудесных электрических приборов новому знакомому. Француз выглядел человеком учёным до мозга костей.

— Вот он, мой секрет, профессор, — объявил Роб и поднял руку, демонстрируя пристёгнутую к запястью летательную машинку. Потом постарался пояснить, какие электрические и гравитационные поля это устройство использует.

Легко понять, насколько изумился француз!

В доказательство своей правоты Роб повернул указатель, приподнялся в воздухе над башней, описал широкий круг и возвратился к замершему на плоской крыше профессору. Машина работала безукоризненно.

Затем Роб показал чудесные электрические таблетки, изложил принцип их действия, сказал, что в каждой содержится достаточно питательных сил, чтобы целые сутки не испытывать голода.

Учёный, чудилось Робу, вот-вот задохнётся от удивления. Впрочем, вообразите сами, как чувствует себя человек, столкнувшийся с подобными изобретениями не в фантастическом романе, а наяву, среди бела дня.

— Шудьесно! Великольепно! *Магнифи́к!* — восклицал француз.

— А у меня и кое-что любопытнее отыщется!
— продолжил Роб и вынул Автоматический Летописец. Он вручил прибор недоумевающему профессору и с гордостью показал ему важнейшие события, происходившие в разных уголках земли — особенно в цивилизованных странах.

Француза так и затрясло. Он просил, умолял и заклинал Робба сообщить: где и за какие деньги можно приобрести эдакие устройства.

— Сообщить не могу, — отрезал Роб, — но, коль скоро Вы познакомились с моими приборами, то и сами сможете сконструировать подобное. Видите? Они очень-очень полезны! А хорошему инженеру-электрику и намёка довольно, чтобы уяснить принципы и добраться до сути. За чем остановка? Думайте и создавайте.

Учёный сверкнул глазами, не в силах скрыть охватившего его разочарования. Роб спокойно продолжил:

— И это ещё не всё! У меня и получше отыщется! Вот, наверное, самый удивительный прибор из всех, какими я располагаю.

Мальчик достал из кармана Определитель Характера, надел очки и присвистнул. Потом поспешно отступил на шаг от нового знакомого. На лбу француза чётко обозначились буквы «З» и «П».

— Кажется, мне повстречался неправильный учёный! — пробормотал Роб, скрипя зубами от досады. И отвернулся. Это было явной ошибкой.

Новый приятель Роба мигом доказал, что Определитель Характера не лжёт. Он схватил увесистый железный прут, служивший рычагом в поворотном механизме телескопа, и треснул мальчика по спине с такой яростью, что если бы не Защитное Одеяние, Робу наверняка довелось бы погибнуть в парижском предместье бесславной погибелью. Но рычаг отскочил от электрической брони с такой силой, что французский негодяй отлетел и растянулся на крыше.

Роб оглянулся и захохотал.

— Бесполезно, профессор! — возвестил он. — От убийц я тоже застрахован. И, пожалуй, Вы полагали, будто, уничтожив меня, сумеете овладеть драгоценными секретами? Да они крошки пользы не принесут подлецу вроде Вас, уж поверьте на слово! Счастливо оставаться!

И прежде нежели потрясённый и озадаченный учёный муж сумел подыскать достойный ответ, мальчик воспарил над плоской крышей обсерватории, дабы приземлиться в более подходящем месте, а заодно и познакомиться с прославленными на весь белый свет достопримечательностями города Парижа.

Париж и впрямь оказался выше любых похвал и всяческих ожиданий.

Величественные и прекрасные дома высились вдоль бульваров, осенённых столетними деревьями. На улицах было столько народу, что приземляться Роб не рисковал: в одно мгновение вокруг мальчика собралась бы целая толпа зевак. Его и так уж заприметили с земли: несколько человек тыкали пальцами в воздух, а их соседи вертели задранными головами.

Наконец, Роб замедлил полёт и повис над внушительным зданием Английской Гостиницы. На одном из верхних этажей, за маленьким железным балконом, виднелось открытое окно.

«Прибалконившись», Роб спокойно, без колебаний проник в гостиничный номер, и тут же вздрогнул от неожиданности.

— *O wulér!* — грянул истошный вопль. — Держи вора!

Краем глаза Роб увидел очертания женской фигуры, поспешно метнувшейся в смежную комнату. Дверь с грохотом захлопнулась, заскрежетал поворачиваемый ключ.

— Вот бедняга! — вздохнул Роб. — Испугаешься тут...

Он улыбнулся при мысли о том, какую поднял панику.

— Она, должно быть, решила, что я взломщик и пробрался по водосточной трубе или громоотводу!

Вскороости Роб отыскал дверь, открывавшуюся в коридор, и прошагал несколько лестничных маршей, пока не достиг столика портье.

— Сколько стоит снять номер на один день? — спросил он у важного толстого господина, восседавшего за столиком.

Господин встрепнулся. Потом развёл руками, окликнул по-французски спешившего мимо официанта. Официант приблизился к Робу и отвесил почтительный поклон.

— Я говорилъ англэ ошень отлишно! — молвил он. — Што шелаль господинь?

— Сколько стоит снять номер на один день? — повторил Роб.

— Десятеро франкофф, месье.

— А сколько это в долларах?

— Долларах америкэн?

— Да. Соединённые Штаты.

— А! Уи! Да! Это есть двое доллар, месье.

— Хорошо, — сказал Роб. — Заказываю номер.

И мысленно прибавил:

«За один день уплачу. А потом, конечно, разорюсь в пух и прах».

— *Сертэнэмэн*, месье. Коньешно. У Вас... как это? Много поклажей?

— Нет. Но плачу за день вперёд, — отвечал Роб, принимаясь отсчитывать медяки. У официанта округлились глаза. Можно было подумать, этот человек увидел монеты впервые в жизни.

Официант отнёс полную пригоршню американской мелочи толстому портье, который пристально, с тем же изумлённым видом изучил монеты.

— Ви што, имьели стоять на... как это будьет? На папьерть? — спросил официант.

— Не ваше дело, — внушительно сказал Роб. — Или берите деньги, или верните.

Воспоследовал долгий тихий совет, после коего французы решили всё-таки принять задаток и дозволить странному американскому сорванцу остановиться в гостинице на один день. Гостиница почти пустовала, с деньгами у владельца было туго, и даже несчастная пригоршня заморских медяков немного пополняла совсем уж отощавшую кассу.

Роб заявил подозрительно глядевшим на него портье и официанту, что иных денег у него попросту нет. С тяжким вздохом портье пересыпал мелочь в большую жестяную банку, не потрудившись открыть денежный ящик.

Официант проводил мальчика до нужной двери.

Юному путешественнику досталась крошечная комнатка под самой крышей гостиницы.

Роб умылся, отчистил одежду от пыли, а потом уселся на край постели и начал развлекаться созерцанием последних событий, совершавшихся повсюду на земле и непрерывно отражавшихся блестящим зеркальцем Автоматического Летописца.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РОБ СПАСАЕТ ФРАНЦУЗСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

СЛЕДЯ за многоразличными происшествиями и делами, исправно отражавшимися Летописцем, Роб неожиданно присвистнул. И было от чего.

Несколько мгновений мальчик сидел не шевелясь, погружённый в глубокую задумчивость. Роба одолели весьма серьёзные мысли.

— Кажется, — промолвил Роб, захлопывая крышку Автоматического Летописца, — мне самое что ни на есть время вмешаться во внутреннюю политику Французской Республики.

Летописец возвратился в карман.

— Если не приложить руку, — рассудил Роб, — то вскорости Французская Республика снова станет французским Королевством, а я, как добрый американец, предпочитаю республику монархии.

Роб отправился на первый этаж и отыскал уже знакомого нам официанта, умевшего «очень отлично» изъясняться по-английски.

— Где сейчас президент Лубэ? — спросил Роб.

— Месье ле президан? На своём дворце, у своей резиданс, месье.

— А где же она, резиденция Лубэ?

Официант рассыпался в столь подробных пояснениях, что у Роба голова пошла кругом. Запутавшись окончательно, мальчик воскликнул:

— Да, да! Большое спасибо!

И кинулся наутёк.

Выскочив на улицу, юный американец направился напрямик к жандарму и повторил вопрос — но с тем же прискорбным результатом, что и в гостинице. Жандарм замахал руками, будто ветряная мельница крыльями, и оглушил Роба потоком непонятных для разумения французских фраз.

— Ежели опять отправлюсь по чужим странам шнырять, — пообещал себе Роб, — то сперва хоть чуток подучу тамошнюю тарабарщину. Отчего бы Джинну не изобрести машину, способную понимать любую речь и переводить её на человеческий, английский язык?

Однако же, после продолжительных разысканий, прошагав несколько миль в самых

разных направлениях, Роб исхитрился-таки отыскать резиденцию Лубэ. Там посетителю вежливо, но твёрдо сообщили: президент не покладая рук работает в саду и никого не принимает.

— Превосходно, — заявил Роб. — В саду его не придётся долго выслеживать.

И, к изумлению французских стражей, мальчик вознёсся в воздух футов на пятьдесят. С этой высоты Роб спокойно обозрел уютный сад, зеленеющий позади президентского дома. От обычных наземных вторжений усадьбу защищала высокая стена, однако противовоздушной защиты у президента Лубэ не было. Роб слетел на траву и направился напрямик к человеку, сидевшему за садовым столиком под сенью старого раскидистого дерева и спокойно что-то писавшему.

— Вы президент Лубэ? — осведомился Роб, не забыв поклониться.

Человек поднял голову.

— Прислуге было строго велено не впускать никого, — произнёс он на безукоризненном английском языке. — Видите ли, я очень занят.

— Прислуга не виновата, — сообщил Роб. — Я перелетел через Вашу стену.

Заметив, что президент сердито нахмурился, мальчик зачастил:

— Я хочу спасти французскую Республику! Это очень важно! У меня просто не было времени препираться со всякими лягушатниками!

Президент казался удивлённым.

— Ваше имя! — резко потребовал он.

— Роберт Биллингс Джослин, из Соединённых Штатов Америки!

— По какому делу Вы явились, господин Джослин?

Роб вынул из кармана Летописец и положил его на столик.

— Вот, сударь, — сказал мальчик. — Перед Вами электрический прибор, показывающий и записывающий все мало-мальски важные события и происшествия. Хотелось бы обратить Ваше внимание на одно событие, приключившееся в Париже прошлым вечером. Это событие вполне способно повлиять на будущую историю Вашей страны.

И Роб откинул крышку Летописца, расположил коробку так, чтобы президенту было удобно смотреть, и принялся наблюдать за сменой выражений на лице великого человека.

Сперва президент разглядывал зеркальную пластину равнодушно, потом с интересом, затем — с удивлением и смятением.

Роб принялся наблюдать за сменой выражений на лице
великого человека.

— *Мон Дьё!* — выдохнул он. — Роялисты! Приверженцы герцога Орлеанского, который хочет восстановить во Франции королевскую власть!

Роб кивнул:

— Да, и они состряпали совсем недурной заговор, не так ли?

Президент не откликнулся. Он то вглядывался в чудесный Летописец, то строчил на листке бумаги какие-то быстрые заметки. Лицо Лубэ побледнело, губы крепко сжались.

Наконец, президент откинулся на спинку стула и спросил:

— Можно ли воспроизвести эту сцену опять?

— Конечно, сударь, — отозвался мальчик. — Сколько угодно.

— Будьте любезны, останьтесь у меня в саду, пока я не вызову министра полиции. Он появится очень быстро.

— Вызывайте. Я, правду сказать, немного спешу, но коль скоро ввязался в такую затею, надо развязки дожидаться.

Президент потряс бронзовым колокольчиком и отдал распоряжения возникшему перед столиком слуге. Затем повернулся к Робу и удивлённо покачал головой:

— Вы совсем ещё ребёнок!

— Верно, господин президент, — ответил Роб, — но прошу не забывать: я — американский ребёнок. А это что-нибудь да значит, уверяю Вас.

Президент серьёзно поклонился.

— Изобрели сие устройство самостоятельно?

— Нет, — сознался Роб, — такое мне, увы, ещё не по зубам. Я получил Автоматический Летописец в подарок от изобретателя, и это единственный в мире экземпляр.

— Истинное чудо, — задумчиво заметил Президент. — Или нет: настоящее волшебство! Юный мой друг, мы живём в удивительный век!

— Мне ли этого не понимать! — ответил Роб. — Но скажите, пожалуйста: шефу полиции можно верить?

— Наверное, да, — медленно произнёс президент. — Но раз уж Ваш прибор убедительно продемонстрировал, что многие из тех, кому я доверял всецело, строили за моею спиной роялистские козни, затевали заговор, дабы восстановить во Франции монархию, не берусь судить, на кого можно полагаться, а на кого — нет.

— Тогда соблаговолите надеть вот эти очки и не снимать их во время беседы с министром полиции, — предложил мальчик. — И ни в коем случае не говорите вслух, что на лбу министра стали

заметны какие-то непонятные знаки. А потом, когда останемся наедине, я растолкую Вам их смысл.

Президент повиновался, и очки неожиданно пришлось ему впору.

— Ого! — воскликнул президент. — На Вашем челе ни с того ни с сего проступили буквы...

— Не надо, сударь, — перебил его смутившийся Роб. — Вовсе не интересно знать, какие! То есть, мне это вполне безразлично.

Президент не понимал ничего и уже раскрыл было рот, чтобы задать вопрос — но к счастью, по садовой тропинке проворно приблизился министр полиции. Под руководством Роба министр и президент воспроизвели запись того, как роялисты втихомолку строили свои козни. Министр полиции только хмыкал и губы сжимал.

— Теперь, — предложил Роб, — давайте поглядим, что поделывают наши голубчики в текущую минуту.

Мальчик перевернул Автоматический Летописец и дал президенту с министром понаблюдать за действиями заговорщиков, считавших себя в полнейшей безопасности.

Внезапно министр воскликнул «Ха!» и ткнул пальцем в изображение человека, спускавшегося по трапу английского парохода, который причалил во

французском порту Кале. Не в силах скрыть волнения, министр объявил:

— А это, Ваше Превосходительство, переодетый герцог Орлеанский! Придётся ненадолго Вас покинуть: надобно отдать моим молодцам необходимые распоряжения касаясь этого субъекта. Однако нынче же вечером попрошу принять меня: следует посоветоваться о том, как получше раздавить сей ужасный заговор!

Министр поспешно удалился, а президент снял очки и вернул их мальчику.

— Что же Вы заметили? — спросил Роб.

— Заметил буквы «Х» и «У».

— Значит, «хороший» и «умный». Можете верить этому человеку всецело, — заявил Роб и пояснил недоумевающему государственному деятелю, как устроен чудесный Определитель Характера.

— А теперь мне пора, — сказал Роб. — Я в Париже проездом, а посмотреть хочется на всё подряд.

Президент быстро набросал на листе бумаги несколько слов и подписался. После чего с поклоном вручил бумагу своему гостю.

— Этот пропуск откроет Вам доступ в любой уголок Парижа, — пояснил он. — Сожалею, что не могу вознаградить Вас более достойно, ибо Вы

оказали Франции великую услугу. Но примите глубочайшую благодарность и помните: Вы вправе располагать моим временем как и когда пожелаете.

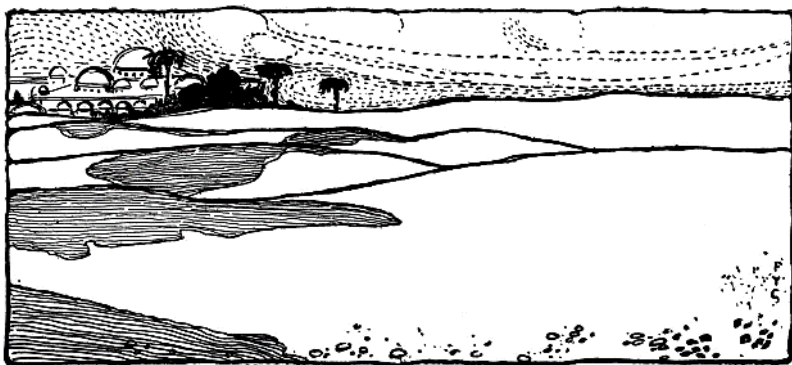
— Не стоит благодарности, — отозвался Роб. — Я почёл своим долгом предупредить Вас. Глядите в оба — и заговору каюк. А награды мне и не требуется. Всего хорошего, сударь.

Мальчик повернул указатель летательной машинки и тотчас воспарил в воздухе. Французский президент не сумел сдержать удивлённого возгласа.

Неторопливо полетав над городом, Роб отыскал глухой переулок и приземлился. Теперь он мог бродить по бульварам и площадям сколько угодно: прохожие смотрели на Роба как на обычного мальчишку.

Смешавшись с весёлой толпой, Роб ощутил немалое облегчение и глазел по сторонам сколько душе было угодно. Мальчику наконец удалось позабыть об огромной ответственности, возложенной Джинном на обладателя чудесных электрических приборов.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

РОБ ТЕРЯЕТ СВОИ СОКРОВИЩА

ЮНЬИЙ искатель приключений собирался переночевать в своём уютном гостиничном номере, но жара в Париже стояла невероятная, пот катился с людей градом, и Роб рассудил: гораздо лучше выпасться высоко над землёй, где воздух и чище, и неизмеримо прохладнее. Поэтому, едва часы пробили полночь, мальчик взвился в воздух и повернул указатель летательной машинки на восток.

Мальчик решил отправиться в австрийскую столицу Вену.

Он поднялся на значительную высоту, где воздух оказался изумительно свеж, и облегчение, испытанное Робом после прогулки по душным

парижским улицам, оказалось настолько велико, что мальчик быстро и крепко уснул.

Предыдущий день был чересчур утомителен: подобно всем своим сверстникам, Роб не рассчитывал усилий, гулял до упаду, перенапрягал каждую мышцу и вымотался донельзя.

Около трёх часов утра мальчику приснился тяжёлый сон. Роб непроизвольно дёрнулся, правая рука его задела указатель направления на пристёгнутой к левому запястью машинке и сместила его на два румба к юго-востоку.

Об этой лёгкой перемене курса юный странник, разумеется, и не подозревал. Однако перемещение указателя сыграло в ближайшем будущем серьёзную роль. Ибо утомление понудило мальчика проспать подольше обычного. И Роб не знал, что солнце уже давно взошло, что внизу проносятся и остаются позади цивилизованные европейские страны, а воздушный путь его теперь лежит на восток, в края беззаконные и весьма опасные.

Открыв, наконец, глаза, Роб недоумённо пытался определить: куда же его занесло? Внизу простиралась неоглядная песчаная равнина. Юный летун пересёк воздушное пространство над нею и увидел иной край, густо поросший пышной растительностью.

Центробежные силы, нёсшие мальчика, по-видимому, необъяснимо возросли: зелёные уголья проносились под ногами Роба с такой невероятной быстротой, что дух захватывало.

«Кажется, в темноте я проскочил мимо Вены! — подумал Роб. — От Парижа до неё было бы несколько часов полёта, не больше!»

Роб угадал. Вена лежала позади, на расстоянии полутора тысяч миль. Но география всегда была для Роба истинным камнем преткновения, и школьные учителя неустанно бранили мальчика за его неуспехи в этом важном предмете.

А скорость летательной машинки Роб оценивать по-настоящему так и не выучился. Потому и ломал себе голову: где же я нахожусь?

Немного погодя он увидел деревню со множеством странных шпилей и минаретов. Деревня промелькнула внизу во мгновение ока.

Роб забеспокоился не на шутку и решил замедлить полёт вблизи следующего поселения.

Решение-то было правильным, да на Робову беду Туркестан заселён весьма редко, и прежде, нежели мальчик успел увидеть какую-либо другую деревню, под ним со скоростью курьерского поезда промчались хребты и плоскогорья Тянь-Шаня.

«Так дело не пойдёт! — сказал себе Роб. — Летательная машинка то ли взбесилась, то ли

умничать вздумала. Столько замечательных видов открывается, а я ничегошеньки толком разглядеть не успеваю».

Повернув указатель в положение «нуль», Роб с облегчением убедился, что тот по-прежнему повинуется исправно. Мгновение спустя полёт замедлился, потом Роб недвижно повис над какой-то иной песчаной равниной, столь же пространной, сколь и прежняя.

С большой высоты поверхность равнины виднелась плохо, и Роб снизился на несколько сотен футов. Обнаружилось, что под ногами, насколько хватает взор, тянутся недвижные песчаные волны — так называемые барханы.

— Пустыня, чтоб ей! — недовольно сказал Роб. Небось, ещё и Сахара!

Он снова направил полёт к востоку и с несколько меньшей скоростью понёсся над морем песков.

Очень скоро впереди завиднелась чёрная точка, сначала превратившаяся в пятнышко, а потом принявшая вид большого отряда кочевников. Кочевники выглядели отпетыми головорезами, а ехали верхом на дромадерах — одnogорбых верблюдах — и маленьких выносливых лошадках. Вооружение отряда составляли длинноствольные ружья и кривые мечи — ятаганы.

— Эти ребята, похоже, ищут приключений!

«Эти ребята ищут приключений! — подумал Роб, проносясь над кочевниками. — Не хотелось бы мне зваться их врагом и очутиться на их пути! Не поздоровилось бы... Но вражды между нами нет, я лечу высоко, скорость немала, и бояться, выходит, нечего».

Едва грозный караван исчез из виду, как Робу открылся роскошный, поросший деревьями оазис, находившийся в самом сердце неприветливой пустыни. Оазисом этим был прекрасный, обнесённый высокими стенами город Яркенд. Правда, Роб о нём и слыхом не слыхивал, но чего же было с Робом спрашивать, ежели Яркенд посетило всего несколько европейцев и один-единственный американский исследователь!

Но судя по величине и пышности города, с ним стоило познакомиться. Мальчик решил приземлиться и поглядеть на восточную твердыню поближе.

Над высокими стенами выступало множество тонких белых минаретов, свидетельствовавших о том, что местные обитатели — то ли турки (повествуя о своих путешествиях, несведущий в географии Роб упорно звал жителей Средней Азии турками, поэтому и нам волей-неволей придётся временно использовать сие ошибочное название), то ли какая иная мусульманская народность.

Поразмыслив, Роб решил сперва оглядеться толком, а уж затем завязывать с туземцами знакомство.

Неподалёку от городских стен зеленела крохотная рощица, под прохладной сенью которой мальчик незаметно приземлился и прилёг спокойно отдохнуть.

Обитатели, чудилось, покинули город: за стенами не раздавалось ни голоса, ни шороха.

Вокруг расстилались необозримые песчаные барханы, добела раскалённые солнцем. Роб напрягал зрение, пытаясь разглядеть приближавшийся издали воинственный караван, однако верблюды шагают неспешно, и шествие пока что скрывалось пустынным горизонтом.

Рощица, в которой укрылся юный скиталец, была единственной во всей городской округе, хотя чахлых кустарников между нею и стенами доставало и там, и сям. Слева от Роба виднелись высокие сводчатые ворота, но створки их оставались наглухо замкнуты.

Отчаянная полдневная жара и неподвижность воздуха навяли Робу неудержимую дремоту. Он растянулся на земле под густой листвой самого высокого дерева и закрыл глаза, не в силах бороться с нахлынувшей усталостью.

«Полежу, пока воины пустыни доберутся до города, — решил Роб. — Либо эти парни здесь и

живут, либо намерены осаждать оазис! Нужно выждать, осмотреться как следует, а потом уже определим, под чью дудку плясать — и плясать ли вообще».

Мгновение спустя он уже крепко спал, уютно устроившись под сенью деревьев и видя безмятежные, красочные сны.

Роб лежал недвижно, а три человека спрыгнули один за другим с городской стены и, пригибаясь, прячась за колючей растительностью, перебежками двигаясь от одного куста к другому, постепенно приблизились к зелёной рощице.

Люди эти были турками — хотя, повторяю, по правилам следовало бы звать их тюрками, — посланными городским начальством на разведку. Им велели взобраться на высочайшее дерево и высмотреть приближающегося врага. Ибо Роб угадал верно, город Яркенд с немалой тревогой ожидал неприятельского нападения. Городу грозили его исконные враги, кочевые татары.

Выглядели трое лазутчиков ничуть не менее грозно и отталкивающе, чем ордынцы, замеченные Робом во время полёта над пустыней. Черты смуглых лиц были грубыми, кожа смуглой и обветренной, а взоры сверкали поистине разбойничьим огнём.

За кушаками у них были заткнуты кремнёвые пистолеты и обоюдоострые кинжалы, а одеяния турков, хотя и были когда-то пышными донельзя, истрепались дотла. Видимо, эта публика не шибко следила за собой.

С предосторожностями, достойными краснокожих индейцев, турки приблизились к дереву, под которым, к великому своему изумлению, обнаружили спящего мальчика.

Одежда и белизна кожи немедленно выдавали европейское происхождение Роба. То есть европейцем его сочли турки, понятия не имевшие о том, что по ту сторону огромного и безымянного для них океана лежит иной континент, населённый американцами.

Турки огляделись, ища одnogорбого дромадера, или двугорбого верблюда-бактриана, или, по крайней мере, лошадь. Ведь незнакомец должен был как-то добираться до Яркенда!

Однако, ни парно-, ни непарнокопытных средств передвижения поблизости не обнаружилось.

«Как же он сюда угодил?» — изумились турки.

Они сгрудились подле Роба и с любопытством принялись разглядывать незнакомца.

Солнечный луч отразился от полированного циферблата летательной машинки, пристёгнутой к левому Робову запястью. Серебристое сверкание

бросилось в глаза самому высокому турку. Тот склонился, неслышно расстегнул пряжку и снял чудесный прибор с руки мальчика, продолжавшего крепко спать.

Поспешно и озадаченно исследовав своё новое приобретение, турок засунул машинку поглубже в карман истрёпанного кафтана.

Роб легонько пошевелился во сне.

Тогда другой турок достал из-за пазухи тонкую, но крепкую верёвку, неслышным ловким движением охватил ею запястья путешественника и стянул их за спиной. Защитное Одевание не могло отбивать подобных тишайших нападений, однако Роб ощутил неладное, мигом пробудился, подскочил, сел и грозно уставился на пленивших его недругов.

— Что это значит? — грозно спросил Роб. — И кто вы, собственно, такие?

Турки засмеялись, тараторя на своём языке — английского эти трое не разумели.

— Пожалеете, — гневно продолжил Роб. — Вы не можете мне повредить, зато я могу повредить вам.

Турки не обратили на его угрозу ни малейшего внимания. Один из них запустил косматую лапу в карман воздушного скитальца и вытащил трубку-выручалочку. Турок нимало не разбирался в новейшей технике и даже не помыслил нажать на

кнопку и поглядеть, что из этого получится. Роб увидел, как дикарь заглядывает в боевую воронку выручалочки и пробормотал:

— Чтоб тебе дурацкую башку снесло долой!

Но турок счёл серебристый металл драгоценным, спрятал трубку в собственный карман, а вслед за этим обыскал Роба получше и завладел коробочкой с питательными электрическими таблетками.

Роб извивался и рычал от ярости, расставаясь со своим достоянием столь обидным образом, и пытался нащупать связанными за спиной руками указатель летательной машинки.

Обнаружилось, что машинка тоже исчезла. Гнев мальчика сменился страхом, ибо Роб осознал: положение безвыходное и, всего скорее, отчаянное.

Третий турок вытащил из внутреннего кармана Робовой курточки Автоматический Летописец. О пружинах, откидывавших крышки, турок не имел ни малейшего понятия, а потому, повертев Летописец в руках, затолкал его за кушак и продолжил обыск.

На свет появились чудесные очки, определявшие людской характер. Для турка это были просто-напросто очки, ничуть не нужные человеку, обладавшему, подобно турку, орлиным зрением. Негодуя, плюнув, турок запихал Определитель обратно в Робов карман. Двое других

грабителей весело заржали.

У Роба отняли ещё поломанный перочинный ножик, семнадцать центов медной монетой и дрянной свинцовый карандаш, возымевший в жадных турецких глазах огромную ценность.

Удостоверившись в том, что поживиться больше нечем, долговязый турок, державшийся точно предводитель, с размаху пнул своего пленника сапожищем в бок. И вот тут-то Защитное Одеяние поработало на славу!

Турок не упал только чудом. Его отшвырнуло, завертело, затрясло.

Чуток опомнившись, разъярённый головорез выхватил кривой нож и прыгнул на мальчика — чтобы снова отлететь ярда на три, теперь уже опрокинувшись навзничь. Нож вырвался у него из пальцев и, описав долгую пологую дугу, затерялся где-то в яркендских песках.

— Валяй, приятель! — с горечью выдавил Роб.
— Ежели нравится...

Воздвигнув оплошавшего и всё ещё полуоглушённого сородича на ноги, турки стали разглядывать Роба с нескрываемым изумлением и опаской. Турецкие мозги силились понять: что же это за былинный багатур — так у турков (сиречь у тюрков!) зовут богатырей, — способный столь замечательно защищаться, пребывая связанным.

Предводитель шепнул короткое распоряжение.

Щёлкнули три взведённых курка, три кремня воспламенили порох на трёх пистолетных полках и три длинных стальных ствола извергли дым, огонь и пули прямо в грудь мальчику.

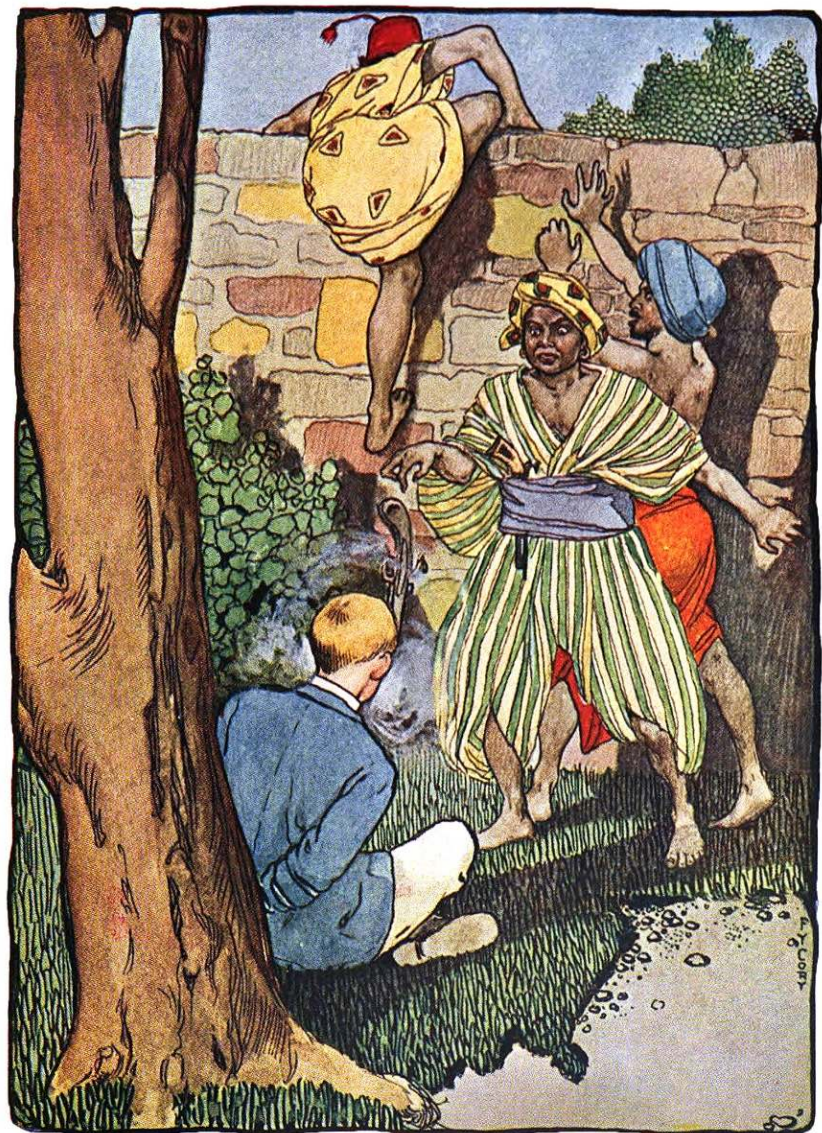
Эхо залпа отразилось от стен города Яркенда. Когда же густой пороховой дым рассеялся, у турков челюсти отвисли. Мальчишка, уже числившийся у них убитым наповал, смеялся во всё горло!

С воплями ужаса и отчаяния трое турков бросились наутёк. Ворота Яркенда с готовностью распахнулись, пропуская лазутчиков: заслышав пальбу, горожане решили, что неприятель и впрямь находится в непосредственной близости. А с ордынцами, как известно, шутки плохи.

Яркендцы не слишком ошибались в своих предположениях.

Понуро сидя на сухой песчаной почве, Роб возвёл глаза и вдалеке, над жёлтыми барханами, различил тёмную линию: татары перестроились конно-верблюжьей лавой и пошли в атаку!

Они всё близились и близились; а Роб следил за всадниками и оплакивал собственную глупость. Надо же было уснуть в незнакомой, недружелюбной стране, где каждый встречный-поперечный готов обчистить заблудшего странника до нитки!

С воплями ужаса и отчаяния трое турков бросились наутёк.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

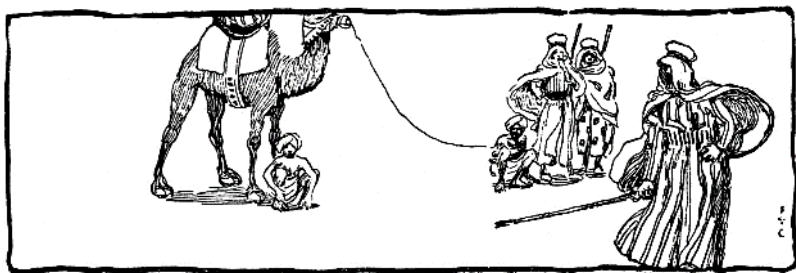

«Так и думал, — с грустью размышлял Роб, — что эти электрические штучки-дрючки до добра не доведут! Остался у чёрта на куличках — без пищи, без защиты, без летательной машинки... правда, убить меня эти мерзавцы не смогут — разве только догадаются о Защитном Одеянии, сорвут его долой, а меня потом пристрелят как собаку. А даже если не пристрелят — как домой-то добираться? На своих двоих пески пересечь — и надеяться нечего. Без электрических таблеток через неделю от голода сдохнешь... Виноват, через двое суток от жажды пропадёшь!

К великому счастью, Роб не поленился проглотить на сон грядущий очередную таблетку. В ближайшие двадцать четыре часа голод мальчику не грозил. Но Роб оставался сидеть в рощице, затерянной среди бескрайней пустыни, рядом с недружелюбным турецким городом, со связанными за спиной руками. Было от чего горевать!

Внезапный окрик заставил мальчика поднять голову.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ТАТАРЫ И ТУРКИ

ТАТАРЫ приблизились быстро и бесшумно: Роба окружила добрая дюжина узкоглазых всадников.

При виде беспомощного незнакомца татары явили некоторое любопытство. Они освободили Роба от пут, поставили на ноги, принялись расспрашивать — разумеется, по-татарски, так что мальчик не понял ни аза. В чём и убедил кочевников, помотав головой и разведя руками.

Тогда Роба проводили к татарскому главарю, огромному бородатому представителю каракитайского племени — грозных и неустрашимых Чёрных Татар, обитающих в Тибете. Огромную фигуру главаря окутывали жёлтые шелка, расшитые драгоценными камнями. Татарин восседал на горбатой спине чёрного, как смоль, верблюда.

При иных обстоятельствах суровые черты и сверкающие чёрные глаза этого свирепого всадника повергли бы мальчика в неопиcуемый ужас. Теперь же, изведав столько мытарств, юный американец обнаружил, что взирает на устрашающую рожу татарина с полнейшим равнодушием.

Татарин, по-видимому, не считал Роба врагом. Напротив, решил он: ежели турки обобрали мальчика и бросили связанным, то из этого парня получится недурной союзник.

Обнаружив, что объяснитьcя с предводителем кара-китаев невозможно, Роб решил прибегнуть к языку жестов. Он вывернул карманы наизнанку, поднял руки. Показывая красные полосы на запястьях, оставленные турецкой верёвкой, а затем потряс кулаками, глядя в сторону города.

Татарии кивнул в ответ и гаркнул что-то своим людям.

Кочевники уже разбивали шатры вокруг Яркенда и готовились вести правильную осаду.

В согласии с приказом вождя мальчику отвели место в одном из ближайших к стене шатров и вручили пару отделанных бронзой кремнёвых пистолетов. Кроме них Робу достался устрашающий нож, огромный, острый, точно бритва, с зигзагообразным лезвием — настоящий малайский крисс!

Если бьёшься против турков, рассудил Роб, любые ножи хороши.

Он окончательно воспрял духом, поняв, что очутился меж людей отменно диких, но обнаруживших отменное дружелюбие — хотя у некоторых из новых его товарищей были столь выразительные хари, что и Определителя Характера не требовалось: буква «З», означавшая «злой», угадывалась на них немедля и, как говорится, невооружённым глазом была видна.

«В моём положении друзей не выбирают! — разумно решил мальчик. — По крайности, эта орава не пыталась меня пристукнуть, как паршивые турки. Будем держаться этих кочующих образин — авось да удастся выпустить пулю по турецким ворюгам. Татары — моя последняя надежда».

В тот же вечер юному путешественнику выпала отличная возможность завоевать славу среди своих новых друзей.

Перед самым закатом городские ворота распахнулись, и турецкие всадники, восседавшие, как и татары, на верблюдах и быстроногих лошадях, сделали вылазку. Ничего подобного не ждавшие кочевники едва успели построиться для обороны, однако их быстро взяли в сабли.

Татары оказались вынуждены биться ради собственного спасения.

Туркам тоже приходилось туго. Проворные, гибкие татары пригибались, проскальзывали под лошадиными брюхами и тяжко ранили скакунов, после чего и лошади и наездники рушились и катились кубарем.

При первом натиске Роб разрядил свой пистолет в ближайшего турка и ранил нападавшего настолько удачно, что тот разом вылетел из седла. Мальчик немедленно ухватился за конскую узду, прыгнул в пустовавшее седло и мгновение спустя уже гарцевал в самой гуще боя.

Удары и пули сыпались на Робота отовсюду, но Защитное Одеяние берегло его даже от малых царапин.

Разрядив оба пистолета, Роб завладел сломанным древком копья и, пользуясь им, как палицей, на полном галопе прорвал турецкие ряды, круша направо и налево. Татары гикнули и помчались вослед юному герою. А турки, ошеломлённые небывалой неуязвимостью противника, дрогнули, решив, будто Роб надёжно заговорён от клинка и пули.

Подвиги маленького американца помогли коренным образом повернуть ход сражения. В скором времени неприятель отступил к городским укреплениям и бросился спасаться в открывшиеся навстречу ворота, которые поспешно захлопнулись

вновь, когда последний турок очутился в безопасности.

Получив этот горький урок, татары поставили шатры почти вплотную к воротам, дабы турки не решались открывать их сызнова из боязни, что враги окажутся расторопны и ворвутся в пределы крепости, с ходу смяв отряд, собирающийся двинуться наружу.

Пока татары переносили свои шатры, мальчик рыскал по полю недавней битвы, надеясь обнаружить тела трёх турков, отнявших у него подарки Электрического Джинна. Увы, этих негодяев среди убитых не оказалось.

— Трусливые твари! Только сонных вязать умеют, а в честный бой ввязываться не спешат! — объявил Роб.

Но легче ему от этого не стало. Во-первых, татары всё равно ни бельмеса не поняли. Во-вторых, без летательной машинки и трубки-выручалки Роб по-прежнему чувствовал себя, точно пчела без крыльев и жала.

Татарский предводитель жестами призвал Роба в свой шатёр и вручил мальчику замечательное кольцо с кроваво-красным рубином. В благодарность за боевые заслуги, пояснил он выразительными телодвижениями.

Роб весьма возгордился и сказал татарину:

— Хороший ты парень, старина, хоть и выглядишь, как последний бандюга. Если захватишь город и вернёшь мне электрические приборы, угодившие в лапы к тамошнему сброду, всем и каждому сообщу, какой ты удалец!

Татарин счёл сию тираду почтительнейшим изъяснением благодарности и торжественно поклонился в ответ.

В течение ночи, последовавшей за первым сражением турок и татар, мальчик бодрствовал, придумывая, как бы лучше и скорее захватить город.

Стены казались отменно высокими и толстыми — ни взлезть, ни проломить: осадных лестниц и артиллерии у татар не водилось. А за стенами раскинулся собственно оазис, дававший осаждённым вдоволь питья и пищи, в то время как осаждавшие вынуждены были расходовать воду и провиант, запасённые загодя.

Перед самым рассветом Роб покинул шатёр и вышел бросить взгляд на огромную стену. Звёзды светили ярко, но мальчик всполошился, обнаружив, что, по восточному обычаю, ни стражи, ни караулов кочевники не выставили. Отовсюду нёсся могучий татарский храп.

В городе тоже царила глубочайшая тишь.

Но внезапно Роб заметил, как над зубчатым гребнем стены возникла тёмная голова.

Присмотревшись, мальчик опознал одного из трёх памятных ему турецких мародёров.

Турок понял: в татарском стане все до единого спят, а бодрствует лишь его недавняя жертва. Поудобнее усевшись меж зубцами, турок свесил ноги наружу и злобно ухмыльнулся.

Роб глядел на него с истинно хищническим вожелением.

Сделав несколько странных и бессмысленных с точки зрения американского мальчика телодвижений, турок достал из кармана трубку-выручалочку и ткнул пальцем сначала в сторону Роба, а потом в саму трубку, точно спрашивая: каково же её предназначение?

Роб лишь мотнул головой. Несколько раз перевернув трубку, турок тоже помотал башкой. Он явно был озадачен, и весьма.

Роба трясло от волнения.

Мальчику отчаянно хотелось вернуть себе чудесную трубку-защитницу. Он ежесекундно страшился, что негодяй вот-вот догадается о её свойствах. С глубоким вздохом Роб указал на трубку и, яростно жестикулируя, постарался втемашить ворюге, что сейчас растолкует ему эту неразрешимую загадку — только трубочку пожалуйте вниз!

Турок понял, и дал понять в ответ: я с этой серебристой штуковиной расставаться не намерен.

Роб заскрежетал зубами, но вовремя вспомнил о золотом кольце с алым рубином, которое подарил ему татарский предводитель.

Сняв кольцо с указательного пальца, он высоко вознёс драгоценность и повертел ею в звёздных лучах, дабы рубин заиграл поярче. Потом юный путешественник немного выждал и знаками предложил: эй, приятель, давай-ка совершим взаимно выгодный обмен!

Предложение пришлось турку по вкусу. Он кивнул раз, кивнул другой и протянул широкую ладонь, требуя кольцо. На честь и совесть негодя Робу рассчитывать не стоило, но мальчику настолько хотелось вернуть выручалочку, что он рискнул довериться грабителю.

И Роб швырнул перстень вверх, а турок ловко поймал его на лету. Но когда мальчик знаком попросил отдать ему трубку, гнусный турок заготовал, поджал ноги и начал неуклюже вставать во весь рост, чтобы спрыгнуть по другую сторону стены.

Однако злая турецкая судьба распорядилась иначе.

В подлой спешке предатель выронил чудесную выручалочку, а та покатилась по гребню стены и

свалилась на песок прямо у ног юного американца.

Грабитель остолбенел, потом зарычал от ярости.

Внезапно взбесившись в свой черёд, мальчик схватил электрическую трубку, направил на турка и утопил кнопку в рукояти. Не успев даже охнуть, негодяй слетел вослед выручалочке и недвижно растянулся подле стены.

Роб незамедлительно кинулся обыскивать карманы упавшего.

К радости своей, он сразу же наткнулся на коробку с питательными таблетками Джинна. Увы, летательная машинка и Автоматический Летописец, по всей вероятности, остались во владении двух других турков. Но отчаиваться не стоило: к мальчику одновременно возвратились целых две из четырёх пропавших вещей!

А трубка, несомненно, поможет их разыскать!

Уже рассветало. Приблизились несколько татар, внимательно осмотрели недвижимое тело, произнесли непонятную фразу. Татары казались удивлёнными: на теле поверженного не обнаружилось ни раны, ни ссадины, ни даже простого синяка!

Сочтя неприятеля мёртвым, татары отволокли его в сторону и позабыли о незадачливом турке.

Роб опять завладел своим рубиновым перстнем, отправился к шатру предводителя, предъявил кольцо стоявшему на страже воину и был немедленно допущен внутрь. Чернобородый вождь возлежал на гряде пышных подушек и дремал; но Роб отвесил учтивый поклон и знаками поведal татарину, что собирается затеять приступ, а потому просит себе отряд надёжных бойцов.

Оспаривать разумность этого предложения татарин не осмелился, хотя ума не мог приложить: каким образом намеревается мальчишка — пускай ужасный в рукопашном бою — довести эдакое предприятие до победного конца. Покачав кудлатой головой, предводитель кочевников отдал соответствующий приказ и к минуте, когда Роб достиг яркендских вoрог, близ них уже выстроился большой татарский отряд, поступивший в распоряжение мальчишки.

Все прочие татары почтительно стояли поодаль, живо интересуясь происходящим.

Турецко-татарские раздоры, конечно же, трогали Роба не очень-то. При обычных обстоятельствах он и пальцем бы не шевельнул ради торжества кочевников. Но вернуть себе утраченные электрические приборы он мог лишь при любезном содействии чернобородого.

Ежели дружественные Робу татарские войска не вломятся в Яркенд — прости-прощай летательная машинка! И Автоматическому Летописцу придётся послать последнее прости.

Поэтому Роб решил честно помочь своим союзникам и проложить им надёжный путь.

Мальчик подошёл к воротам и разнёс их петли направленными разрядами электрического тока. Затем, крикнув татарам «за мной!» и прибавив «ату их, подлых!», он ринулся вперёд.

Гикающий отряд ввалился в Яркендский оазис по пятам юного путешественника.

Заслышав, как трещат и лопаются петли ворот, осаждённые почуяли неладное и собрались по ту сторону стены в изрядном количестве. Ринувшихся напролом татар встретили градом пуль, стрел и дротиков.

Потери были ужасны. Множество татар погибло сразу, а многие получили ранения, рухнули и были затоптаны до смерти во всеобщей сумятице.

Роб сражался в передних рядах и оставался невредим благодаря Защитному Одеянию. Он опрокидывал защитников Яркенда, непрерывно давя на кнопку выручалочки, повергая врагов и справа, и слева, и спереди. Выручалочка трудилась на славу: устоять перед нею не могли даже

верблюды и кони. Такова была неотразимая сила электричества.

При виде столь небывалых подвигов татары испустили радостный клич и постарались не отставать от юного героя, но Роб властно взмахнул рукой, веля союзникам стоять на месте. Он вовсе не стремился проливать людскую кровь понапрасну, а татары, по древнему татарскому обычаю, устроили бы в Яркенде форменную бойню, подпалили город с четырёх концов и не оставили от него камня на камне.

Безвредная же вырубалочка работала без устали, повергала турков целыми скопищами — но только на один час.

Мальчик стоял один и сокрушал неисчислимую вражескую рать по мере того, как озверевшие турки перестраивались и приближались вновь и вновь. Двое неприятелей исхитрились подобраться к Робу сзади. Один из них взмахнул огромным обоюдоострым ятаганом, собираясь отсечь окаянному гяуру — так турки называют всех, кто не верует в Бога на их мусульманский лад — бесшабашную голову. Но силой Защитного Одеяния клинок вышибло из руки нападавшего, ятаган завертелся, отлетел и разрубил второго турка чуть ли не пополам, угодив ему повыше пояса.

Поверьте: после этого уже ни единый турецкий

боец не решался приблизиться к Робу!

В удивительно короткое время весь гарнизон Яркенда или валялся без сознания, или униженно взывал о пощаде, бросив оружие наземь. А несколько самых отъявленных трусов удрали подальше и забились в подвалы и на чердаки.

С радостными кликами татары заняли город.

Чернобородый предводитель от избытка чувств крепко обнял мальчика и горячо поцеловал его.

Яркенд незамедлительно отдали на разграбление. Татарские бойцы громили базары и врывались в дома, забирая всё, что способны были унести на спине, и вдребезги разбивая всё, чего утащить не могли.

«Верно в древности говорили: злы татарове!» — с негодованием подумал Роб.

Мальчик лихорадочно искал среди бесчувственных турецких тел двух вчерашних грабителей, но ни одного из них не обнаружилось. Чуть позже, однако, Робу посчастливилось: бегая по разгромленным яркендским улицам, он увидел галдящую толпу татар, волокших человека с верёвочной петлёй на шее. Роб немедленно признал в нём искомого долговязого мародёра. Татары охотно дозволили своему герою-багатуру обыскать бедолагу.

В одном из многочисленных карманов турка Роб нашёл Автоматический Летописец.

Теперь оставалось вернуть лишь летательную машинку, единственную вещь, без которой вернуться домой и думать было нечего. Без машинки Робу довелось бы навсегда остаться в этих варварских краях, питаться кониной — ведь электрические таблетки рано или поздно подошли бы к концу — и, чего доброго, сделаться Великим Ханом вся Татарии.

Поэтому Роб неотступно продолжал поиски.

Часом позже он набрёл на труп третьего грабителя, валявшийся посреди главной городской площади. Но летательной машинки при погибшем турке не оказалось. Роб отчаялся по-настоящему.

Издалека донеслись крики и лязг оружия, свидетельствовавшие, что кое-где защитники Яркенда начали понемногу приходить в себя и сызнава сцепились с татарами. Последние давно и беспорядочно рассыпались по всему городу, решив, будто груды бесчувственных тел уже не представляют никакой опасности. Впрочем, откуда было кочевникам ведать о милосердии Джинна, сделавшего трубку-выручалочку безвредной для здоровья людей и животных?

Застигнутые врасплох, татары сдрейфили, решив, будто турецкие мертвецы злокозненно

оживают и жаждут мести.

Обычная доблесть временно покинула татар, и они заметались, точно тараканы по горячей сковороде, падая под взмахами турецких ятаганов.

Роб угрюмо восседал на закраине мраморного фонтана посреди городской площади, когда победоносная толпа турков окружила его с пронзительными ликующими воплями.

— Брысь! Не мешайте думать, — равнодушно сказал мальчик.

Турки прыгали от бешенства, но вплотную подойти робели. Отступив на более-менее безопасное, по их расчётам расстояние, они подняли свои пищали, мушкеты, аркебузы и ружья, а потом по команде произвели дружный залп.

Роб только покосился в сторону пальбы.

Дико вращая глазами, турки прекратили попусту расходовать порох, но площади не покинули — напротив, с каждой минутой толпа становилась всё гуще.

Из потайных укрытий выползли турчанки. Они быстро смешались со сборищем своих мужей и, судя по восторженным крикам, обсуждали недавнюю турецко-татарскую резню, окончившуюся столь назидательным для прочих захватчиков и супостатов изгнанием татар из яркендских пределов.

Дальнейшая судьба татарской орды была Робу вполне безразлична. Летательная машинка пропала, и путешественнику отнюдь не улыбалось окончить свои дни седобородым турецким султаном, добродетельно правящим своими подданными и заботливо пасущим их электрической трубкой-выручалочкой.

Ибо покинуть оазис пешком означало погибнуть в пустыне. Оставаться же в оазисе означало или погибнуть — а такую возможность мальчик даже во внимание принимать боялся, — или возвыситься... Робу припомнились назидательные слова Джинна о первенстве в деревне и быстротечности мирской славы.

И вдруг... Обводя толпу отсутствующим взглядом, Роб замер и охнул. Маленькая девочка пристёгивала на запястье жирному уродливому турку что-то схожее с часами! Циферблат сверкнул, путешественник напряг зрение, однако турок склонился, девочка тоже, и часы — либо же заветная машинка! — пропали из виду.

Покуда парочка разглядывала загадочную вещицу, Роб вскочил и решительно зашагал по площади. Толпа расступалась перед ним с похвальным проворством, но и уродливый толстяк, и девчонка так увлеклись, что ничего уже не замечали.

Робу оставалось пройти лишь несколько футов, когда малышка протянула палец и повернула на циферблате часов какую-то стрелку.

К неопишуемому ужасу Роба, мерзкий турок начал медленно возноситься над площадью. Толпа взывала от страха.

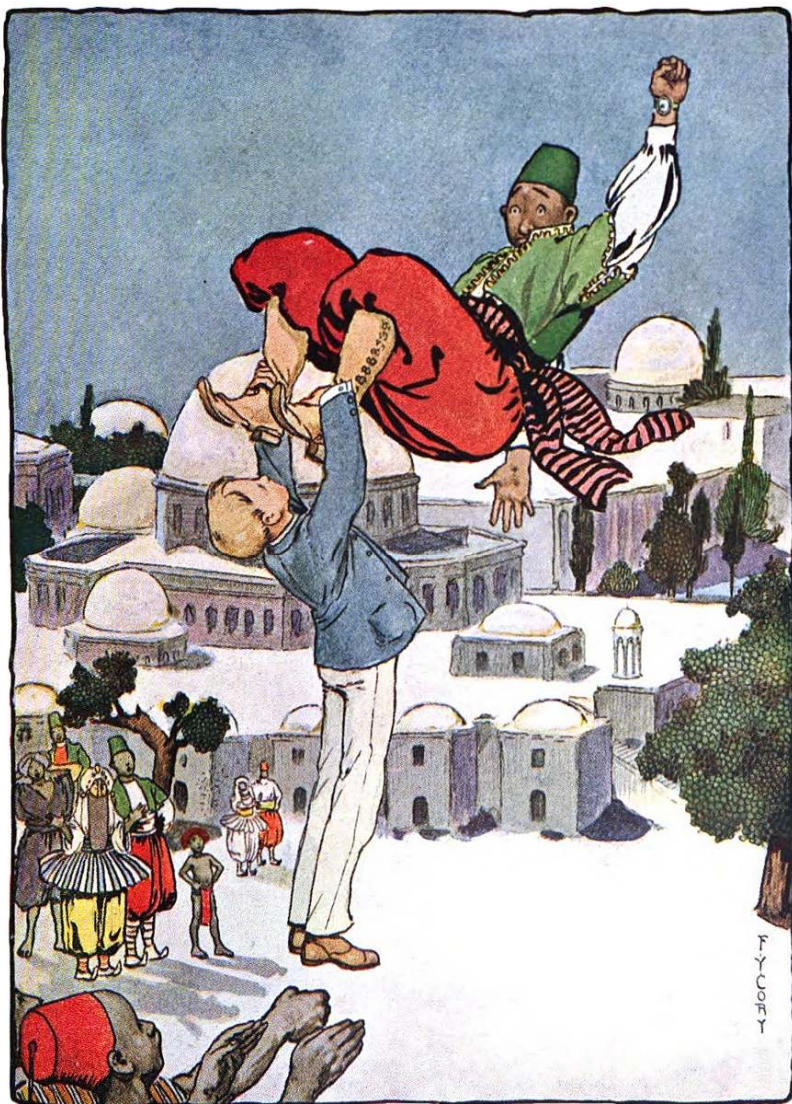
Мальчик рванулся вперёд и успел уцепиться за турецкую лодыжку. Оба — и турок, и американец — воспарили ввысь и поднимались, пока не повисли высоко над затерявшимся в пустыне городом Яркендом.

Сперва жирный турок стenal и причитал. Потом лишился чувств.

У Роба похолодело в животе: если только усталые пальцы разожмутся, отпустят голень толстяка — падение и смерть. Одна рука уже начинала неметь от напряжения. Роб сделал яростное усилие и схватился за турецкие шаровары.

Осторожно подтянулся, повис на кожаном кушаке, охватывавшем турецкую поясницу, потом схватил турка за шиворот.

Юный странник стиснул толстяка ногами, точно по древесному стволу карабкался, немного перевёл дух, удостоверился, что немедленное падение на желтевшие внизу пески больше не грозит ему, и принялся гадать: а что же делать дальше?

Турок медленно поднимался в воздух, а Роб
цеплялся за него с отчаянным упорством.

Высоту машинка набрала такую, что Яркенд казался простым тёмным пятнышком на лоне пустыни. Медлить не следовало. Роб ухватил турка за левое предплечье. Вконец растерянный, ополоумевший от страха толстяк не противился, когда мальчик заставил его согнуть руку в локте.

Циферблат летательной машинки оказался в пределах досягаемости!

Отстёгивать машинку от чужого запястья Роб не решался: не ровен час, уронишь — тогда пиши пропало. К тому же, оставалось неизвестным, действует ли чудесный прибор, будучи снят с левой руки?

Твёрдо решив больше не рисковать, Роб оставил чудесный прибор на волосатой лапе турка, но указатель перевёл сперва в положение «нуль», а потом на «восток», ибо не желал больше видиться ни со своими врагами, турками, ни с кровожадными своими приятелями, татарами.

Спустя некоторое время город начисто пропал из виду.

По-прежнему цепляясь за жирного турка, точно репей, Роб толкнул указатель, и воздухоплаватели начали снижаться. Когда оба очутились на одном из гранитных кряжей горной гряды Кунь-Лунь, мальчик понял: ещё немного — и силы изменили бы ему, пальцы разжались, ноги соскользнули и...

Но всё хорошо, что хорошо кончается.

Перво-наперво Роб отобрал у турка летательную машинку и застегнул её на собственном левом запястье. Вторым долгом юный американец удостоверился, что все прочие электрические приборы надёжно покоятся в его карманах. Затем уселся на гранитную глыбу и стал дожидаться, пока обомлевший с перепугу турок очнётся.

Вскоре толстяк неловко шевельнулся, перекатился, уселся и начал озираться. Должно быть, он решил, что спит и видит невероятный сон.

Турок протёр глаза, опять огляделся — уже с нескрываемым удивлением и тревогой.

Уставился на Роба. Дико взвыл. Выхватил кинжал.

Роб улыбнулся и поднял трубку-выручалочку. Припомнив, как орудовал незнакомец этой чудовищной и чудесной булавою в битве у городских ворот, жирный магометанин зашипел и шарахнулся прочь.

— Отличный уголок, — возвестил ему Роб. — И цивилизацией не изгажен.

Турок не понял ни бельмеса, но заискивающе закивал.

— До города не близко, — продолжил Роб, — но авось доберёшься: у тебя крепкие длинные ноги.

Правда, по пути можно их ненароком протянуть — с голоду; но это уж не моя забота, а твоя.

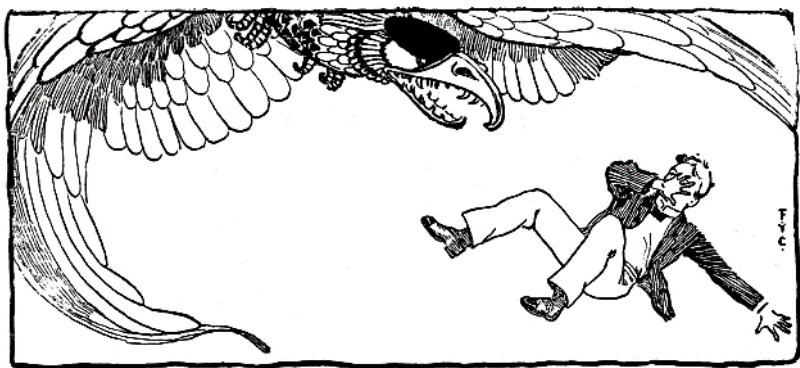
Турок сверкнул глазами, понятия не имея, о чём ведётся речь и как уместно вести себя.

Роб вытащил на свет Божий коробочку электрических таблеток, проглотил одну, а другую предложил турку. Видя, что могучий незнакомец по-прежнему остаётся жив и здоров, турок отважился положить таблетку в рот.

— Люблю храбрецов! — со смехом сообщил Роб. — На сутки ты от голода избавлен, и я могу тебя покинуть со спокойной душой и чистой совестью.

Без дальнейших проволочек он повернул указатель машинки и взмыл, оставив турка восседать на граните и ошарашенно следить за отлётом чужеземца.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

БИТВА СО СТРАШИЛИЩАМИ

ЮНЬЙ путешественник редко испытывал схожее облегчение. Он опять почувствовал себя неуязвимым, очутившись на изрядной высоте, в одиночестве и роскошной безопасности; он опять оказался полноправным и гордым обладателем удивительных приборов, которые изобрёл хитроумный Электрический Джинн.

Правда, при воспоминании обо всех опасностях и мытарствах, выпавших Робу на долю в Яркенде и его окрестностях, при мысли о том, что лишь по чистейшей случайности удалось ускользнуть оттуда живым, невредимым и не обобраным до нитки, мальчик содрогался и давал себе слово сделаться осторожнее.

Мы, рождённые ползать по земле, вряд ли сможем вообразить, как Роб ухитрился летать на столь огромной высоте, не испытывая ни страха, ни головокружения. А для мальчика небо сделалось надёжнейшим убежищем.

Здесь он был недосыгаем для земных злодеев. А на летательную машинку, говорил опыт, можно рассчитывать полностью и доверять ей надобно всецело.

Избавившись от турка и достигнув достаточной высоты, мальчик перевёл указатель в положение «нуль» и задержался, дабы справиться с картой, вырванной из учебника географии. Нужно было определить направление дальнейшего странствия.

Случай, некстати вынудивший Роб проспать Европу и залететь на далёкий Восток, занёс его за полмира от родного дома.

А значит, продолжая лететь на восток, мальчик обогнул бы земной шар и вернулся в Америку наикратчайшим возможным путём.

В оазисе Яркенд Роб истратил столько времени, что следовало торопиться — иначе к субботнему полудню домой не поспеть. Быстро приняв решение, мальчик повернул указатель и полетел в восточную сторону.

Несколько часов он мчался над великой пустыней Гоби, но к полудню появились первые признаки растительности и человеческого жилья.

Немного снизившись, Роб увидел, что достиг пределов Китая — древней, устрашающе перенаселённой, когда-то исключительно культурной, а ныне пришедшей в упадок страны.

Мальчику было хорошо видно Великую Китайскую стену. Потом он с любопытством покружил над столицей государства, Пекином, и приземлился бы там — да воспоминание о недавних злоключениях подсказало: не делай глупостей!

Чудесный город Пекин безопаснее созерцать с воздуха, подумалось Робу.

Продолжив полёт, Роб добрался до Ляодунского залива, чьи светлые воды были усеяны бесчисленными кораблями, плывшими со всех концов земли, а вскоре уже парил над Кореей, казавшейся сказочным средневековым царством.

Ночь застала Робу над Японским морем и, давно мечтая посетить владения микадо — так японцы зовут своего императора, — мальчик перевёл указатель машинки в положение «нуль», неподвижно повис в ночном воздухе и решил поспать до утра, чтобы во мраке снова не очутиться неведомо где.

Сами понимаете: спать, покачиваясь в воздухе, — задача не из простых, но летательная машинка была устроена столь хитро, что выспался Роб как на пуховой перине. Да и привык он уже ночевать под облаками, где не следовало опасаться ни грабителей, ни пожаров, ни прочих треволнений, сопряжённых с ночлегом на земле.

Об одном, правда, Роб начисто позабыл. А именно о том, что забрался в отдалённые, малоизученные края и заснул над морем, издревле прославленным как обиталище мерзких и злобных чудовищ. А неподалёку лежали страны, обитаемые драконами, птицами Рухх и Симуург, и прочими неприветливыми персонажами восточных сказок.

Наверное, Роб читал об этих опасностях в детских книгах, да на беду всё прочитанное ускользнуло прочь из его памяти. Мальчик бестревожно проспал до самого рассвета и, если не ошибаюсь, даже храпел.

Но когда над горизонтом стало подниматься алое солнце, путешественник пробудился точно встрёпанный! И было от чего.

Роб услышал оглушительные хриплые крики и такое хлопанье, точно сотня ветряных мельниц одновременно вертела крыльями под натиском урагана.

Поспешно продрав глаза, Роб осмотрелся.

По правую руку от него летела исполинская птица, тело которой не уступало размерами конской туше, а размах крыльев составлял ярдов двадцать. Кривой, широко распахнутый клюв был усеян рядами острых зубов, а растопыренные когти могли спокойно соперничать с турецкими ятаганами, виденными Робом в Яркенде. Львиные когти по сравнению с этими казались бы игрушечными.

Покуда оцепеневший от ужаса Роб следил за приближающимся пернатым страшилищем, сзади зазвучал такой же точно хриплый вопль.

Мгновением позже удар громадного крыла заставил Робу закувыркаться в воздухе, точно мальчик превратился в живой бумеранг.

Бешено крутя указатель машинки, Роб исхитрился остановиться и повиснуть как положено: головою кверху. Однако спокойно повисеть над морем и опомниться Робу не удалось. Второе чудище — то ли жёнушка, то ли муженёк, то ли великовозрастный отпрыск первого, — уже носилось вокруг, то и дело пытаясь долбануть юного американца зубастым клювом.

Роб непроизвольно подивился: как же Защитное Одеяние оплошало настолько, что пропустило удар?

На самом деле, Защитное Одеяние ничуть не оплошало. Если бы не оно, Роба в лепёшку сплющило бы ударом здоровенного крыла!

Но взмах крыла порождает воздушные завихрения, обладающие огромной силой, а от воздушных завихрений защиты не предусматривалось, поэтому Роба завертел и умчал могучий воздушный поток, а при указателе, стоявшем в положении «нуль», мальчик перемещался легко, словно парящая над землёй пушинка.

Роб замечал это и раньше, однако ничего подобного не испытывал, ибо неизменно поднимался выше тех воздушных слоёв, где свирепствовал ветер.

Пернатые твари опять перешли в атаку, но Роб уже понял, в какой переплёт угодил, и целился в страшилищ из трубки-выручалочки. Первая птица Рухх, спикировавшая на мальчика, получила сокрушительный электрический разряд и, оглушённая, упала в море, где недвижно закачалась на волнах. Вторая тварь, наученная горьким опытом первой, стала витать поблизости с таким проворством, что взять верный прицел оказалось невозможно.

С каждой секундой чудовище сужало круги, приближаясь к намеченной жертве.

Вертеться достаточно проворно Робу не удавалось, и он всё время опасался нападения сзади. На Защитное Одеяние мальчик больше не надеялся (и мы знаем, что напрасно). В полном отчаянии Роб вознёс трубку-выручалочку, намертво утопил спусковую кнопку в рукояти и повёл трубкой в направлении, обратном тому, которое избрал круживший рядом хищник.

Наконец, электрические разряды и крылатая мишень встретились.

Испустив пронзительный — и последний — вопль, чудовище закувыркалось в морские волны, и обе твари стали плавать неподалёку друг от друга, словно два уснувших на поверхности кита.

Огромные птицы оставили в воздухе такой невыносимый, тошнотворный смрад, что мальчику пришлось зажать нос и улететь подальше и поскорее. Путь Роба по-прежнему лежал на восток.

При мысли о недавней битве Роб содрогался.

Он представил себе, каково повстречаться с эдакими пичугами человеку, не имеющему ни защиты от их зубов и когтей, ни оружия, способного обезвредить нападающее страшилище...

«Неудивительно, — думал Роб, — что китаёзы и япошки то и дело рисуют на шёлке всякую нечисть! Если жить в этих местах, поневоле спятишь!»

Солнце сияло и, когда впереди возникли прекрасные Японские острова, к Робу разом вернулось отличное настроение. Мальчик замедлил полёт, с искренним любопытством разглядывая живописные деревни, повисая над полями, где трудолюбивые японские крестьяне возделывали многообразные злаки.

Приближаясь к Токио, Роб увидел внизу настоящую крепость и не меньше часа наблюдал за строевыми занятиями.

Японские солдаты уступали ростом европейцам и американцам, но держались отменно подтянуто и молодцевато. Храбрым же, подумалось Робу, должен быть народ, который решится затеять войну с японцами!

Вдоволь насмотревшись на японское житьё-бытьё, Роб начал готовиться к долгому перелёту через Тихий океан.

Справившись с картой, мальчик обнаружил, что лететь нужно, как и прежде, на восток. Тогда он достигнет американских берегов неподалёку от Сан-Франциско, а это устраивало Роба как нельзя лучше.

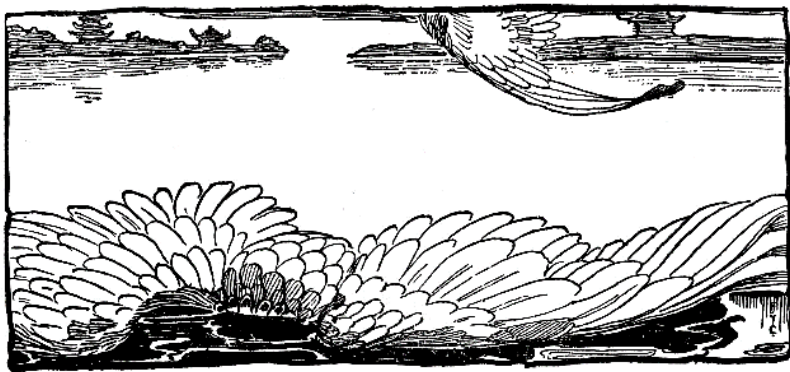
Обнаружилось, что, чем выше летишь, тем быстрее полёт: воздух становится разрежённым и оказывает меньшее сопротивление. Поэтому Роб поднимался до тех пор, пока Японские острова не

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

сделались маленькими пятнышками, чуть заметными на морской глади.

Мальчик правил путь на восток, а Тихий океан простирался внизу — огромный, ярко-синий, казавшийся чуть выпуклым оттого, что Роб глядел на него с заоблачных высот.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

ПОЛУЧИВ такие обширные доказательства того, что по натуре юный путешественник был существом непоседливым и легкомысленным до предела, читатель, я уверен, изрядно удивится, если скажу: в продолжение следующих нескольких часов Роба одолевала невыносимая тоска по родному дому. Мальчик помрачнел и погрустнел донельзя.

Возможно, причиной тому была оторванность Роба от родных и друзей — можно сказать, от целого мира; возможно, Робу попросту приелись чудеса и надоела почти совершенная власть над подаренными Джинном приборами; а возможно, дело было в том, что Роб родился простым американским ребёнком, которому нравится ничем не выделяться среди таких же заурядных сверстников, не быть ни умнее, ни талантливее, ни лучше прочих, а жить, как все.

Не исключаю, что, оказавшись вознесён столь высоко — и в прямом, и в переносном смысле, — Роб затосковал.

Скорее всего, мальчик сам не понимал, откуда на него нахлынула такая хандра. Скажу вам по секрету: Роб достал из кармана... нет-нет, не трубку-выручалочку и не Автоматический Летописец, а обыкновеннейший носовой платок — и заплакал, точно маленький, от одиночества и печали.

Слава Богу, никто не видал этого! Слезы принесли Робу изрядное облегчение. Мальчик вытер глаза, честно попытался повеселеть, а потом пробормотал:

— Если просто лететь в поднебесье, на манер воздушного шарика, с ума сойдёшь! Ничего не видать — сверху синева, снизу тоже. Надо снизиться: может быть, угляжу корабль — всё-таки развлечение! Пускай хоть рыбачья лодка покажется...

Сказано — сделано.

Роб снизился и, когда на поверхности океана явственно обозначились белые барашки, разглядел крохотный островок, лежавший прямо под ногами. Островок был совсем крошечным — вряд ли даже на самых подробных картах отмечался, но прямо посередке росла купа деревьев, а на берегах высились утёсы, хранившие от прибоя песчаный

пляж и поросшую цветами лужайку, что положим откосом поднималась к рощице.

С высоты, на которой витал Роб, островок показался настоящим земным раем, и настроение мальчика мигом улучшилось.

— Надо приземлиться и нарвать букет! — воскликнул он и через несколько секунд уже стоял на твёрдой почве.

Но прежде, чем Роб успел сорвать полдюжину ярких душистых цветов, до него долетел радостный крик. Мальчик поднял взор и увидел двоих незнакомцев, бежавших вниз по травянистому скату.

Когда-то незнакомцы были, пожалуй, одеты по-морячки, но теперь их тощие, опалённые тропическим солнцем тела прикрывались только жалкими обрывками ткани. Отчаянно размахивая руками, счастливые пришельцы вопили:

— Корабль! Корабль!

Роб с недоумением уставился на них и начал нешуточно отбиваться, когда обезумевшие от восторга матросы попытались обнять и расцеловать его.

Один из Робинзонов шлёпнулся наземь и от избытка чувств начал кувыркаться, попеременно плача и хохоча. Другой плясал и прыгал, пока не выбился из сил и не повалился рядом со своим товарищем.

— Как вы сюда угодили? — сострадательно спросил Роб.

— Потерпели кораблекрушение! Мы — американские матросы, плавали на барке «Цинтия-Джейн», который три года назад пошёл ко дну в этих водах, — ответил незнакомец, бывший поменьше ростом и в кости поуже. — А мы уцепились за обломки, доплыли до островка и едва с голоду не пропали!

— Сначала, — вмешался моряк постарше и повыше ростом, — собирали моллюсков. Здесь у берега полно литодомов. Да ведь моллюсками сыт не будешь. Птицы тут не гнездятся, звери не водятся. Решили: надо рыбную ловлю испробовать. А крючка-то, как на грех, и нет. Срезали в роще палку, заточили один конец, получилась острога. Да только нам с нею дело иметь непривычно.

— Это китобои, — вставил младший, — гарпуном орудовать обучены, а мы — простые мореходы, только со снастями управляться умеем.

— Вот-вот, — поддержал старший моряк. — Били мы рыбу этой острогой, били — так ничего и не вышло. Тогда приятель мой наловчился крабов ловить — их здесь прорва. Мы им панцири камнями раскалывали да сырыми ели. Оказалось — ничего, кушать можно. Ежели б не крабы — ой-ой-ой!..

— Постепенно, — сказал его товарищ, — слопали всё, что съедению поддавалось, начисто море вокруг опустошили. Осьминогов, и тех сожрали. Потом стали затягивать ремни потуже — а потом и ремни слопали. Кабы не ваш корабль, сушились бы наши косточки на здешнем солнышке.

Роб выслушал эту печальную повесть с немалым сочувствием, не зная, правда это или просто моряцкая байка. Но изнурённый вид Робинзонов говорил о настоящих лишениях.

— Только... я прибыл не на корабле, — нерешительно вымолвил Роб.

Матросы вскочили на ноги, побледнев как полотно.

— К... как... не на корабле? — воскликнули оба одновременно. — Вы тоже потерпели крушение?

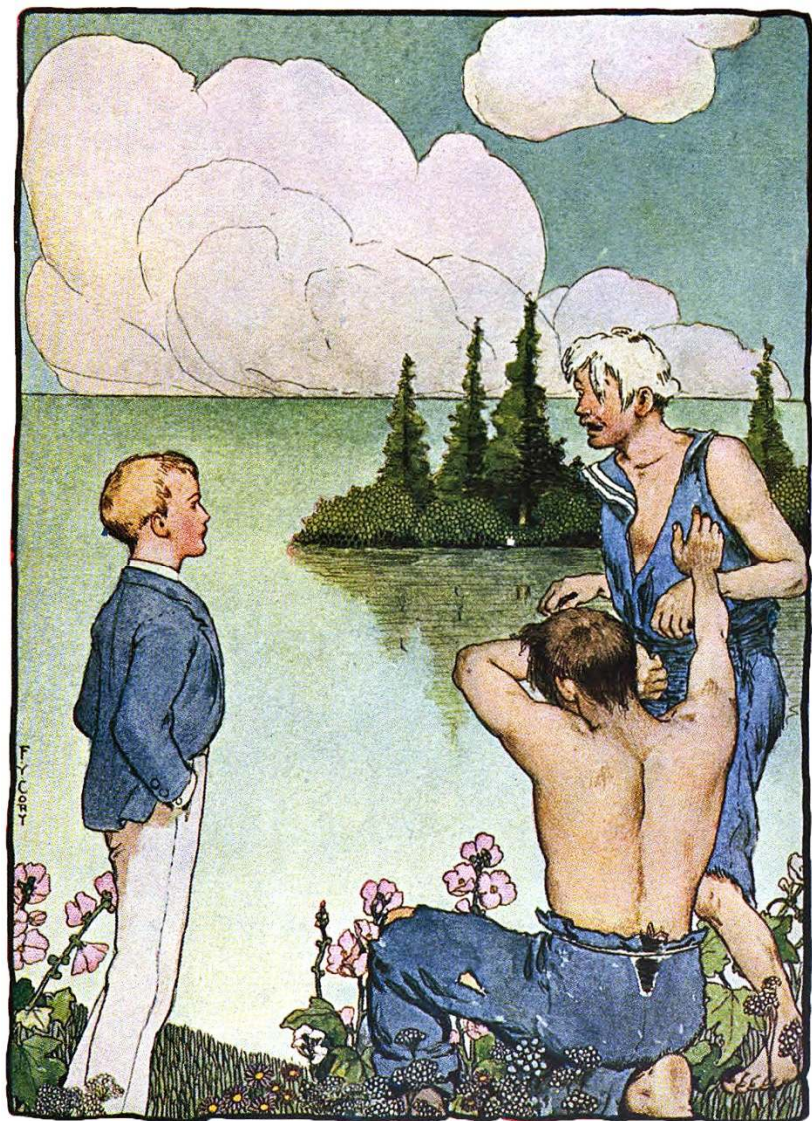
— Нет, — успокоил их Роб, — я прилетел по воздуху.

И рассказал морякам о чудесной летательной машинке.

Машинка не вызвала у моряков ни малейшего интереса. На их отчаяние больно было смотреть.

Маленький и тощий положил голову на плечо более высокого и крепкого и зарыдал в три ручья. Высокий и крепкий вторил ему, шатаясь от голода.

На отчаяние моряков было больно смотреть.

Внезапно Роб сообразил: беде можно пособить! Он вытащил коробку электрических таблеток и протянул бедолагам:

— Съешьте-ка по одной! Живо!

Поначалу матросы в толк не могли взять, какой им прок от крохотных пилюль. Но Роб рассказал о чудесных свойствах, присущих этим таблеткам, и матросы не заставили себя упрашивать.

Через считанные минуты к Робинсонам вернулись отвага и силы, глаза их прояснились, впалые щеки зарумянились, речь стала спокойной и связной.

Усевшись на траву, мальчик изложил новым друзьям историю своего знакомства с Электрическим Джинном и всех последующих приключений. Робу изрядно хотелось излить перед кем-нибудь душу, а потому двое потерпевших крушение моряков стали первыми, кто узнал полную правду о его похождениях.

Услыхав, как мальчик висел на загравке возносившегося в небо турка, старший из двоих моряков задумался, помолчал, а потом встрепенулся:

— А отчего бы тебе не доставить нас обоих в Америку?

Роб осёкся, прищурился, прикинул что-то в уме. Покачал головой:

— Не получится. Я быстро устану тащить вас обоих — мы не достигнем суши, а шлёпнемся в океан. Путь не близкий, а через полчаса у меня руки от плеч оторвутся!

Физиономии моряков удручённо вытянулись. Но старший предложил:

— А давай мы повиснем у тебя прямо на плечах. Вес распределится равномерно, к тому же мы так оголодали да отощали, что и весим-то всего ничего...

Обдумывая это новое предложение, Роб неожиданно припомнил, как пятеро флибустьеров болтались в поднебесье, повиснув на его ногах, точно связка бананов.

— Отыщется верёвка? — спросил мальчик.

— Нет, — сказали моряки. — Зато в изобилии найдутся длинные гибкие лозы. Честное слово, почти не уступают верёвкам!

— Ладно, — согласился Роб. — Риск — благородное дело. Постараюсь вам помочь. Только предупреждаю честно: ежели окажетесь неподъёмными, сброшу в море либо одного, либо сразу обоих. Как балласт.

Моряки насупились, обдумывая великодушное предложение мальчика, и старший изрёк:

— Всё едино: с голоду помереть на этом острове или в океане потонуть. Уж во всяком случае, тонуть и легче, и быстрее. Ты парень крепкий, авось,

и выдюжишь. Мы с приятелем готовы рискнуть. А поскольку я постарше и потяжелее, сбрасывай меня первым.

— Будь по-твоему! — согласился Роб.

Маленький и тощий Робинзон чуток приободрился и вставил:

— И давай полетим пониже. Приятелю будет падать сподручнее, а у меня голова не закружится: страсть как высоты боюсь!

— Не хочешь лететь — не заставляю, — отозвался Роб, — только...

— Хочу! Хочу, хочу! — перебил маленький и тощий. — Останусь на острове — загнусь!

— Тогда волоките верёвки... Тьфу! Лианы!..

— Лозы, — поправил старший Робинзон.

— Какая разница? Волоките.

Моряки бросились к деревьям, чьи стволы были плотно увиты коричневато-зелёными лозами неизвестного растения. Лозы и впрямь оказались на диво крепки.

Употребив ножи, робинзоны срезали длинную толстую лозу и на каждом её конце связали петлю, достаточно широкую, чтобы взрослый человек мог устроиться в ней, как на качелях, только с меньшими удобствами.

Середину лозы Роб для пущей мягкости обмотал собранными на берегу сухими водорослями.

— Иначе врежется в плечи, — пояснил он морякам.

— Ну-с, — объявил он минуту спустя, — прошу занять места.

Матросы забрались в петли, мальчик перекинул лозу через плечи, указатель летательной машинки двинулся в положение «подъём».

Высоко в небе маленький тощий матрос принялся верещать от страха, точно раненый заяц, и схватил мальчика за руку. Старший моряк сидел безмолвно и угрюмо.

— Н-н-и-не п-и-п-под-д-днимайся в-в-высоко! — заикаясь, умолял тощий. — В-в-вдруг-г мы уп-п-падём!

— Ну и что? — огрызнулся Роб. — Утонуть не сможешь, пока воды не коснёшься, и получается: выше летишь — дольше падаешь, а дольше падаешь — дольше живёшь.

Этот резонный довод отчасти успокоил тощего, который и впрямь отчаянно боялся высоты, а посему дрожал, как осиновый лист.

Плечи Роба страдали меньше, чем ожидалось. По-видимому, летательная машинка наделяла известной лёгкостью всякого, приходившего в соприкосновение с её владельцем.

Набрав достаточную высоту, Роб опять повернул указатель на восток и понёсся в сторону

американского континента. Потерпевшие кораблекрушение летели за мальчиком будто на буксире.

— Ужас... у-ужас... у-у-ужас... — шептал маленький и тощий.

— Эй, заткнись! — раздражённо распорядился Роб. — Допускаю: ужас. Но не ужас-ужас-ужас! Был бы твой приятель таким же трусом, как ты, я бы вас обоих сию секунду акулам скормил. Отпусти мою руку, если жить хочешь!

Тощий моряк ещё немного поскулил и на несколько минут послушно умолк. Затем встрепенулся и заголосил опять:

— А вдруг ра-ра-разорвётся лоза?!

— Послушай, мне уже надоело! — рывкнул Роб. У кого нет мозгов, тому и жить незачем!

Он повернул указатель и начал быстро снижаться.

Тощий ревел белугой, но Роб оставался глух к его мольбам. Босые ноги обоих матросов уже цеплялись за белые гребни волн, когда мальчик прервал полёт и повис над океаном.

— Ч-ч-что т-т-ты т-т-твор-р-ришь? — простонал тощий.

— Скармливаю тебя акулам, — ответил Роб. — Или барракудам, или кашалотам, или кальмарам —

в зависимости от того, кто из них поспеет сюда первым... Согласен ты заткнуться или нет?!

— Заткнись! Обязательно и непременно заткнись! Даю слово чести! — взмолился тощий.

— Ладно, поверю в последний раз, — милосердно молвил Роб, готовый прыснуть со смеху.

Путешествие продолжилось на прежней изрядной высоте.

Несколько часов миновали в полном покое: тощий трус то ли оказался человеком слова, то ли попросту обеспамятел от ужаса. У Роба уже начинали не на шутку ныть плечи. Лоза резала их, невзирая ни на какую предохранительную обмотку из морских трав. Мальчик начинал подумывать: а не сбросить ли ему, в самом деле, обоих олухов?

Но тут же устыдился: бедолаги видели в нём единственную надежду на спасение.

«Ладно, — решил Роб, — потерпим. Деваться некуда».

Уже смеркалось, когда воздушный странник и его подопечные завидели сушу — дикий и, по всей вероятности, необитаемый участок американского побережья.

Роб даже не пытался подобрать удобное место для приземления: плечи стёрлись в кровь, мышцы отчаянно ломило, в глазах темнело. Повиснув невысоко в воздухе над плоской вершиной одного

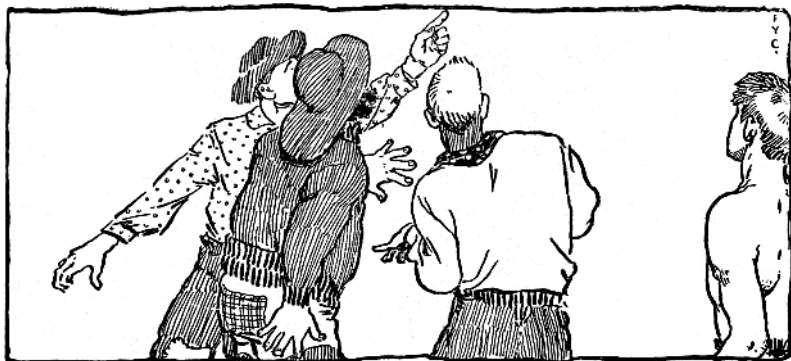
ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

из береговых утёсов, Роб дождался, пока моряки спрыгнут, сбросил с плеч долой измучившую их лозу, спустился наземь и немедленно рухнул навзничь, едва не плача от изнеможения.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ОРЕГОНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

НЕМНОГО передохнув, мальчик приподнялся и огляделся.

Старший моряк стоял на коленях, истово молясь, вознося благодарность за избавление от мук и подстерегавшей гибели. Молодой трус по-прежнему валялся на земле и всхлипывал, не в силах забыть ужасных испытаний, которым подвергся на море, на суше и, особенно, в небесах.

Юный путешественник вёл себя куда сдержаннее, однако и он ликовал при мысли, что выручил из беды сразу двоих взрослых людей. Роба распирало нежданной гордостью.

Побережье уже окутывалось тьмой, мальчик попросил своих товарищей набрать немного хвороста и разжечь костёр. Сказано — сделано.

Стоял довольно прохладный для этого времени года вечер, и расточаемое костром тепло показалось всем троим истинной благодатью.

Странники удобно улеглись неподалёку от весело потрескивавших углей и быстро уснули.

Наутро их разбудили грубые голоса.

Приподнявшись и оглядевшись, Роб увидел, что к утёсу приближаются несколько незнакомцев. Матросы продолжали спать, как ни в чём не бывало.

Мальчик встал на ноги и подождал, пока незваные гости подойдут вплотную к подножию скалы.

Новоприбывшие, одетые по-рыбацки, диву давались, обнаружив наверху трёх человек.

— Гром и молния! — рявкнул предводитель рыбаков. — Кто вы таковские, и откуда свалились?

— Потерпели кораблекрушение, — осторожно ответил мальчик. — Мои друзья служили матросами на «Цинтии-Джейн».

— А как на скалу попали? — не унимался рыбаков. — Ещё никому не удавалось взлезть на этот дурацкий утёс!

— А-а-а, это история долгая, — уклончиво молвил Роб.

Моряки уже проснулись и, в свой черёд, принялись отвечать любопытным рыбакам. Вопросы и ответы сыпались градом с обеих сторон.

— Где мы? — заорал Роб.

— На Орегонском побережье! — ответил старший рыбак. — До Порт-Орфорда будет миль семь посуху, и примерно десять, ежели плыть по морю.

— А вы из Порт-Орфорда? — осведомился моряк постарше.

— Из него самого, приятель. Захотите присоединиться к нам — добро пожаловать, поелику вы крушение потерпели и помощи просите.

Но тощий трус оказался изрядным дурнем. Он открыл рот и, к замешательству Роба, принялся тараторить, сообщая рыбакам о сказочном избавлении, о чудесном полёте под облаками и о том, как у него, тощего, со страху едва не приключилась медвежья болезнь.

Рыбаки заржали.

— Ну и гогочите! — разъярился тощий. — А я правду говорю! С места не сойти!

— Ага! — пуще прежнего развеселились рыбаки. — Правду говорят: у потерпевших крушение иногда мозги становятся набекрень! Говоришь-то ты, милоч, исправно, да только чепуху молоть изволишь. Поешь, передохнёшь — и всю дурь как рукой снимет.

Рыбаки привязали камень к тонкой длинной верёвке и метнули камень Робу. Старший моряк

надёжно обмотал верёвочный конец вокруг скального выступа и три минуты спустя путешественники уже пожимали мозолистые рыбацкие руки.

— Ну что ж, — объявил Роб своим спутникам, — теперь вы нашли новых друзей, и я могу трогаться в путь.

Оба матроса начали рассыпаться в благодарностях за спасение, но Роб оборвал их словесный поток:

— Не за что, не за что... Не оставлять же вас было пальмовым крабам на съедение! Спаслись — и ладно.

— Но ты хотел скормить меня акулам, кальмарам и кашалотам! — возмущённо заявил тощий.

— Обещал, — со смехом возразил ему Роб, — однако не хотел! И не скормил бы, даже спасая собственную жизнь. Хотя, признаюсь: тяжёленьки вы, ребята, оказались — даже после голодухи. Ну, прощайте!

Он поднял левую кисть, повернул указатель машинки и взмыл — к неопишуемому изумлению рыбаков, чьи глаза округлились, а челюсти отвалились.

«Теперь у тощего труса будут просить прощения, — подумал Роб, разворачиваясь к югу и

устремляясь прочь от гостеприимного утёса. — И не станут больше называть его чокнутым. А уж рыбакам найдётся о чём порассказать у себя в Порт-Орфорде! Трое героев пересекают Великий Океан по воздуху!»

Роб снизился до предела, помчался вдоль береговой линии, а через час уже достиг славного калифорнийского города Сан-Франциско.

Плечи мальчика по-прежнему саднило, мускулы ныли после долгого полёта с немалой тяжестью. Не раз и не два мальчик жалел, что не прихватил с собой баночку мази, хранившуюся у матери на случай всевозможных ушибов и растяжений.

Однако все невзгоды и неудобства меркли при мысли о том, что наконец-то внизу пробегают родные американские пейзажи!

Как ни хотелось Робу провести денёк в огромном городе, раскинувшемся на приморских холмах, задерживаться здесь мальчик не решался и ограничился беглым взглядом на высоченные небоскрёбы, на пролив Золотые Ворота, на знаменитый мост того же имени и на прочие местные достопримечательности.

Юный странник подивился несметному количеству китайцев, кишевших в одном из

обширных районов. Целые кварталы были заселены выходцами из Поднебесной империи.

Впрочем, Сан-Франциско и впрямь гораздо лучше обзирать с высоты птичьего полёта: шатаясь по улицам, этот город не обойдёшь и за год. А сверху видно сразу всё — и весьма отчётливо.

Утолив своё любопытство и не пытаясь приземляться, мальчик свернул к юго-востоку и пролетел над полуостровом до самого Пало-Альто, где полюбовался чудесными университетскими зданиями. Затем Роб устремился к востоку, добрался до горы Гамильтон и, заинтересовавшись огромной башней, где располагается Ликковская обсерватория, парил над нею, пока не увидел смятение астрономов, принявших спешно поворачивать и направлять на мальчика преогромный телескоп.

Но, протерев глаза и произнеся всё, что принято при подобных случаях произносить в академической среде, астрономы торжественно поклялись друг другу никогда и ни при каких обстоятельствах не упоминать о небывалом происшествии публично и, тем паче, не писать о нём статей: никто не поверит, и научные репутации пойдут прахом.

В учёном мире, где здравый смысл, добросовестность и правдивость ценятся превыше

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

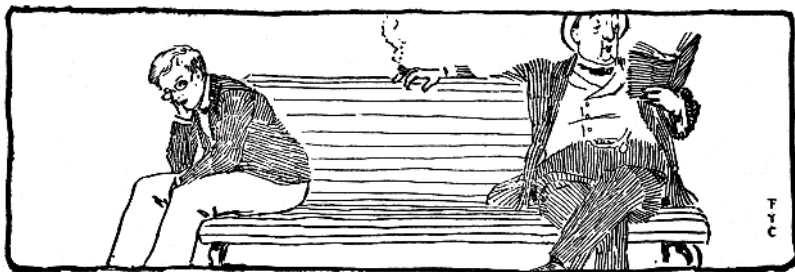
всего, человеку, столкнувшемуся с небывалым явлением, всего безопаснее помалкивать.

Впрочем, в рабочих журналах астрономы всё же сделали соответствующую отметку.

А юный искатель приключений поднялся повыше и наискосок помчался над великим американским континентом.

К полудню внизу возник город Чикаго и, после краткого осмотра, мальчик решил: будь что будет — невозможно хотя бы час не посвятить прогулке по этому столь замечательному городу, населённому пришельцами со всего света.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ОТ БЕДЫ НА ВОЛОСОК

В Чикаго, в башне, которую горожане зовут Аудиторией, помещается и работает Метеорологическая служба, снабжающая прогнозами погоды всю страну. Лучшего места для приземления Роб и придумать не смог бы.

Он тихонько спустился на крышу огромной башни, сошёл по лестнице, добрался до лифта и в его кабине съехал на первый этаж, не привлекая ничего любопытства.

Потоки людей так и стремились по тротуарам. Люди спешили сломя голову, точно за ними кто-то гнался по пятам, и поначалу Роб подумал, что все они куда-то отчаянно опаздывают.

Просто гулять и глазеть по сторонам оказалось немислимым. Робу непрерывно задевали, толкали, оттискивали, отпихивали, оттирали.

За полчаса мальчик почти ничего не увидел, зато устал как собака.

Стоял чудесный погожий день и, выйдя на так называемый Озёрный берег, Роб исхитрился отыскать себе незанятую скамейку. Следовало чутко передохнуть.

Вскоро к мальчику подсел пожилой господин, державшийся с гордым достоинством и одетый в чёрное. Господин извлёк из кармана журнал, развернул его и принялся читать. Краем глаза Роб подметил название статьи: «Современная наука и прогресс».

Господин читал с упоением, ничего, казалось, не замечая вокруг.

Некоторое время спустя Роб ощутил, что проголодался — о таблетках он в последние сутки позабыл начисто. Достав серебряную коробочку, юный путешественник проглотил очередную маленькую кругляшку.

— Что бы сие значило? — негромко полубопытался пожилой господин. — Не рановато ли Вам, сударь, принимать патентованные лекарства?

— Это не совсем лекарства, — с улыбкой ответил мальчик. — Это питательный электроконцентрат. Глотаете одну таблетку — и целый день сыты.

Пожилой господин бросил на мальчика внимательный взгляд, отложил журнал и подержал коробочку в руках, с любопытством изучая таблетки.

— Запатентовано? — спросил он коротко.

— Нет, — сказал Роб, — о них известно только мне.

— Предлагаю полмиллиона долларов за рецепт изготовления, — предложил пожилой господин.

— Увы, не согласен! — засмеялся Роб.

— Миллион, — спокойно произнёс господин.

Роб потряс головой.

— Рецепт не продаётся, — пояснил он, — потому что я сам не знаю рецепта.

— Нельзя ли подвергнуть таблетки химическому анализу и распознать их состав?

— Понятия не имею; но их никто и не будет анализировать, — решительно сказал Роб.

Пожилой господин молча поднял со скамьи свой журнал и возобновил чтение.

Заскучавший Роб извлёк из кармана Автоматический Летописец и принялся рассматривать движущиеся изображения на зеркальной пластинке.

Вскоре он заметил, что пожилой господин бесцеремонно и жадно заглядывает ему через плечо.

Летописец показывал, как отважный и злосчастный краснокожий вождь Нетувин сдавался

в плен кровожадному новомексиканскому полковнику Ренклоду ван-д'Аллу. Несколько минут и мальчик, и незнакомец увлечённо следили за этим историческим событием, позабыв обо всём остальном.

Затем Автоматический Летописец явил их взорам банду русских анархистов, которые, бормоча «никто не даст нам избавленья», своею собственной рукой подкапывались под царский дворец, дабы до основания взорвать его динамитом и построить свой, новый.

Пожилой господин откашлялся.

— Продайте мне эту шкатулку! — попросил он ласково.

— Исключается, — бросил Роб и поскорее вернул Автоматический Летописец в карман.

— Получишь миллион долларов и сможешь контролировать половину чикагской торговли, — сказал господин преувеличенно спокойным голосом.

— Вы прямо швыряетесь деньгами, — заметил Роб. — Сколько же их у Вас?

— У меня лично?

— Да.

— Ни гроша, молодой человек. Но я предлагаю Вам не свои собственные деньги. Я легко и просто получил бы под показанные Вами вещи любую ссуду, миллионные капиталы.

— Это как же?

— Допустим, образуется трест — Вы и я. Выходим на рынок. Капитал возрастает, исчисляется уже сотней миллионов — и Вы можете располагать четвертью акций... двадцать пять миллионов. Согласитесь, Вам никогда не придётся гадать, откуда наскрести монет, чтобы уплатить по счёту бакалейщика!

— С моими таблетками, — добродушно заметил Роб, — о бакалейной лавке пора забыть.

— Верно... Впрочем, Вы будете вести привольнейший образ жизни. Денег вдоволь, работать не надо, сиди себе в кресле, плюй в потолок да почитывай газету.

— С моим Автоматическим Летописцем в газеты остаётся только селёдку заворачивать, — засмеялся Роб.

— Верно, верно... и всё же, что Вы ответите на моё предложение?

— Отвечу: большое спасибо, но зачем?

Господин вздохнул и снова углубился в чтение научного журнала.

Украдкой достав Определитель Характера, мальчик надел очки и повернул голову. На безмятежном челе пожилого незнакомца отчётливо проступали буквы «П», «З» и «Д».

«Плохой и злой дурак», — ужаснулся Роб, сдёргивая и пряча Определитель. — Но до чего же такому субъекту легко обводить людей вокруг пальца! Ведь поглядишь — мухи не обидит! Вот уж сказано: в тихом омуте...

Он решил поскорее улизнуть от вкрадчивого незнакомца и, встав со скамьи, неторопливо двинулся по аллее. Потом обернулся.

Пожилой господин, суливший золотые горы и половину чикагской торговли впридачу, исчез.

Роб зашагал вниз по Стэйт-стрит, потом вернулся вспять, не уставая дивиться оживлённой городской сутолоке. Но время, отведённое им самому себе для знакомства с Чикаго, уже близилось к концу. Мальчик начал присматривать удобный небоскрёб, с крыши которого можно было бы взлететь незаметно для окружающих.

Найти высотное здание оказалось отнюдь не трудно. Роб поднялся в лифте на последний этаж и стал карабкаться по металлической лесенке, уводившей на плоскую крышу.

Восходя по звонким ступенькам, наш путешественник услышал за собою чьё-то дыхание и обнаружил приятного широкоплечего молодого человека, явно желавшего полюбоваться городской панорамой с высокой крыши.

Первой мыслью раздосадованного Роба было вернуться на улицу и попытать счастья с другим небоскрёбом. Но, рассудив, что не станет же молодой человек ошиваться на крыше до завтра, почёл за благо не менять первоначального замысла.

Выйдя наружу и приблизившись к парапету, Роб притворился, будто изучает виды громадного промышленного города.

— Клёвый пейзажик — скажи, кореш? — послышалось позади. На плечо мальчика небрежно и тяжело улеглась крепкая рука.

— Ага, — отозвался Роб, перегибаясь через парапет, чтобы лучше видеть.

Незримая железная рука переместилась Робу на затылок.

Вторая незримая рука подцепила его лодыжки, рванула вверх — и мальчик стремглав полетел с крыши небоскрёба на казавшуюся бесконечно далёкой булыжную мостовую.

Перепуганный до полусмерти, Роб сообразил всё же поднести к лицу левое запястье и поставить указатель на циферблате летательной машинки в положение «нуль». Свободное падение тут же замедлилось и прекратилось примерно в пятнадцати футах от брусчатки, о которую мальчику не миновать бы разбиться в лепёшку, если бы не подарок Электрического Джинна.

Болтаясь в воздухе головой книзу, Роб увидел прямо под собою пожилого господина, встреченного на Озёрном берегу. Пожилой господин стоял, задрав голову, и смотрел на Робса с выражением суеверного ужаса.

Заговор! Заговор убийц и грабителей, решивших завладеть электрическими чудесами! — промелькнуло у Робса в мозгу.

Молодой крепыш был, разумеется, сообщником престарелого прохиндея и поднялся на крышу вслед за Робсом, чтобы сбросить мальчика на мостовую, где карауливший добычу негодяй готовился в несколько секунд обчистить карманы разбившегося и пуститься наутёк.

Робс испугался так, как не пугался ни разу в жизни — ни до описываемого случая, ни когда-либо впоследствии.

До его слуха долетели крики сбежавшихся уличных ротозеев — эту публику хлебом не корми, дай поглазеть на разбившегося или под колёса угодившего, либо иначе пострадавшего человека. И мальчик сообразил, что недвижно висит над булыжниками на высоте пятнадцати футов, и чикагские зеваки уже с ума сходят, наперебой обсуждая невиданное и неслыханное явление!

Он быстро перевёл указатель в положение «подъём» и взвился ввысь, оставив галдящее сборище судачить и тараторить без умолку.

Роб снова правил путь на восток, тихонько скуля от страха при мысли о том, какой участи избежал чистейшим чудом.

«И таким людям, таким негодьям, для которых чужая жизнь дешевле гроша ломаного, Электрический Джинн собирается даровать свои чудесные приспособления? — думал Роб. — Эдакую двуногую дрянь собирается наделить неимоверной мощью? Чего же они только не натворят, получив несказанное могущество? Жить не захочется, если у эдаких разбойников окажутся в руках Автоматические Летописцы, летательные машинки и трубки-выручалочки!»

Мальчик охнул.

«Да ведь и жить никому из добрых, разумных людей не позволяют — всех до единого перебьют!»

Рассуждая в таком невесёлом духе, Роб решил не приземляться больше нигде и ни за что. Впрочем, когда смерклось, он всё же снизился над фермерским полем, осторожно осмотрелся и, убедившись, что поблизости нет ни души, сладко проспал до рассвета в стоге тёплого душистого сена.

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

Ровно в десять часов утра он достиг родного дома, незаметно спустился наземь и зашагал по зелёной, тщательно подстриженной лужайке.

Следовало пошевеливаться. Наступила суббота.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

МАЛЬЧИК ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

ЮНЬИЙ путешественник распахнул входную дверь и нос к носу столкнулся со своей сестрой Нелли, которая радостно вскрикнула и бросилась Робу в объятия.

— О, Роб! — воскликнула она. — Как хорошо, что ты появился! Мы ужасно волновались, а мама...

Девочка умолкла.

— Что? Что с мамой? — завопил встревоженный Роб.

— Она очень расхворалась, Роб; и доктор сказал сегодня утром: если от тебя не будет вестей — маме не встать. Она просто извелась без тебя!

Роб стоял столбом, вся радость возвращения улетучилась в один миг.

— Нелли, где она? — спросил мальчик, опомнившись.

— У себя в комнате. Пойдём, провожу.

С бьющимся сердцем Роб отправился вослед сестре, и скоро плачущая мать уже прижимала скитальца к своей груди.

— Мой мальчик! О, мой дорогой мальчик! — причитала г-жа Джослин, будучи не в силах вымолвить ничего иного. Она гладила Роба по голове, непрерывно целовала и при этом плакала.

Роб помалкивал. Только пообещал никогда больше не отправляться ни в какие путешествия без родительского ведома и полного согласия. Он мысленно сравнивал заботу и любовь, которыми был окружён дома, с безразличием, неприязнью и открытой враждой, подстерегавшими одинокого ребёнка в бескрайнем мире.

И хотя лет мальчику было немного, он втайне принял решение, способное сделать честь и умудрённому житейским опытом взрослому человеку.

Обо всех приключениях пришлось поведать матери. Опасности, пережитые в странствиях, Роб старательно приуменьшал, однако г-жа Джослин всё равно вздрагивала и всхлипывала при каждом новом повороте рассказа.

Г-н Джослин, с коим Роб встретился во время обеда, напротив, не жалел сильных выражений, честил беглеца на все корки, живо и красочно расписывал ему смятение, царившее в доме после того, как Роб исчез.

— Ты хоть о матери подумал, подлец? — кричал он, стуча кулаком по столу. — Ты хоть на одну минуту вспомнил о ней, лоботряс и разгильдяй, куда порхал за тридевять земель? Представь себе, что с нею творилось целую неделю — представь, паразит!

Впрочем, выслушав долгие смиренные извинения мальчика и увидев, что жена воспряла духом и щебечет от радости, г-н Джослин постепенно сменил гнев на милость. За столом воцарились привычные мир, покой и согласие. Робу пришлось повторить всю рассказанную матери повесть от начала и до конца.

Сёстры слушали, распахнув глаза, всплёскивая руками, то и дело прерывая Роба восторженными возгласами. Даже г-н Джослин заинтересовался отчётом юного искателя приключений — только старательно хранил бесстрастное выражение лица, чтобы не испортить воспитательное воздействие произнесённой ранее речи.

Потом отец поднялся и ушёл в кабинет, а Роб отправился в свою спальню и уселся у окна, где и

провёл немало времени, раздумывая над принятым решением.

Было почти четыре часа пополудни, когда мальчик очнулся от мыслей.

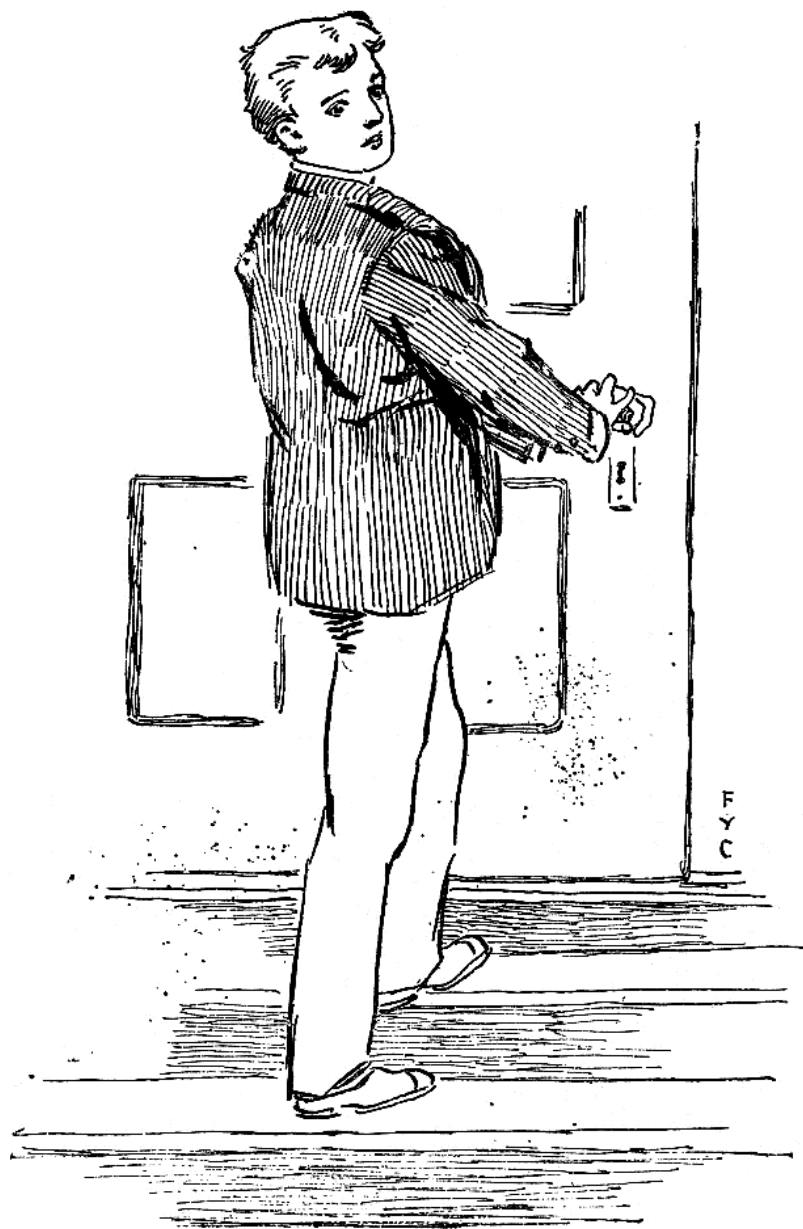
— Скоро появится Джинн! — с отвращением пробормотал Роб. — Надо подняться в мастерскую, приветить дорогого гостя!

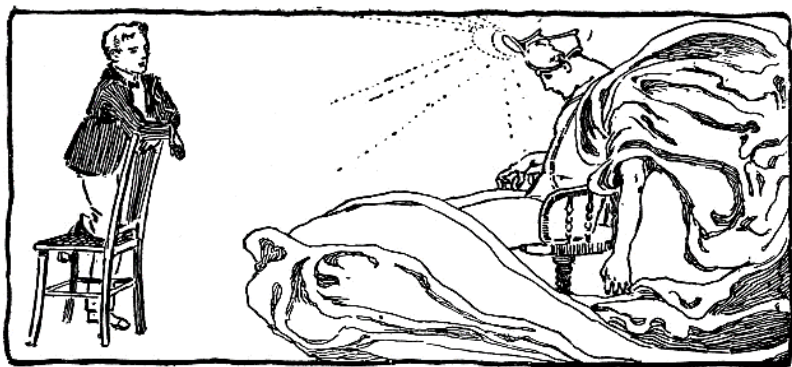
Он потихоньку прокрался к ведшей на чердак лестнице, помедлил, прислушался. Всё в доме было мирно и спокойно.

Где-то в отдалённой комнате г-жа Джослин тихо замурлыкала колыбельную песенку, так памятную Робу по далёким дням раннего-раннего детства.

Ещё минуту назад мальчик тревожился, волновался и беспокоился, но, вероятно, материнское пение разом придало ему отваги: Роб выпрямился, подтянулся и бодрым шагом поднялся по лестнице в свою электрическую лабораторию.

Он переступил порог, затворил за собою дверь и замкнул её.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ЗЛОСЧАСТНАЯ УЧАСТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ДЖИННА

СГУСТИВШИЙСЯ воздух снова насыщался электрическими токами. Снова мальчик невольно затаил дыхание. Снова мгновенный вихрь промчался по мастерской, снова раздался треск, похожий на треск ружейной пальбы — и в ослепительной, уже знакомой вспышке Робу опять явился Электрический Джинн, слуга Волшебного Выключателя.

Явился в третий и последний раз.

— Приветствую тебя, о мальчик! — молвил Джинн довольно дружелюбным тоном.

— Добрый день, о Джинн! — ответил Роб и церемонно поклонился.

— Вижу, ты возвратился в целости и сохранности, — одобрительно молвил Джинн, — хотя однажды мне почудилось, что подопечному каюк. Не вышиби я трубку-защитницу из руки турецкого мерзавца, копошившегося на гребне стены, ты бы скучал в Яркендском оазисе по сию минуту и ещё много-много долгих лет.

— Ты был там? — спросил Роб.

— Разумеется, и вернул тебе трубку, без коей ты бы оказался беспомощен. Но это — единственный раз, когда понадобилось моё прямое вмешательство.

— Боюсь, немного полезных подсказок сумел я подарить изобретателям и учёным, — посетовал Роб.

— Увы. И об этом только сожалеть можно... Всё же, — продолжил Джинн, — твои небывалые возможности вызвали больше изумления и смятения, чем ты считаешь. Тебя видело множество людей, на которых ты и внимания обратить не успел — или не удосужился. А в итоге несколько толковых инженеров-электриков уже вовсю ворочают мозгами. В недалгом времени мир увидит пару-тройку таких же, или подобных этим, устройств.

— Получается, ты доволен? — осведомился Роб.

— Сказать по чести, — невозмутимо промолвил Джинн, — отнюдь нет. Но я надеюсь, что чудесные дары, предназначенные тебе сегодня, вызовут, наконец, всеобщий интерес к электрическим приборам, и опыт мой увенчается надлежащим успехом.

Роб внимательно глядел на сверкавшего и блиставшего собеседника, однако не отвечал ни слова.

— Доселе, — продолжил гость, — ни единому из людей не даровалось таких удобных и мощных средств для украшения, сохранения и продления жизни. Ты — первый. Правда, ты не слишком-то ценишь мои дары, но что с тебя возьмёшь? Обыкновеннейший мальчишка, безо всяких выдающихся способностей, зато со всеми присущими твоей породе недостатками. Выше головы не прыгнешь... Потому и не особенно браню тебя за уйму сотворённых глупостей.

— Ты очень добр, — ответил Роб.

— И в доказательство моей доброты, — осклабился Джинн, — прими подарок первый, а именно: Электромагнитный Целитель. Видишь? Узкий металлический обруч; его носят на манер королевской короны. Обруч застёгивается на затылке. Достоинства Целителя намного выше тех, которыми наделены в античных и средневековых

преданиях Источник Вечной Юности и Жизненный Эликсир. Человек, возложивший на своё чело Электромагнитный Целитель, немедленно избавляется от любого телесного недуга или недомогания, от любой боли; здоровье этого человека делается отменно крепким.

Джинн выдержал многозначительную паузу. Потом торжественно произнёс:

— Возможности Целителя таковы, что даже мёртвых он возвращает к жизни — если кровь не успела остыть и запечься в жилах. Думается, вручая тебе этот прибор, я дарую человечеству наивеличайшее из желанных ему благ.

И Джинн протянул Робу узкий, довольно тусклый металлический обруч.

— Оставь себе, — сказал Роб.

Джинн вздрогнул и странно посмотрел на мальчика.

— Что-что? — переспросил он.

— Оставь себе, — повторил Роб. — Я твой Целитель не возьму.

Джинн отшатнулся, будто его ударили:

— Не возьмёшь?

— *Не* возьму. И довольно с меня твоих окаянных штуквин! — заорал мальчик, неожиданно разгневавшись.

Он расстегнул пряжку, сорвал с запястья летательную машинку и положил её на стол, поближе к ошарашенному Джинну.

— Из-за этой дряни я такого натерпелся! — воскликнул Роб. — Какое право имеет один человек летать по воздуху, если другие люди рождены ползать по земле? Почему я должен свысока — с высоты! — плевать на окружающих лишь потому, что именно мне ты вручил свою летательную машинку? А? Я не просил её и не желаю держать её при себе ни минутой дольше. Отдай тому, кого ты возненавидишь ещё больше, чем возненавидел меня!

Джинн казался напрочь ошеломлённым и переводил блистающий взор то с машинки на Роба, то с Роба на машинку, словно сомневаясь: а не обманывает ли его слух?

— А вот твои питательные таблетки, — продолжил мальчик, определяя коробочку бок о бок с летательной машинкой. — С тех пор, как ты мне их вручил, я лишь один раз и поел по-людски.

Он передёрнул плечами:

— Твои таблетки очень питательны, сказать нечего — отличная штука для путешественников. Только природа нас не создавала для такого питания, иначе зачем у людей вкусовые пупырышки на языке? Обыкновенную пищу приятно есть, и если я человек,

то и питаться хочу, как люди. В рот их больше не возьму, твои таблетки, так и знай!

Джинн опустил в кресло, поникший и потрясённый. Он смотрел на мальчика с нескрываемым ужасом.

— Вот ещё одно изобретение, которое запретить нужно! — крикнул Роб, добавляя к машинке и таблеткам Автоматический Летописец. — Какое ты право имеешь перехватывать электрические вибрации ничего не подозревающих людей и подглядывать за ними? Хорошенькая жизнь получится, если каждый сможет подсматривать за кем угодно! А вот Определитель Характера — забирай!

Злосчастный определитель шлёпнулся поверх Летописца, соскользнул, перевернулся и чуть не сбросил на пол коробочку питательных таблеток.

— Порядочному человеку он ни к чему, — заявил Роб. — Незачем узнавать о других людях правду без их ведома! Всякий, кто пользуется подобными подлыми очками — хуже вора! Да, я сам пускал Определитель в ход, и меня ремнём отшлёпать за это следовало бы. Никогда больше в них не посмотрю, даже не прикоснусь к эдакой пакости.

Джинн взирал на Робба с нескрываемой безразличностью и глубоким сожалением. Он

попытался было встать, но передумал и лишь поглубже устроился в кресле.

— Что до Защитного Одеяния, — выпалил Роб, немного помолчав и набравшись новых сил, — то я снял его: забирай! Вот! И электрическую трубочку рядом кладу. Признаю, это неплохие вещицы, да только мне от тебя ничего не надо, ничегошеньки! Хочу жить как люди!

— Если бы все армии, — негромко молвил Джинн, — вооружались трубками-выручалочками вместо сабель, ружей и пушек, в мире проливалось бы куда меньше крови, нежели нынче.

— Да! — крикнул Роб. — Со временем! Но это время ещё не пришло!

— Ты мог его приблизить, — улыбнулся Джинн. Улыбка вышла усталой и грустной. — Ты мог бы существенно приблизить наступление лучших времён, окажись в твоей немудрой голове чуточку больше разума.

— Да! — крикнул Роб. — Да! Мало у меня мозгов! Сам виноват, если с таким дураком связался!

— Увы, — сказал Джинн. — К великому сожалению, именно ты случайно коснулся Волшебного Выключателя. Выбора у меня, к величайшему сожалению, не было.

— У большей части человечества, — с яростью огрызнулся Роб, — мозги ничуть не лучше моих. Я

такой же, как почти все остальные, пойми. Люди, получив твои чудесные изобретения, планету вдребезги разнесут с их помощью, друг друга со свету сживут!

Он умолк, и некоторое время царила полная тишина.

— Верно, — вздохнул, наконец, Электрический Джинн. — Будь твои сородичи хоть немножко умнее и добрее — всё бы иначе пошло. Признаю: ты прав. Хотя и глуп.

Роб не обиделся, или почти не обиделся.

— Но ведь есть же изобретения, от которых никому вреда не бывает и быть не может, — промолвил Джинн. — Электромагнитный Целитель, например. Это ведь и впрямь чистейшее благодеяние для рода человеческого! А кроме Целителя, у меня ещё припасён Всемирный Связной — простое электрическое устройство, позволяющее беседовать с кем угодно, пребывающим в какой угодно части света. Безо всяких проводов! По сути дела...

— Стоп! — воскликнул мальчик. — Никаких пояснений. Ни с тобой, ни с твоими чудесами я связываться больше не хочу. Изобретения испытаны и признаны вредными, потому что навлекли на испытателя уйму неприятностей.

— Ты сам навлёк их на себя, — устало сказал Джинн. — Ты занимался исключительно поиском неприятностей на собственную голову. Глупец неизменно попадает в переплёты и винит в этом кого и что угодно. Окажись мои дары в руках у человека умного и талантливого, дело повернулось бы совсем иначе.

Он прищурился и с нескрываемым презрением добавил:

— А ты, по словам уж не помню какого из писателей, получил во владение микроскоп и тут же принялся им гвозди заколачивать. Эх ты... Правда, признаю: мои дары ни разу не употреблялись тобою во зло.

Роб отмолчался. Он отчего-то не любил вспоминать историю с роялистским заговором во Франции. Где-то на дне души начинало шевелиться не очень хорошее чувство: казалось, он, Роб, выглядел в этой истории обыкновеннейшим доносчиком.

Причём, поёжился Роб, доносившим не за страх, а за совесть... Бр-р-rrr!

— Что касается твоего долга перед человечеством и наукой...

Окончить фразу Джинну не удалось.

— Я в долгу только перед собой самим и своей семьёй! — закричал Роб. — Я никогда не занимался

наукой всерьёз, всего лишь забавлялся простыми электрическими опытами. Никакого долга нет у меня перед наукой! И перед Электрическими Джиннами тоже!

Электрический Джинн медленно поднялся на ноги.

— Подумай, — сказал он спокойно, — сколько лет минует, прежде чем другой человек прикоснётся к Волшебному Выключателю. Подумай также обо мне: я томлюсь, отрезанный от жизни земного человечества, хотя обладаю полезнейшими для этого человечества изобретениями! Если тебе наплевать на интересы науки, то не плюй хотя бы на судьбу себе подобных. Ты же, — передразнил мальчика Джинн, — хочешь быть «как люди». Значит, позаботься о них! И обо мне позаботиться мог бы, между прочим.

— Мне подобные, — отпарировал Роб, — намаются с твоими подарками так же, как и я. Поэтому считаю долгом...

Джинн ухмыльнулся.

— ...Считаю долгом избавить их от подобных даров. Ну, а что касается тебя самого — пожаловаться не могу, ты парень что надо. Очень порядочный Джинн. Думаю, ты действительно желаешь людям добра, да только ничего у нас с

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ

тобою из этого не получается. Не сочетаемся мы друг с другом.

Джинн горестно вздохнул и развёл руками.

— Почему, ну почему же, — сказал он, — до Волшебного Выключателя не добрался человек поумнее!

— Ага, — согласился Роб. — В этом весь... как его? Корень зла.

— То есть? — недоумённо спросил Джинн. — В чём корень зла?

— А в том, что на Волшебный Выключатель не наткнулся человек поумнее моего. Ты не понимаешь? Сейчас поясню. Ты — Электрический Джинн, верно?

— Да, я Электрический Джинн, — ответил гость и гордо выпрямился.

— И обязан подчиняться распоряжениям любого, кто намеренно или случайно притронется к Волшебному Выключателю?

— Так точно.

— Я когда-то прочёл в книге, что всем на свете правят нерушимые законы природы. Если это так, то своим существованием ты обязан одному из этих законов.

Джинн кивнул.

— Не сомневаюсь: природа предписала тебе обязательно и непременно явиться человечеству, когда человечество сделается достаточно разумным

и просвещённым, чтобы нащупать Волшебный Выключатель. Когда мир станет готов использовать подаренные изобретения. Согласен?

— Пожалуй, — задумчиво промолвил Джинн.

— Случайности на то и случайности, чтобы приключаться вовремя и не вовремя. По чистой случайности я наткнулся на Волшебный Выключатель задолго до того, как учёный мир созрел для знакомства с тобой... И для твоих даров.

Джинн пожал плечами.

— Ты же, — продолжил мальчик, — радостно ухватился за эту случайность, вместо того чтобы отмахнуться от неё и забыть о недоразумении. Ты поспешил явиться мне во всём блеске — мне, простому и не очень, как ты сам говоришь, умному ребёнку — и щедрой рукой начал рассыпать свои дары.

— Да ты набираешься ума не по дням, не по часам, а по минутам! — слабо усмехнулся Джинн. — Быть может, общение со мной всё-таки не проходит бесследно...

Настал черёд и Робу пожать плечами.

— Очень уж хотелось хоть что-нибудь полезное сделать, наконец, — пояснил Электрический Джинн. — Ты и представить себе не можешь, до чего глупым и бесцельным было пребывание в бездействии! Обладать такими

сокровищами, иметь полную возможность облагодетельствовать людей — и оставаться незримым и неведомым!

— Ничего не попишешь. Набирайся терпения и жди, — посоветовал Роб.

В голосе мальчика зазвучало неподдельное сочувствие.

— Мир создавался не в одно мгновение и, хоть цивилизация движется вперёд неплохим шагом, человечество ещё не созрело до встречи с Электрическим Джинном.

— Что же теперь? — застонал гость, нервно похрустывая суставами сияющих пальцев. Хруст звучал очень похоже на треск электрических разрядов. — Куда же теперь деваться?

— Отправиться восвояси, успокоиться и жить как ни в чём не бывало, — посоветовал Роб. — Не волнуйся. Ничто в природе не создаётся бесцельно. Однажды и твой день придёт. Только извини, старина, день этот ещё не настал. А ты поторопился и нечаянно дров наломал. Сам виноват.

— Верно, — согласился Джинн, расхаживая по комнате взад и вперёд. Электрические искры летели от него во все стороны. Волосы Роба зашевелились и поднялись.

— Верно, — повторил Джинн. — Придётся ждать, ждать, и ждать... Молча и терпеливо ждать,

покуда оковы мои не разобьются по воле разума, отнюдь не случая. Скверная участь, я бы сказал, злосчастливая. Придётся ждать... Ждать...

— Рад, если ты опомнился, — произнёс мальчик. — Если добавить нечего...

— Увы. Нечего.

— Значит, всего доброго, — сухо сказал Роб.

— Увы и ах... Кажется, в этой комнате два дурака, — буркнул Джинн. — И надо же было с тобою столкнуться!

— Я тебя не искал и не вызывал преднамеренно, — промолвил Роб. — И отнёсся к тебе очень хорошо, хотя, по правде сказать, кое-кто забылся, перестал числить себя слугой и рабом, задрал нос, пытался повелевать.

Электрический Джинн отмолчался. Он лихорадочно распихивал чудесные устройства, брошенные Робом на стол, по своим бесчисленным карманам.

Наконец, необычайный гость повернулся.

— Счастливо оставаться! — крикнул он. — Следующий смертный, взору коего я предстану, будет вполне достоин драгоценных даров! Что касается тебя, мальчишка, дни твои протекут в неизвестности, а имя твоё сотрётся из людской памяти бесследно, затеряется меж миллиардов иных,

неведомых и чуждых славе! Прощай — и навсегда прощай.

Сверкнула гневная вспышка, схожая с молнией, и грянул громовой удар. Мальчик отшатнулся, наполовину ослеплённый и начисто оглушённый.

Когда он опомнился, Электрический Джинн уже исчез.

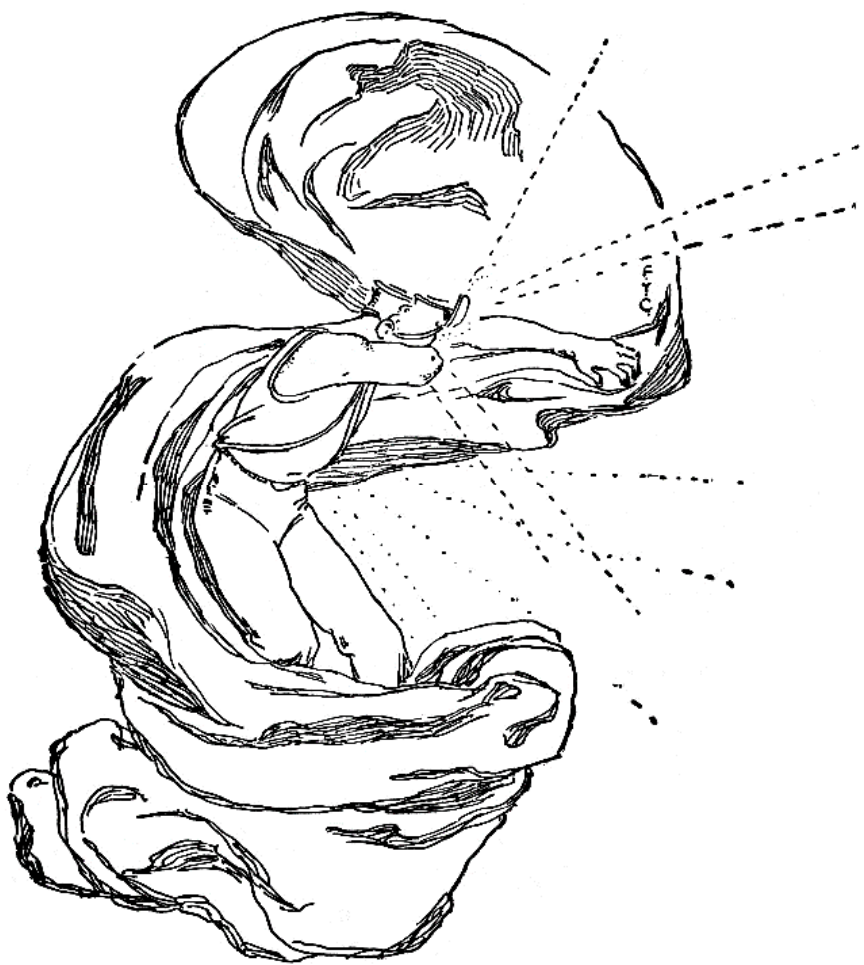
* * * * *

Мальчик покинул мастерскую с невыразимым облегчением. По лестнице он спускался, прыгая через две ступеньки на третью.

«Кое-кто, — подумалось Робу, — сочтёт меня болваном, отвергшим несравненные, волшебные дары, дивные и доселе невиданные изобретения! Да только хорошего — понемножку. По-моему, болваном нужно звать человека, не способного учиться на собственных ошибках».

Он остановился, отдышался и пробормотал:

— Не годится опережать остальное человечество на целое столетие. Всякому овощу своё время.

Автор повести:

Лаймен Фрэнк Баум

Оригинальное название:

*«The Master Key:
An Electrical Fairy Tale»*

Издательство:

*«Боуэн-Меррилл Компани»,
Индианаполис, 1901*

Художник:

Фэнни Янг Кори

Переводчик основного текста:

Сергей Александровский

**Автор проекта, составитель книги,
обработчик иллюстраций, корректор,
переводчик дополнительного текста**

Павел Ф. (pavel_7_8)

Москва, февраль 2016 года

ВОЛШЕБНЫЙ ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ